

ISSN 2079-5912

№4 2025 (71)

КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
THE KAZAN SOCIALLY-HUMANITARIAN BULLETIN

Социологические науки

Философские науки

Казанский социально-гуманитарный вестник

Информационный научно-аналитический журнал

2025, № 4 (71)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Минзарипов Рияз Гатауллович, доктор социологических наук, профессор. Президент Казанского (Приволжского) федерального университета, зав. кафедрой общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ. Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Российская Федерация, г. Казань

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Шамсутдинова Ильсия Ильдусовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ, Российская Федерация, г. Казань

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляев Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор. Заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Института инженерной экономики и предпринимательства Казанского национального исследовательского университета им. А.Н. Туполева – КАИ, г. Казань, РФ.
Большаков Андрей Георгиевич, доктор политологических наук, доцент, заведующий кафедрой конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, РФ.

Ершов Андрей Николаевич, доктор социологических наук, профессор. Ректор Казанского института инновационного менеджмента и информатики. Почетный консул Франции в г. Казани. Академик Академии политической науки, г. Казань, РФ.
Ефлова Мария Юрьевна, доктор социологических наук, профессор. И.о. директора Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, РФ.

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор. Заведующий кафедрой политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, РФ.
Морозова Галина Викторовна, доктор экономических наук, профессор. Заведующая кафедрой связей с общественностью и прикладной политологии Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. г. Казань, РФ.

Савельева Жанна Владимировна, доктор социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. г. Казань, РФ.
Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор. Декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования, заведующий кафедрой государственного управления, истории, социологии КНИТУ КХТИ, г. Казань, РФ.

Хайруллина Юлдуз Рашидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. г. Казань, РФ.
Шатунова Татьяна Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, РФ.

Щелкунов Михаил Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. г. Казань, РФ.

Журнал включен в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК (Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации)

Подписанной индекс в объединенном каталоге «Урал-пресс» № 11899.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019 г.

Цена свободная

Компьютерная верстка, оформление обложки:

А.И. Галиуллина

Адрес редакции: РТ, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, каб. 1606

Адрес в сети Интернет: www.kpfu.ru/isfnmk/kazanskij-socialno-gumanitarnyj-vestnik

E-mail: kazvestnik@mail.ru

Подписано в печать 23.12.2025. Дата выхода в свет 23.12.2025.

Формат 70*108 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Печ. л. 6,63. Тираж 300 экз. Заказ № 61/12.

Отпечатано в типографии Издательства Казанского университета

Адрес издателя и типографии: 420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37 тел. (843) 206-52-14 (доп. 1705), 206-52-14 (доп. 1704)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Бакулина Р.А. Социальные практики цифровой девиации и факторы кибервиктимизации.....	4
Валеева М.В., Абрамова С.Б. Повседневное счастье в структурах повседневности: опыт дневникового само наблюдения.....	11
Ефимова Г.З. Академическое развитие и карьерные планы научно-педагогических работников различных возрастных групп.....	22
Закиров А.М., Шамсутдинова И.И. Цифровая социализация студенческой молодёжи: подходы, принципы, уровни.....	35
Сапунова О.В. Оценка категорий конфликтности в медиапространстве: анализ медиатекстов и отношения пользователей	45
Хамитов Д.Д. Социальные проблемы и перспективы развития городов-спутников в Казанской агломерации: взгляд жителей и экспертов	53

ФИЛОСОФИЯ

Данилов А.С. Исторический Иисус и законы кашрута: проблемы интерпретации перикопы Mk. 7:14–19	61
Петросов Д.М. Социально-политические предпосылки классового подхода: обзор интерпретаций	69
Ротов И.М. Рождение казанской «философской клиники» из духа семьи Сотониных (Сатониных)	78
Хорт М.Г. Эпистемические добродетели и пороки студентов-философов в оценках профессоров Императорского Казанского университета (по материалам рецензий на медальные сочинения 1913–1916 гг.)	89

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Гарифуллин В.З. Медиаструктура и тематическая повестка общественно-политических СМИ Республики Татарстан	99
Руднева Я.Б. Транснационализм в этносоциологических исследованиях миграции из стран Центральной Азии (на примере Республики Татарстан)	107

CONTENTS

SOCIOLOGY

Bakulina R.A. Digital Deviant Practices and Factors Contributing to Cybervictimization	4
Valeeva M.V., Abramova S.B. Everyday Happiness in the Structures of Everyday Life: a Diary Self-Observation	11
Efimova G.Z. Academic Development and Career Plans of Teaching and Research Staff Across Different Age Groups	22
Zakirov A.M., Shamsutdinova I.I. Digital socialization of student youth: approaches, principles, levels	35
Sapunova O.V. Assessment of Conflict Categories in Media: Media Texts and User Attitudes	45
Khamitov D.D. Social Problems and Development Prospects for Satellite Towns in the Kazan Metropolitan Area: Residents' and Experts' Perspectives	53

PHILOSOPHY

Danilov A.S. The Historical Jesus and the Laws of Kashrut: Problems of Interpreting the Pericope of Mk. 7:14–19.....	61
Petrosov D.M. Socio-Political Prerequisites of the Class Approach: A Review of Interpretations.....	69
Rotov I.M. The Birth of the Kazan “Philosophical Clinic”: From the Spirit of the Sotonin/Satonin Family	78
Khort M.G. Epistemic Virtues and Vices of Philosophy Students in the Evaluations of Professors at the Imperial Kazan University (Based on Reviews of Prize-Winning Essays from 1913–1916).....	89

REVIEW ARTICLES

Garifullin V.Z. Media Structure and Thematic Agenda of Socio-Political Mass Media in the Republic of Tatarstan.....	99
Rudneva Y.B. Transnationalism in ethno-sociological studies of migration from Central Asian countries (case of the Republic of Tatarstan).....	107

УДК 316.77

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.4-10>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Социальные практики цифровой девиации и факторы кибервиктимизации

Бакулина Р.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп. 1

Аннотация. Статья посвящена анализу социальных практик цифровой девиации и факторов кибервиктимизации пользователей социальных сетей на основе эмпирического исследования, проведённого среди жителей Республики Татарстан. Цель работы заключается в выявлении практик и форм рискованных цифровых практик, а также в описании способов реагирования пользователей на мошеннические и агрессивные проявления в сетевой среде. Методологическую основу исследования составили социологические подходы к изучению цифровых коммуникаций, медиатизации повседневности и трансформации нормативного поведения в условиях анонимности. Эмпирическая база представлена результатами онлайн-анкетирования жителей Республики Татарстан ($n=1864$). Полученные результаты свидетельствуют о высокой степени вовлечённости пользователей в цифровые коммуникации и широком распространении рискованных и девиантных практик, связанных с анонимностью, агрессивным взаимодействием и использованием инструментов скрытия цифровой идентичности. Отмечается также значительная распространённость опыта кибервиктимизации и низкий уровень обращаемости за институциональной помощью. Сделан вывод о формировании устойчивых моделей цифровой девиации и необходимости разработки комплексных профилактических мер, ориентированных на повышение цифровой грамотности и укрепление региональной системы цифровой безопасности.

Ключевые слова: цифровая девиация, кибервиктимизация, онлайн-коммуникации, интернет-мошенничество, цифровая безопасность

Благодарности. Исследование выполнено за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» в рамках государственного задания

Для цитирования: Бакулина Р.А. Социальные практики цифровой девиации и факторы кибервиктимизации. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (4(71)):4–10.

Digital Deviant Practices and Factors Contributing to Cybervictimization

Bakulina R.A.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article examines social practices of digital deviance and factors of cyber victimization among social media users based on an empirical study conducted among residents of the Republic of Tatarstan. The aim of the study is to identify typical patterns of online behavior and forms of risky digital practices, as well as to describe users' responses to fraudulent and aggressive manifestations in the online environment. The methodological framework of the research is grounded in sociological approaches to the study of digital communications and the mediatization of everyday life. The empirical basis is represented by the results of an online survey among residents of the Republic of Tatarstan ($n=1864$). The findings indicate a high level of user involvement in digital communications and a widespread prevalence of risky and deviant practices associated with anonymity, aggressive interaction, and the use of tools to conceal digital identity. The study also reveals a significant prevalence of cyber victimization experiences and a low level of обращения for institutional assistance. The results suggest the formation of stable patterns of digital deviance and highlight the need to develop comprehensive preventive measures aimed at enhancing digital literacy and strengthening regional digital security systems.

Keywords: digital deviance, cyber victimization, online communication, internet fraud, digital security

Acknowledgements. The paper was published at the expense of the subsidy allocated to Kazan Federal University for the project № FZSM-2023-0022 «Digital socialisation and digital competence of young people in the conditions of global systemic changes: regulation technologies, risks, scenarios» within the framework of the state assignment

For citation: Bakulina R.A. Digital Deviant Practices and Factors Contributing to Cybervictimization. *The Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2025; (4(71)):4–10 (In Russ.)

Введение

Современное развитие цифрового общества сопровождается интенсивным внедрением сетевых технологий в ключевые сферы социальной жизни, что трансформирует коммуникационные практики [1, 2]. Расширение участия пользователей в цифровых коммуникациях способствует появлению новых моделей поведения, включая отклоняющиеся или потенциально рискованные [3]. Как показывают эмпирические исследования цифровой повседневности, высокая степень онлайн-вовлечённости формирует устой-

чивые поведенческие сценарии, нормализующие интенсивное и зачастую нерефлексируемое присутствие в сетевом пространстве [4].

Цифровая среда формирует качественно иную социальную реальность, где ослабевают традиционные механизмы нормативного регулирования и социального контроля. В исследованиях, посвящённых цифровой культуре и виртуальным коммуникациям, аналогичная мысль раскрывается через анализ изменения отношения пользователей к допустимости нарушений и снижению устойчивости

к девиантным практикам в условиях высокой анонимности и размывания границ приватности [1, 2, 5, 6]. Отмечается, что именно объективные свойства цифровой среды — анонимность, невидимость и опосредованность взаимодействия — усиливают склонность к девиантным и деструктивным формам поведения [7].

Вопросы регулирования поведения в цифровой среде анализируются и в правовом дискурсе. И.Р. Бегишев подчёркивает необходимость адаптации правовых норм к динамичному характеру цифровых технологий [3]. Цифровизация порождает новые объекты правового регулирования, не вписывающиеся в традиционные правовые конструкции, одновременно усиливая трансформацию информационной правосубъектности и актуализируя потребность в совершенствовании механизмов регулирования цифровой деятельности [8].

Проблема цифровой девиации носит универсальный характер и проявляется в различных социальных и культурных контекстах. Развитие онлайн-коммуникаций сопровождается переосмыслиением норм взаимодействия и ослаблением механизмов социального контроля, особенно в условиях анонимности [9]. Исследования деструктивных онлайн-практик, включая кибербуллинг, показывают, что сниженная персональная ответственность является ключевым фактором вовлечения пользователей в агрессивное и девиантное поведение [7].

Актуальность изучения цифровой девиации обусловлена ростом числа пользователей социальных сетей, повышением распространённости мошеннических практик и деструктивной коммуникации [10], ослаблением институциональных механизмов контроля и наличием правовых пробелов в регулировании цифрового взаимодействия.

В рамках работы цифровая девиация понимается как совокупность устойчивых форм отклоняющегося поведения в сети – от использования фейковых аккаунтов и анонимизирующих инструментов до агрессивных высказываний, манипулятивных практик и участия в мошеннических схемах. Кибервиктимизация в исследовании трактуется как причинение вреда пользователю вследствие его участия в онлайн-взаимодействиях, включающее экономический, психологический и репутационный ущерб. **Цель исследования** – выявление форм рискованных цифровых практик и способов реагирования пользователей на мошеннические и агрессивные проявления в сетевой среде.

Материалы и методика исследования

Методологическая база исследования основана на социологических подходах к анализу цифровых коммуникаций и девиантных онлайн-практик, включая концепции медиатизации, цифровой социализации и трансформации нормативного поведения в условиях анонимности.

Исследование проведено методом онлайн-анкетирования, направленного на выявление особенностей цифрового поведения, восприятия рисков и опыта кибервиктимизации. В опросе приняли участие 1864 респондента – жителей Республики Татарстан; выборка формировалась с применением квотирования по полу и возрасту в соответствии с региональными статистическими данными. Анкетирование проводилось в период с февраля по май 2025 года и включало тематические блоки, отражающие особенности использования социальных сетей, рискованные и девиантные цифровые практики, опыт столкновения с онлайн-угрозами, реакции на кибервиктимизацию, восприятие социальных

рисков и готовность к девиантному поведению в условиях анонимности. Для обработки данных использовались методы описательной статистики, анализ групповых различий и интерпретативный контент-анализ открытых ответов.

Результаты

Исследование выявило, что современные социальные сети выступают ключевым элементом структуры цифровой коммуникации, определяя как интенсивность, так и качество взаимодействий пользователей. Практически полная вовлечённость населения в цифровую среду – 97,4% респондентов зарегистрированы минимум в одной социальной сети – формирует основу для широкого спектра как конструктивных, так и девиантных онлайн-практик. Наиболее популярными платформами являются WhatsApp* (82,3%), YouTube (71,5%) и Instagram* (54,3%), Telegram (80%), ВКонтакте (72%). Причём доминирование мессенджеров подчеркивает смещение цифровых коммуникаций в сторону более приватных каналов, где анонимность становится важным фактором пользовательского поведения. Социальные сети активно используются в различных сферах повседневности: для общения их применяют 89% пользователей, для поиска информации и самообразования – 70%, для рабочих и учебных задач – до 60%. Существенная часть межличностного взаимодействия переносится в онлайн: у большинства пользователей объем цифровой коммуникации составляет 50–70%, а среди молодёжи – до 100%. Эти данные свидетельствуют, что цифровые практики глубоко проникают в повседневные социальные связи, размывая границы между личной, образовательной и профессиональной сферами.

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории Российской Федерации

Одновременно с ростом онлайн-активности усиливаются рискованные и девиантные формы поведения. Так, 24,4% респондентов имеют фейковые или альтернативные аккаунты, что свидетельствует о распространённости стратегий сокрытия личности или параллельного ведения нескольких виртуальных ролей. Цифровая агрессия также является заметным компонентом онлайн-коммуникации: 18,8 % пользователей признают опыт размещения негативных или оскорбительных комментариев, причём среди молодежи этот показатель выше (20,4%). Значительная часть пользователей осознанно стремится усиливать анонимность: 29% опрошенных используют VPN-сервисы, 17,1% – скрытые функции мессенджеров, 17% – анонимные браузеры. Доступ к нежелательным или нелегальным ресурсам также распространён: 30–35% посещают такие сайты время от времени, а 10% – регулярно. Подобные показатели указывают на снижение барьеров в отношении рискованных цифровых практик и рост нормализации поведения, ранее воспринимавшегося как отклоняющееся.

Цифровые угрозы, прежде всего мошенничество, занимают значимое место в опыте пользователей: почти половина респондентов – 44,6% – сталкивались с экономическими мошенническими схемами, 25,3% – с навязанными псевдоуслугами, 20,1% – с обманом при онлайн-покупках, а 18% – с телефонными и банковскими мошенническими операциями. Фишинг (форма онлайн-мошенничества, направленная на незаконное получение персональных или финансовых данных пользователей путём имитации доверенных цифровых источников) является наиболее массовой формой цифрового мошенничества: 44% сталкивались с ним через мессенджеры, 38,1% – через электронную почту. Реальная кибервиктимизация оказалась весьма высока.

кой: 19,1% респондентов становились жертвами цифровых мошенников. Однако реакция пользователей на угрозы крайне сдержанная — 88% не обращались в правоохранительные органы, мотивируя это неверием в эффективность защиты, незначительностью ущерба или эмоциональными барьерами. При этом 62,9% не рассказывали о случившемся окружающим, что влияет на формирование высокого уровня латентности цифровых преступлений и препятствует борьбе с ними.

Восприятие угроз среди пользователей отражает комплекс ключевых проблем цифровой среды: злоупотребление персональными данными, распространение манипулятивного и ложного контента, онлайн-агрессия, преследование, навязчивые финансовые схемы. По мнению респондентов, распространённость цифровой девиации обусловлена низким уровнем цифровой грамотности, высокой анонимностью онлайн-среды и сложностью выявления нарушителей. Значительное влияние анонимности подтверждается тем, что 70,5% пользователей допускают возможность девиантных действий при безнаказанности, а высокая латентность цифровых инцидентов отражается в том, что 88% пострадавших не обращаются в официальные структуры. Экономическая привлекательность мошеннических практик также воспринимается как значимый фактор, учитывая, что с ними сталкивались 45% респондентов.

Важным показателем является отношение пользователей к собственному поведению: при условии полной безнаказанности 78,7% допускают вероятность совершить мошенничество, 68,8% — публично оскорбить другого пользователя, а 63,7% — создать ложный образ ради выгоды. Эти данные ярко демонстрируют влияние анонимности на снижение нормативных ограничений и ослабление механизмов самоконтроля.

Дискуссионные вопросы

Полученные результаты согласуются с выводами российских и зарубежных исследований, согласно которым цифровая среда трансформирует социальные связи, ослабляя традиционные механизмы нормативного контроля и способствуя нормализации девиантных практик. Как показывают работы М. Кастельса и Ш. Тёркл, сетевой характер коммуникаций и анонимность усиливают склонность к рискованному и агрессивному поведению, что подтверждается и данными настоящего исследования. Особый интерес представляет изучение практики использования потенциально опасных программ, например, таких как VPN-сервисы. Как пишут в исследованиях по теме цифровых навыков киберзащиты, вероятно, этот момент связан с когнитивным искажением, когда преимущества от применения нивелируют возможные угрозы [11].

Важным выводом является зависимость форм цифровой девиации от архитектуры и функционала платформ: смещение коммуникаций в мессенджеры и закрытые каналы сопровождается ростом приватности и снижением внешнего контроля. В этом контексте перспективным направлением дальнейших исследований является анализ новых мессенджерных экосистем, включая отечественный мессенджер MAX.

Заключение

Проведённое исследование позволило уточнить структуру цифровой девиации как совокупности устойчивых поведенческих практик, формирующихся в условиях сетевого взаимодействия. Цифровая среда выступает не просто каналом коммуникации, а автономным социальным пространством, в котором трансформируются механизмы нормативного регулирования, перераспределяются

ответственность и переосмысливаются границы допустимого поведения. В этом контексте девиантные практики становятся частью повседневных цифровых сценариев, а не исключительными формами отклонений.

Ключевым выводом является понимание цифровой девиации как динамического процесса, напрямую связанного с архитектурой платформ, уровнем анонимности и характером пользовательского взаимодействия. Высокая латентность кибервиктими-

зации и ограниченное использование институциональных механизмов защиты указывают на структурную уязвимость пользователей и воспроизведение цифровых рисков. Это требует перехода от фрагментарных мер к комплексной стратегии, объединяющей регулирование, просвещение и развитие субъектной ответственности в цифровой среде, что открывает перспективы дальнейших междисциплинарных исследований.

Список литературы / References

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2020. 608 с.
Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow: HSE Publishing House, 2020. 608 p. (In Russ.)
2. Кириллова Н.Б. Медиасреда и цифровая культура: социальные трансформации XXI века. М.: Аспект Пресс, 2019. 248 с.
Kirillova N.B. *Media environment and digital culture: social transformations of the 21st century*. Moscow: Aspekt Press, 2019. 248 p. (In Russ.)
3. Бегишев И.Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники. *Международное публичное и частное право*. 2021; (1):37–40.
Begishev I.R. International legal foundations for the regulation of artificial intelligence and robotics. *International Public and Private Law*. 2021; (1):37–40. (In Russ.)
4. Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Нагматуллина Л.К. Практики активности российской молодежи в цифровой среде. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023; (6 (63)):59–70.
Eflova M.Yu., Maksimova O.A., Nagmatullina L.K. Practices of Russian youth activity in the digital environment. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2023; (6 (63)):59–70. (In Russ.)
5. Чистякова Ю.С. Социология цифрового поведения: проблемы и перспективы исследования. *Социологические исследования*. 2021; (9):45–55.
Chistyakova Yu.S. Sociology of digital behavior: problems and research prospects. *Sociological Studies*. 2021; (9):45–55. (In Russ.)
6. Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell, 2010. 597 p.
7. Дадаева Т.М., Ларихина Т.В. Отношение молодежи к деструктивным практикам в цифровом пространстве. *Society and Security Insights*. 2022; 5(4):108–125.
Dadaeva T. M., Larikhina T. V. Youth attitudes toward destructive practices in the digital space. *Society and Security Insights*. 2022; 5(4):108–125. (In Russ.)
8. Чубукова С. Г. Информационная правосубъектность: цифровая трансформация. *Информационное право*. 2019; (3 (61)):12–18.
Chubukova S. G. Informational legal personality: digital transformation. *Information Law*. 2019; (3 (61)):12–18. (In Russ.)
9. Turkle S. *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other*. New York: Basic Books, 2017. 361 p.
10. Дугин А.Г. Социология виртуального пространства. М.: Академический проект, 2021. 320 с.
Dugin A.G. Sociology of virtual space. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2021. 320 p. (In Russ.)

11. Lipatova A., Eflova M. Assessment of Digital Safety Skills as a Component of Media Competence of Young People in the Sustainable Development Context. *Finance, Economics, and Industry for Sustainable*

Development (ESG 2024): Proceedings of the 5th International Scientific Conference on Sustainable Development, St. Petersburg. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2025:317-324.

Информация об авторе

Бакулина Регина Айдаровна, ассистент, аспирант кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Author ID 1320963; ORCID ID 0009-0000-5875-0582, E-mail: riginii9@gmail.com

Information about author

Bakulina Regina Aidarovna, assistant, postgraduate student in the Department of General and Ethnic Sociology at the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of Kazan Federal University. Author ID 1320963; ORCID ID 0009-0000-5875-0582, E-mail: riginii9@gmail.com

Поступила в редакцию 15.10.2025; принята к публикации 01.12.2025.

Received 15.10.2025; Accepted 01.12.2025.

Научная статья

Research article

УДК 316.4

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.11-21>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Повседневное счастье в структурах повседневности: опыт дневникового самонаблюдения

Валеева М.В., Абрамова С.Б.

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена повседневного счастья как устойчивого положительного эмоционального состояния, возникающего в рутинных действиях, социальных взаимодействиях и ситуациях повседневной жизни. В теоретическом разделе рассматриваются подходы к пониманию субъективного благополучия, микросчастья и эмоциональной динамики в повседневной жизни. Эмпирическая часть основана на данных, собранных дневниковым методом: 16 информантов 14 дней фиксировали свое настроение, события дня и эмоциональные реакции. Объектом выступили жители городов (столичных, областного центра, Свердловской области) в возрасте 18–60 лет. Анализ показал высокую зависимость уровня счастья от качества социальных связей, ритма дня, дня недели, совпадения ожиданий с реальностью и способности к эмоциональной регуляции. Установлены возрастные различия в приоритетах, реакциях и источниках поддержки. Повседневное счастье проявляется как комплексный опыт, опирающийся на повторяющиеся практики, чувство предсказуемости и эмоциональный отклик

Ключевые слова: повседневное счастье, дневниковый метод, субъективное благополучие, повседневные практики

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24-28-00617, <https://rscf.ru/project/24-28-00617/>

Для цитирования: Валеева М.В., Абрамова С.Б. Повседневное счастье в структурах повседневности: опыт дневникового самонаблюдения. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (4(71)):11–21.

Everyday Happiness in the Structures of Everyday Life: A Diary Self-Observation

Valeeva M.V., Abramova S.B.

*Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Mira str., h. 19, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation*

Abstract. This article explores the phenomenon of everyday happiness as a stable positive emotional state that emerges through routine actions, social interactions, and situations of daily life. The theory examines contemporary

approaches to understanding subjective well-being, micro-happiness, and emotional dynamics in everyday contexts. The empirical part is based on data collected using the diary method: 16 participants recorded their mood, daily events, and emotional responses over a 14-day period. The study involved urban residents (from metropolitan areas, a regional capital, and cities of the Sverdlovsk region) aged 18 to 60. The analysis revealed a strong dependence of happiness levels on the quality of social ties, daily rhythm, day of the week, alignment of expectations with reality, and the ability to regulate emotions. Age-related differences were identified in emotional priorities, reactions, and sources of support. Everyday happiness is presented as a complex experience based on repetitive practices, a sense of predictability, and emotional resonance.

Acknowledgements: The research was funded by the Russian Science Foundation No. 24-28-00617, <https://rscf.ru/project/24-28-00617/>

Keywords: everyday happiness, diary method, subjective well-being, everyday practices

For citation: Valeeva M.V., Abramova S.B. Everyday Happiness in the Structures of Everyday Life: A Diary Self-Observation. *The Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2025; (4(71)):11–21 (In Russ.)

Введение

Большинство людей хотят чувствовать себя счастливыми; однако некоторые данные свидетельствуют о том, что избыточная фокусировка на счастье может снижать его субъективный уровень – например, из-за завышенных ожиданий или чувства неудачи при несоответствии действительности [1]. Усилия междисциплинарных исследований в области счастья все чаще направлены на задачу разобраться в этом парадоксе. В контексте социологии счастье обычно рассматривается не только как субъективное состояние человека (как в психологии), но и как результат определенных социальных условий, влияющих на благосостояние и качество жизни. С нашей точки зрения, важный исследовательский вопрос состоит в том, как повседневные практики позволяют создать устойчивый «фон» для поддержания достаточного уровня субъективного благополучия, какие компоненты и модели используются для этого, как обеспечивается эмоциональная устойчивость при том, что каждый из этих компонентов может пойти «не так» в любой момент времени.

Стоит обратить внимание и на соотношение понятий «счастье», «субъек-

тивное благополучие», «эмоциональное благополучие», «положительные эмоции» и «настроение», которые взаимосвязаны друг с другом, но в целом описывают различные аспекты человеческого опыта и восприятия жизни. Так, счастье зачастую определяется как состояние субъективного благополучия, которое человек воспринимает как результат своей жизни, ее успешности и гармонии с внутренними и внешними обстоятельствами; субъективное благополучие – более узкое понятие, которое включает в себя как оценку своих целей и достижений, так и восприятие своей жизни в сравнении с другими людьми; под «эмоциональным благополучием» понимается состояние эмоционального комфорта, при котором человек в целом чувствует себя хорошо. Это понятийное ядро, которое ориентировано на качество эмоций: как часто и насколько интенсивно человек переживает положительные эмоции и как редко – отрицательные. В свою очередь, положительные эмоции выступают как элемент эмоционального благополучия, но они не обязательно равнозначны с субъективным благополучием или счастьем. Они, как правило, являются краткосрочными, яркими и интенсивными пережива-

ниями, которые связаны с приятными событиями, достижениями или взаимодействиями. Наконец, настроение – более длительное состояние, нежели эмоция. Это эмоциональный фон, который влияет на восприятие всего происходящего в жизни человека. Настроение определяет общий эмоциональный «тон» дня или недели, может сильно варьироваться в зависимости от внешних (в том числе социально-экономических) обстоятельств и внутреннего состояния. В отличие от эмоционального благополучия настроение менее стабильно и подвержено изменениям.

Развитие позитивной психологии, экономики счастья, теории эмоционального интеллекта остро поставило вопрос о возможности человека осознанно регулировать свое эмоциональное состояние и повышать уровень счастья [2]. Акцент на преднамеренных действиях, специально разрабатываемых для повышения уровня субъективного благополучия, привел к появлению множественных тренингов, публикаций, коучеров, связанных с отношением к счастью как проекту, инвестиции, навыку. Однако в повседневной жизни люди естественным, непреднамеренным образом прилагают усилия, направленные на позитивные, в том числе фелицитарные, эмоции. Язык общения активно включает в себя использование повседневных терминов «счастье», «удовлетворенность», «хорошая жизнь», что создает размытость и смешение их смысловых структур [3], различия в повседневном понимании счастья и в обобщенных структурах счастья, и отражается в сложности концептуализации данных понятий в научном тезаурусе.

В дискуссионном пространстве отечественных исследований концепт повседневного счастья не распространен, что создает расхождение с работами зарубежных авторов и требует теоретико-методологического осмысли-

ления. Наиболее близкими понятиями в классических работах выступают категории «эпизодического» и «острого» счастья, «счастливого человека», позволяющие Ф. Фельдману, Д.А. Леонтьеву и Д.М. Хейброну противопоставить положительные эмоции в текущем настоящем и ближайшем прошлом общей удовлетворенности жизнью в долгосрочном периоде (атрибутивному, хроническому счастью, счастливой жизни) [4].

Цель настоящей статьи – теоретико-методологическое осмысление и эмпирическое исследование феномена повседневного счастья. В исследовании ставятся задачи выявить элементы повседневного счастья, факторы и субъектов, оказывающих положительное и отрицательное влияние на него, а также особенности эмоциональной динамики настроения в течение дня, недели и в зависимости от социальных условий.

Исследования повседневного счастья связаны со стремлением выявить роль повседневной деятельности в усилении позитивных эмоций, что должно приводить к накопительному потенциалу для увеличения уровня счастья и благополучия в целом. При этом понимание повседневных практик носит максимально широкий характер и может включать как очень конкретные действия, так и устойчивые социальные контексты. Например, Р. Херлинг с коллегами показали положительное влияние подарков и употребления пищи на эмоциональное состояние и общий уровень счастья [5], а исследование коллектива Ц. Лю [6] выявило негативное влияние столкновения с обманом или неуважением на сиюминутное (momentary) и повседневное (everyday) счастье.

При выделении аспектов повседневности, связанных с текущим счастьем, большое внимание уделяется фактограмм ближайшего окружения, устойчивым моделям поведения и привычкам.

Согласно выводам М. Чиксентмихайи и Дж.П. Хантера [7], школьные занятия оцениваются ниже среднего уровня счастья, в то время как социальные, активные и пассивные виды досуга – выше среднего, одиночество в течение дня обеспечивает самый низкий уровень счастья, а общение с другом – самый высокий. Это создает уникальные жизненные сочетания: как ни парадоксально, учащиеся, которые больше времени посвящают чтению для удовольствия в одиночестве, сообщают о более низком уровне повседневного счастья.

По мнению ряда исследований, само понятие повседневного счастья не является предельным при движении от макро- к микроуровню. Один из подходов предлагает раскладывать повседневное счастье на отдельные моменты микросчастья (*micro-happiness*) [8] – это небольшие, но очень определенные моменты счастья, которые происходят часто и многократно, и имеют сильную взаимосвязь и с текущим счастьем (*happiness in daily life*), и с удовлетворенностью жизнью в целом (*well-being*). К. Мива [9] сконструировал структуру микросчастья, которая включает контакт с природой, время с близкими людьми, взаимодействие с развлекательными СМИ, личное расслабление, повседневные дела и употребление алкоголя.

Таким образом, операционализация понятия «повседневное счастье» строится на нескольких аспектах: 1) как «моментного счастья», как ответа на вопрос «насколько Вы счастливы прямо сейчас?»: измерение уровня счастья в реальном времени, в естественной среде в разных контекстах; 2) как противопоставления проживания счастья (*experienced well-being*, эмоциональные состояния по мере их переживания «здесь-и-сейчас») оценкам удовлетворенности жизнью в целом; 3) как уровня положительного и отрицательного аффекта в каждом эпизоде дня, повседневные (частые) положи-

тельные эмоции при редких отрицательных: измерение эмоционального опыта в течение обычного дня [10].

В основе нашего подхода к исследованию повседневного счастья лежат идеи И. Гофмана о взаимодействии лицом к лицу и самопрезентации в повседневной жизни, теория Т. Шеффа о роли эмоций в повседневном взаимодействии [11], а также концепция А. Реквица [12] о поддержании социальной реальности через повторяющиеся действия и обычаи, порождающие приятные эмоции и чувство «нормальности». Повседневное счастье в данной статье рассматривается как устойчиво положительное эмоциональное состояние, конституируемое в повседневных социальных взаимодействиях, когда человек получает признание, поддержку и взаимность в ближайших связях (семья, друзья, коллеги); переживаемая положительная удовлетворенность «обычным днем», возникающая из участия в повторяющихся повседневных практиках и ритуалах, когда они согласованы с культурными нормами и собственной идентичностью.

Материалы и методы

В исследовании был применен дневниковый метод (метод самонааблюдения) – метод сбора данных, при котором респонденты в течение определенного периода времени систематически фиксируют свои действия, переживания, мысли, чувства и впечатления. Дневниковый метод в социологии является преимущественно качественным, однако может включать количественные элементы, такие как фиксирование частоты событий, хронокарты или шкалы для оценки. Этот метод относят к смешанным или комплексным [13], так как он сочетает глубину качественных данных с возможностью их некоторой стандартизации и статистической обработки для выявления паттернов.

Дневниковый метод был разработан Д. Зиммерманом и Д. Уайдером при изучении контркультуры как стиля жизни. Метод применялся для исследования деталей повседневной жизнедеятельности информантов: что люди делают в течение дня, со сколькими людьми они ежедневно взаимодействуют и множество других аспектов повседневности [14]. Дневники дают доступ к аспектам повседневности, которые сложно зафиксировать иными способами (например, с помощью анкет или интервью), таким как: 1) рутинное поведение (распорядок дня, досуг, питание); 2) эмоциональные реакции на события; 3) особенности взаимодействия с другими людьми; 4) влияние социальной среды.

В нашем исследовании проведен анализ повседневного счастья в контексте опыта самонаблюдения горожан. Р. Винховен [15] относит использование метода «Дневника счастья» к многомоментной оценке, позволяющей получить полную картину ежедневного настроения и выйти на латентные факторы, изменяющие уровень текущего счастья (*daily happiness*). Он трактует настроение как метасигнал, который, в отличие от эмоций, не связан с конкретным объектом, сигнализирует об общем уровне удовлетворения всех потребностей и перенаправляет решения человека в сторону действий, дающих рост позитивного настроения.

В исследовании приняли участие 16 информантов в возрасте от 18 до 60 лет (представители разных поколенческих групп, в соответствии с поколенческим подходом теории В. Штрауса и Н. Хоува: 6 информантов 18-24 лет, 5 – 25-40 лет, 5 – 41-60 лет), 10 женщин и 6 мужчин. Участники исследования проживают в городах различного типа, поскольку это обеспечивает разнообразие городской повседневности [16]: 5 в столичных городах (Москва, Санкт-Петербург), 5 в областном

центре (Екатеринбург), 3 в больших городах (Нижний Тагил, Каменск-Уральский), а также 3 в средних и малых городах Свердловской области.

Сбор эмпирических данных проходил в течение 14 последовательных дней (суммарно 224 дня наблюдения по 16 информантам), что позволило зафиксировать повседневные паттерны, включая будни, выходные и возможные особые дни (например, отпуск). Участникам предлагалось ежедневно фиксировать свое эмоциональное состояние (по ряду закрытых, а в том числе шкальных вопросов), а также с ориентирующими вопросами, направленными на свободное описание значимых событий, эмоционального самочувствия, практик взаимодействия, повлиявших на настроение и ощущение счастья, с возможностью прикладывать фотографии. Записи велись в форме электронного дневника с ежедневным контролем отправки.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования мы обратили внимание на динамику настроения в течение дня. Для этого информантам предлагалось каждый день оценивать свое настроение по десятибалльной шкале утром, днем и вечером. Несмотря на то, что четкой тенденции нет, можно заметить, что несколько чаще информанты отмечали улучшение настроения в вечернее время, что вероятно, было связано с различными событиями, происходившими в это время суток: «*В конце дня сделала слойки, вкусный ужин*», «...спокойство вечера, когда уже можно отдохнуть и насладиться моментом». В то же время, многие отмечали и отрицательные моменты, вызвавшие эмоциональную реакцию, но которые в меньшей степени влияли на общую оценку настроения, к примеру: «*немного повздорил с девушкой с утра*»; «*У меня сломалась машина в самый небудний момент*». Среди информантов

преобладают три модели суточного цикла настроения: стабильный уровень весь день (15,8% дней наблюдения прошли без изменения уровня настроения), утром самый низкий показатель настроения, днем оно улучшается и сохраняется до вечера (17,5% дней) и улучшение настроения от утра через день к вечеру (14,9% дней).

Эмоциональный фон младших информантов (18–24 года) характеризуется большей вариабельностью и зависимостью от социальных факторов, их

состояние во многом определяется качеством социальных контактов и бытовыми обстоятельствами (Рис. 1). У более взрослых участников (25–40 лет) настроение становится более управляемым, но остается чувствительным к рабочим нагрузкам (Рис. 2). Зрелые респонденты демонстрируют устойчивость, лучше справляются с влиянием стрессов и чаще самостоятельно регулируют свое эмоциональное состояние (Рис. 3).

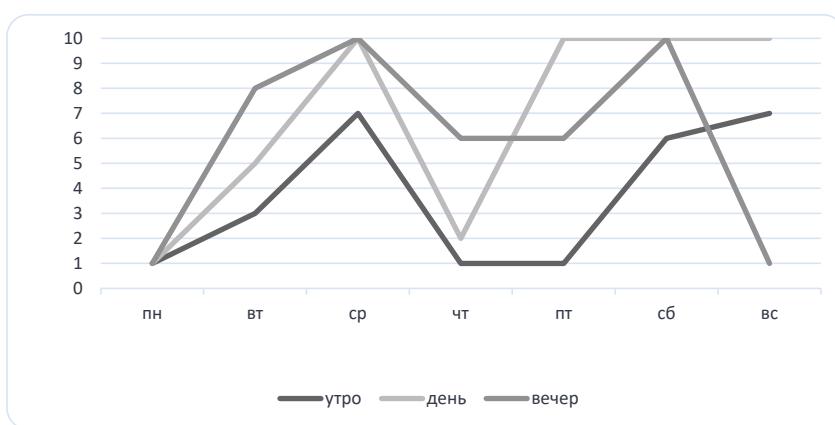

Рисунок 1. Динамика настроения молодого информанта в течение дня и недели, в баллах (муж., 19 лет)

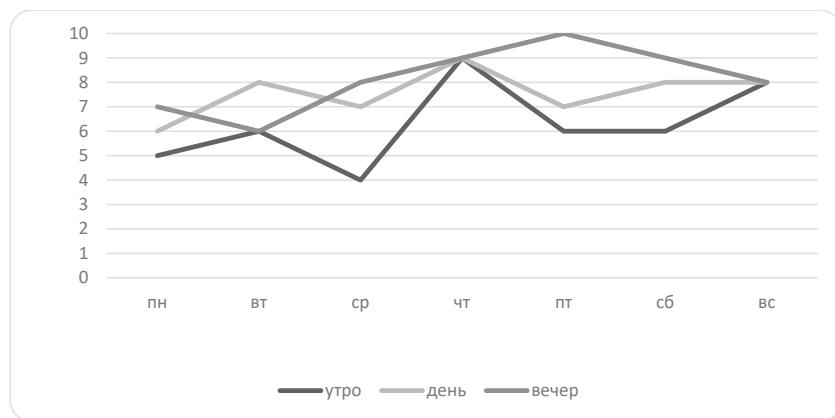

Рисунок 2. Динамика настроения информанта среднего возраста в течение дня и недели, в баллах (жен., 34 года)

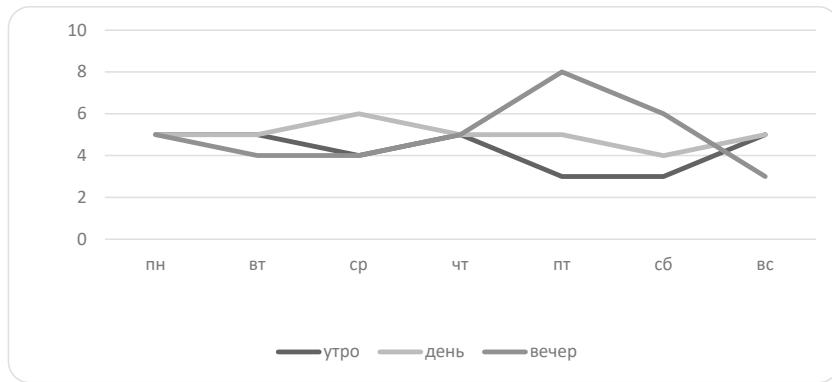

Рисунок 3. Динамика настроения информанта старшей возрастной группы в течение дня и недели, в баллах (жен., 44 года)

В связи с этим, можно говорить о том, что несмотря на наличие сложных и негативных моментов, в повседневной жизни наблюдается акцент на позитивные эмоции и состояния, такие как удовлетворенность и радость. Это означает, что вместо того, чтобы сосредотачиваться на негативных аспектах или трудностях, люди стремятся создавать условия, которые способствуют эмоциональному благополучию. Исследователи L.I. Catalino и W. Tov [17] описывают данное явление, называя его «приоритетом позитива»: люди используют приятные эмоции, такие как радость, как главный критерий для организации своей повседневной жизни; те, кто чаще ставил позитивные эмоции на первое место, испытывали больше удовлетворенности и смысла в жизни. Результаты нашего исследования также показывают, что такой подход помогает людям стремиться к счастью в повседневной жизни и влияет не только на их общее восприятие благополучия, но и на реальные переживания.

В ходе заполнения дневников мы просили информантов ежедневно описывать события, вызвавшие эмоциональную реакцию (как позитивную, так и негативную). На основании ответов мы выделили несколько категорий

событий. Во-первых, яркую эмоциональную реакцию у информантов вызывали путешествия и полученные там впечатления: «*Больше впечатление произвел Нью-Йорк, очень большой город*»; «*Когда ездили на пески, там было очень красиво, пофоткались*»; во-вторых, события, связанные с приятными мелочами и радостями: «*Вечером выпал снег. Хотя дело шло уже к лету, поехал вечером до магазина – вышел, а там такое*», «*Сегодня просто было все хорошо, прекрасная природа и погода*»; в-третьих, события, связанные с работой и учебой (отметим, что здесь чаще были высказаны именно отрицательные эмоции или тревоги): «*Сотрудник проспал работу и не вышел вовремя*»; «*Осознание, что до ЕГЭ 10 дней*»; в-четвертых, обозначены эмоционально тяжелые ситуации, связанные с семьей и близкими: «*Почувствовала неуважение со стороны старшей дочери, поругалась*»; «*Сын сильно плакал, когда остался с бабушкой и дедушкой*». Помимо этого информанты отмечали финансовые затруднения, бытовые дела и различные виды активностей. Говоря о различиях в эмоциональных триггерах разных категорий информантов, можно отметить, что финансовые и бытовые затруднения являются значительными источниками негативных эмоций

у молодых участников, тогда как более взрослые респонденты получают удовольствие от физических и интеллектуальных активностей.

В современной исследовательской и научно-популярной литературе часто делается акцент на индивидуальном выборе, целях, желаниях отдельных людей, которые раскрываются в их повседневных практиках. Однако одновременно может быть поставлен вопрос, как поддерживаются социальные контакты, которые могут помочь сохранить или укрепить чувство субъективного благополучия? [18]

Социальные взаимодействия выступают важнейшим эмоциональным триггером для большинства участников. В ходе нашего исследования выяснилось, что зачастую прожить положительные эмоции или пережить негативные события помогают люди, которые находятся рядом. Субъектами поддержки, как правило, в первую очередь, выступают партнеры и супруги – со слов информантов они проявляют заботу, оказывают помощь в быту, проводят время, поддерживают с помощью юмора, в целом оказывают разного рода эмоциональную поддержку: «Поддержка мужа утром. Обычно завтрак готовлю я, но сегодня он сам без просьб сделал все сам»; «... улыбка и смех любимой». Также, зачастую поддержку оказывают друзья, знакомые, которые проявляют вовлеченность в проблемы, помогают выговориться, проводят вместе время: «Хорошее время с друзьями сделало мой день счастливее»; «Созвонилась с подругой, она меня поддержала теплыми словами». Семья и близкие люди также выступают в качестве субъектов поддержки, окружая заботой и любовью, помогая в быту, радуя своими успехами: «Я чувствую себя счастливо в кругу своей семьи»; «Успехи близких приносят радость». Отдельно отметим, что большое влияние на настроение и со-

стояние счастья родителей оказывают дети: «Ребенок рядом, ласковый»; «Взаимодействие с детьми: тактильный контакт, объятия». Наконец, информанты упоминали и других субъектов, которые помогали поднимать настроение или поддерживали их в трудную минуту, среди них: рабочее и учебное окружение: «Шутки и разговоры с коллегами поднимают настроение»; соседи: «С соседями приятно пообщались, поели вместе торт» и даже незнакомые люди: «обычные прохожие радовали сегодня, приятно видеть, как город оживает в выходные». Таким образом, в ходе исследования было установлено, что положительные эмоции и преодоление негативных событий чаще всего связаны с поддержкой людей, находящихся рядом.

В то же время, стоит подчеркнуть, что люди, находящиеся рядом могут не только оказывать поддержку и внимание, но и оказывать негативное влияние на состояние человека, со слов информантов: «Сотрудники на работе выводят своими поступками, что выбивает из равновесия»; «Друзья давали постоянные поводы для веселья, знакомые чутка конечно это веселье могли подпортить...».

Наконец, важным аспектом исследования стал анализ соответствия ожидания от дня и реальных ощущений. Как выяснилось, способы реагирования на несовпадение ожиданий и действительности различаются по возрастным и личностным характеристикам. Молодые респонденты склонны воспринимать неудачи как личные поражения и реагировать эмоционально. Взрослые участники чаще демонстрируют гибкость, проявляют способность принимать изменения и реже катастрофизируют ситуации. Ожидания оказываются более болезненными для тех, кто склонен ставить перед собой жесткие цели.

Заключение

Таким образом, эмоциональное состояние участников зависит от комбинации социально-демографических факторов, внешних событий и личных особенностей. Общими для всех является важность социальной поддержки и баланса между нагрузкой и отдыхом. Различия проявляются в степени изменчивости настроения и приоритетных источниках стресса/ радости. Оценки текущего уровня счастья показывают, что сообщаемый в дневнике уровень счастья значительно варьируется как в зависимости от дня недели, так и от времени суток. Кроме того, определенные виды деятельности связаны с разной степенью счастья.

Повседневное счастье построено и на определенных темпоральных характеристиках, чувство синхронизации, и на целевых критериях, совпадения проживаемого дня с предварительными планами и ритуализированными практиками. Согласование ритмов режима дня, рабочих графиков и домашних обязанностей обеспечивает предсказуемый и комфортный темп, дает возможности для регулярного эмоционального и физического восстановления, что обеспечивает и повышает уровень текущего

счастья. На основании этого можно сформулировать следующее определение категории повседневного счастья, под которым понимается устойчивый баланс в пользу положительных эмоций в близких и рабочих отношениях, достигаемый при справедливом распределении эмоционального труда, заботы и ответственности; он поддерживается признанием и взаимностью в социальных взаимодействиях и разрушается под воздействия негативных эмоций и стресса.

Повседневное счастье как научная категория имеет перспективы развития в рамках междисциплинарных исследований. В будущем представляется важным осмысление таких проблем, как более углубленная операционализация понятия повседневного и микросчастья (уточнение критериев и способов замера, разграничение с другими близкими концептами), влияние технологических и цифровых аспектов современности (внедрение цифровых инструментов, мобильных приложений, трекеров настроения для автофиксации эмоциональных состояний в повседневности), этическое измерение повседневного счастья, риски навязывания культурных норм «обязательной позитивности».

Список литературы / References

1. Zerwas F.K., Ford B.Q. The paradox of pursuing happiness. *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2021; (39):106–112. DOI: 10.1016/j.cobeha.2021.03.006.
2. Иллуз Е., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь. М.: ACT, 2023. 352 с.
3. Illuz E., Cabanas E. The Factory of Happy Citizens. How the Happiness Industry Controls Our Lives. Moscow: ACT, 2023. 352 p. (In Russ.)
4. Carlquist E., Ulleberg P., Delle Fave A. et al. Everyday Understandings of Happiness, Good Life, and Satisfaction: Three Different Facets of Well-being. *Applied Research Quality Life*. 2017; (12):481–505. DOI: 10.1007/s11482-016-9472-9.
5. Яворчук Н.А. Меняющийся смысл счастья: обзор концепций счастья в зарубежных и отечественных психологических исследованиях. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023; (12–5(87)):49–53. DOI: 10.24412/2500–1000–2023–12–5–49–53.
6. Yavorchuk N. A. The changing meaning of happiness: a review of the concepts of happiness in foreign and domestic psychological research. *International journal of humanities and natural sciences*. 2023; (12–5(87)):49–53. DOI: 10.24412/2500–1000–2023–12–5–49–53. (In Russ.)

5. Hurling R., Linley A., Dovey H., Maltby J., Wilkinson J. Everyday happiness: Gifting and eating as everyday activities that influence general positive affect and discrete positive emotions. *International Journal of Wellbeing*. 2015; (5 (2)):28-44. DOI: 10.5502/ijw.v5i2.3.
6. Liu J., Wang S., Ren Z., Wang Y. Extraversion, situation characteristics and everyday happiness. *Curr Psychol*. 2024; (43):30584–30594. DOI: 10.1007/s12144-024-06609-x.
7. Csikszentmihalyi M., Hunter J. Happiness in Everyday Life: The Uses of Experience Sampling. *Journal of Happiness Studies*. 2003; (4):185–199. DOI: 10.1023/A:1024409732742.
8. Shinozawa R., Oono M., Hotta S., Nishida Y. Micro Happiness Episode Data Service for Supporting Well-Being with Dementia. *Procedia Computer Science*. 2024; (238):281–289. DOI: 10.1016/j.procs.2024.06.026.
9. Miwa K. Small but Certain Happiness in Daily Life: Structure and Relation with Well-Being. *J Happiness Stud*. 2025; (26 (63)):1–27. DOI: 10.1007/s10902-025-00896-2.
10. Kahneman D., Krueger A. B., Schkade D., Schwarz N., Stone A.A. A survey method for characterizing daily life experience: The Day Reconstruction Method. *Science*. 2004; (306 (5702)):1776–1780. DOI: 10.1126/science.1103572.
11. Scheff T.J. *Microsociology: Discourse, Emotion, and Social Structure*. University of Chicago Press, 1990. 232 p.
12. Reckwitz A. Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorizing. *European Journal of Social Theory*. 2002; (5 (2)):243–263. DOI: 10.1177/1368431022225432.
13. Tashakkori A., Teddlie C. *SAGE handbook of mixed methods in social & behavioral research*. SAGE Publications, Inc., 2010. 912 p. DOI: 10.4135/9781506335193.
14. Zimmerman D.H., Wieder D.L. The Diary: Diary-Interview Method. *Journal of Contemporary Ethnography*. 1977;(5(4)):479–498. DOI: 10.1177/089124167700500406.
15. Veenhoven R. Daily happiness: How well we feel most of the time. In: Meiselman H. L. (ed.): *Emotion Measurement*. Ch. 24. Pp. 773–793. Woodhead Publishing, 2021. DOI: 10.1016/B978-0-12-821124-3.00024-7
16. Касаткина С.С. Когнитивный образ повседневности российских городов. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012; (10-2 (24)):73–75.
17. Kasatkina S.S. Cognitive image of russian cities everyday life. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2012; (10–2 (24)):73–75. (In Russ.).
18. Catalino L. I., Tov W. Daily variation in prioritizing positivity and well-being. *Emotion*. 2022; (22 (5)):874–879. DOI: 10.1037/emo0001070.
19. Törrönen M. Everyday happiness: the everyday life and well-being of families with children. Unigrafia, Helsinki: Publications of the Department of Social Research, 2014. 204 p. DOI: 10.31885/2018.00005.

Информация об авторах

Валеева Марина Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник «Лаборатория научометрии», доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Author ID 824608; ORCID ID 0000-0003-1623-8067; e-mail: m.v.shcherbakova@urfu.ru

Information about authors

Valeeva Marina Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Scientific Laboratory «Scientometrics Laboratory», Associate Professor of the Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. Author ID 824608; ORCID ID 0000-0003-1623-8067; e-mail: m.v.shcherbakova@urfu.ru.

Абрамова Софья Борисовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Author ID 253591; ORCID ID 0000-0003-4010-8406; e-mail: s.b.abramova@urfu.ru

Abramova Sofia Borisovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. Author ID 253591; ORCID ID 0000-0003-4010-8406; e-mail: s.b.abramova@urfu.ru

Поступила в редакцию 03.09.2025; принятa к публикации 07.10.2025.
Received 03.09.2025; Accepted 07.10.2025.

УДК 378.126

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.22-34>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Академическое развитие и карьерные планы научно-педагогических работников различных возрастных групп

Ефимова Г.З.

Тюменский государственный университет

625003, Тюмень, ул. Володарского, д. 6, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного среди научно-педагогических работников (НПР) российских вузов. Цель работы – выявить различия в академическом развитии и карьерных планах НПР в зависимости от возраста и уровня вовлеченности в университетские программы развития. Эмпирическую основу составили результаты анкетного опроса 2776 НПР из 15 университетов России (октябрь–декабрь 2024 г.). Результаты показали высокую институциональную лояльность НПР при низкой мобильности: 67% респондентов планируют оставаться на текущей должности в своем вузе. Межвузовская и межрегиональная мобильность крайне низки (менее 2%). Обнаружены две основные карьерные траектории НПР: стратегия стабильности (доминирует среди работников старше 40 лет и высокововлеченных сотрудников) и стратегия мобильности (характерна для молодых респондентов в возрасте до 39 лет, особенно с низкой вовлеченностью в академическое развитие).

Ключевым фактором потенциального увольнения для НПР является низкая оплата труда (около половины респондентов). Молодые специалисты значительно более чувствительны к материальным и карьерным факторам, тогда как старшие коллеги проявляют большую лояльность и акцентируют организационно-этическую среду. Уровень вовлеченности в академическое развитие положительно коррелирует с желанием остаться в университете. На основе результатов нами сформулирован парадокс кадровой политики: необходимость одновременного удержания лояльных «стабилизаторов» (старшие и высокововлеченные НПР) и мобильных «агентов изменений» (молодые и малововлеченные НПР), имеющих противоположные мотивационные профили. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций для дифференцированной кадровой политики вузов, учитывающей возрастные особенности и мотивационные профили НПР.

Ключевые слова: научно-педагогические работники, академическое развитие, молодые ученые, карьерные планы, причины увольнения, университет, кадровая политика

Благодарности: ФГАНУ «Центр социологических исследований» («Социоцентр») за возможность провести исследование

Для цитирования: Ефимова Г.З. Академическое развитие и карьерные

планы научно-педагогических работников различных возрастных групп. Казанский социально-гуманитарный вестник. 2025; (4(71)):22–34.

Academic Development and Career Plans of Teaching and Research Staff Across Different Age Groups

Efimova G.Z.

University of Tyumen, Tyumen, 625003 Russia

Abstract. This article presents the findings of an empirical study conducted among academic staff at Russian universities. The aim of the work is to identify differences in the academic development and career plans of academic staff depending on age and level of engagement in university development programs. The methodological framework consisted of a questionnaire survey of 2776 academic staff from 15 Russian universities (October–December 2024). The results revealed high institutional loyalty among academic staff coupled with low mobility: 67% of respondents plan to remain in their current position at their university. Inter-university and inter-regional mobility are extremely low (less than 2%). Two primary career trajectories among academic staff were identified: a stability strategy (predominant among staff over 40 and highly engaged employees) and a mobility strategy (characteristic of younger respondents under 39, especially those with low engagement in academic development). The key factor for potential resignation among academic staff is low remuneration (reported by approximately half of the respondents). Early-career specialists are significantly more sensitive to material and career-related factors, while their senior colleagues exhibit greater loyalty and emphasize the organizational and ethical environment. The level of engagement in academic development positively correlates with the intention to remain at the university. Based on the results, we have formulated a paradox of personnel policy: the need to simultaneously retain loyal «stabilizers» (senior and highly engaged academic staff) and mobile «agents of change» (young and less engaged academic staff), who possess opposing motivational profiles. The practical significance of the study lies in the development of recommendations for a differentiated university personnel policy that considers the age-specific characteristics and motivational profiles of academic staff.

Keywords: academic staff, academic development, early-career researchers, career plans, reasons for leaving/resignation, university, human resources policy

Acknowledgements: Federal State Autonomous Scientific Institution «Center for Sociological Research» (Sociocenter) for the opportunity to conduct the research.

For citation: Efimova G.Z Academic Development and Career Plans of Teaching and Research Staff Across Different Age Groups. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025; (4(71)):22–34 (In Russ.)

Введение

В современных условиях развития высшего образования особую актуальность приобретает исследование процессов академического развития и карьерного планирования научно-педагогических работников (НПР). Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания

механизмов формирования и реализации карьерных стратегий НПР в условиях трансформации системы высшего образования. Современные требования к качеству образовательных и научных процессов в высшей школе определяют потребность в постоянном совершенствовании компетенций НПР, что напрямую связано с их академическим

развитием. Академическое развитие определяется нами как целенаправленный процесс профессионального, карьерного и личностного развития представителей научно-педагогического сообщества, предполагающий непрерывное совершенствование (наращивание) у них человеческого капитала, необходимого для повышения качества основных видов академической деятельности НПР [1, с. 219].

Однако, несмотря на трансформационные процессы в академической среде, остается недостаточно изученным, как возрастные особенности НПР опосредуют их реакцию на современные вызовы. К таким особенностям относятся этап карьеры, ценностные ориентации, накопленный капитал и психологические характеристики, а к вызовам – академический капитализм, прекаризация и цифровизация. Существует ли конфликт между традиционными академическими ценностями, более свойственными старшим поколениям, и требованиями новой «безграничной» карьеры? Каким образом возраст определяет доступ к ресурсам для развития (грантам, стажировкам, цифровым компетенциям) и формирует разные стратегии адаптации или сопротивления?

Научная значимость работы заключается в анализе взаимосвязи вовлеченности в академическое развитие и карьерных планов НПР, выявлении ключевых факторов, влияющих на формирование профессиональной траектории в академической среде. Исследование позволяет расширить теоретические представления о механизмах карьерного развития в высшей школе и особенностях профессионального становления НПР. Исследование карьерных ориентаций НПР представляется нам важным инструментом для понимания динамики развития академической среды и прогнозирования кадровой политики университета. Представленный анализ позволяет

выявить закономерности между возрастом респондентов, уровнем их вовлеченности в академическое развитие и карьерными планами НПР. Исследование направлено на выявление основных тенденций и факторов, влияющих на формирование профессиональной траектории в академической среде.

Академическое развитие и карьерное планирование НПР позиционируется нами как многогранная область, находящаяся на стыке социологии высшего образования, социологии управления и социологии труда. На протяжении XX и начала XXI веков фокус научных исследований эволюционировал от изучения линейной педагогической и научной карьеры в рамках стабильных академических иерархий к анализу сложных, многовариантных и зачастую прекарных траекторий в условиях академического капитализма и трансформации роли университета в обществе.

Обзор литературы. В классической литературе заложены основы понимания академической карьеры, основанной на ценностях автономии, меритократии и служения знанию. Р. Мертон [2] выделил четыре императива, регулирующих поведение ученого: универсализм (оценка по объективным критериям), колlettivism (общность знания), бескорыстность и организованный скептицизм. В работах Т. Парсонса и Дж. Платта [3] академическая карьера представлена как высокоструктурированная система с четкими этапами (от аспиранта до профессора) и ролями (исследователь, преподаватель, администратор). Ключевым конфликтом уже тогда, в 1973 году, признавалось напряжение между исследовательской и педагогической деятельностью. Карьерный успех ассоциировался с достижением постоянной позиции, гарантирующей академическую свободу.

Работы Т. Каплоу [4] с соавторами показали, что карьера ученого –

не только следование идеалам, но и функционирование рынка, где действуют законы спроса и предложения, репутации и неформальных сетей («невидимые коллежи»). Классическая модель предполагала относительно линейную и предсказуемую траекторию в рамках устойчивой институциональной структуры, где основным двигателем развития была научная продуктивность, оцениваемая коллегами.

С конца XX века под влиянием глобализации, массовизации высшего образования и неолиберальной политики классическая модель подверглась значительной трансформации. В фокусе современных исследований – фрагментация, прекаризация и необходимость управления собственной карьерой. Академический капитализм и менеджериализм внесли изменения в тенденции реализации академической карьеры. Ш. Слотер и Л. Лесли [5] описывают фундаментальный сдвиг: университеты и НПР все больше вовлекаются в рыночную конкуренцию за ресурсы (гранты, талантливых студентов, коммерческие проекты). Это трансформирует карьерные планы: успех все чаще измеряется не только публикациями, но и способностью привлекать финансирование, коммерциализировать исследования и соответствовать метрикам эффективности (KPI, индекс Хирша).

Особый интерес представляет специфика прекаризации в российском академическом контексте [6]. Даже имея формально постоянную позицию, НПР сталкиваются с неустойчивостью, вызванной необходимостью множественной занятости, чрезмерной аудиторной нагрузкой в ущерб исследовательской деятельности и постоянной адаптацией к меняющимся требованиям эффективного контракта. Это приводит к деформации карьерных планов, смешая фокус с академического развития на стратегии «выживания» и «набора на-

грузки», а также к риску профессионального выгорания.

В России прекаризация имеет выраженную возрастную динамику: для молодых НПР она связана с неуверенностью в завтрашнем дне и поиском постоянной позиции; для среднего поколения – с «ловушкой» высокой аудиторной нагрузки, ограничивающей вовлеченность в практики академического развития; для старших – с рисками их маргинализации из-за быстрой цифровизации и давления новых метрик, частично девальвирующих их прежний опыт.

Трансформация образовательного процесса под влиянием цифровых технологий требует от НПР постоянного развития цифровых педагогических и исследовательских компетенций (e-learning, работа с большими данными, цифровые гуманитарные науки). Карьерные планы теперь должны включать непрерывное обучение и адаптацию к новым инструментам. В отличие от классической модели, где служение науке часто предполагало стирание границ между работой и личной жизнью, современные исследования [7] уделяют внимание профессиональному выгоранию и психическому здоровью НПР. Это становится важным фактором при построении карьерных планов, особенно для молодых ученых.

Академическая карьера всё чаще строится в международном контексте. Опыт работы в зарубежных университетах, публикации в международных журналах и участие в глобальных сетях становятся практически обязательным элементом успешного академического развития. Это открывает новые возможности, но также создает вызовы, связанные с культурной и социальной интеграцией.

Современная литература предлагает новые теоретические рамки для осмыслиения академической карьеры. От линейной карьеры к «безграничной» (*boundaryless*) и «разнообразной»

(*protean*). Эти концепции, пришедшие из общей теории менеджмента [8], описывают карьеру, которая определяется не продвижением по ступеням одной организации, а личными ценностями и компетенциями, реализуемыми через различные проекты и места работы. Для НПР это может означать переход между академией, индустрией, госсектором и обратно [9]. Для современных НПР в качестве приоритетных групп компетенций, на которые должно быть направлено развитие, рассматриваются: исследовательские (ведущий исследователь, менеджер проектов), педагогические (тьютор, разработчик образовательных программ) и социальные/управленческие (лидер научного коллектива, коммуникатор с обществом, администратор). Карьерные планы могут фокусироваться на разных вершинах этого треугольника.

Эволюция взглядов на карьерные планы НПР отражает общую трансформацию роли университета в обществе. От классической модели, основанной на меритократических идеалах и стабильных институциональных рамках, произошел переход к сложной, конкурентной и зачастую нестабильной реальности «академического капитализма». Современный НПР вынужден быть не только высокопрофессиональным специалистом, но и активным субъектом на рынке труда, предпринимателем, менеджером и постоянно обучаться. Его карьерные планы становятся более гибкими, многовариантными и индивидуализированными, но одновременно более уязвимыми к внешним рискам. Ключевыми вызовами для дальнейших исследований остаются вопросы снижения прекаризации труда, обеспечения устойчивого профессионального развития на всех этапах карьеры и поиска баланса между исследовательской, педагогической и административной нагрузкой в условиях растущего давления метрик и конкуренции.

Анализ литературы показывает, что концепции «безграничной» карьеры и «академического капитализма» часто рассматриваются как универсальные, без достаточной дифференциации по возрастным группам. В то же время классические модели, описывающие линейные траектории, могут сохранять свою объяснительную силу для старших когорт, чья карьера формировалась в иных институциональных условиях. Таким образом, возникает теоретический пробел: отсутствует интегративная рамка, позволяющая сопоставить карьерные планы и практики академического развития НПР, находящихся на разных этапах жизненного цикла и профессионального пути.

Исследовательские вопросы данной научной статьи:

1. Каковы различия в уровне вовлеченности в академическое развитие и в характере карьерных планов НПР различных возрастных групп?

2. Как уровень вовлеченности НПР в программы академического развития соотносится с их карьерными устремлениями и профессиональной мобильностью?

3. Каковы ключевые факторы потенциального увольнения НПР из университетов и как они различаются в зависимости от возраста и уровня вовлеченности работников в академическое развитие?

Методы

Научные выводы основаны на материалах эмпирического исследования, проведенного с применением метода анкетного опроса в октябре-декабре 2024 среди НПР ($n=2776$) в 15 университетах России, участвующих в Программе «Приоритет 2030» и кандидатов на вхождение в нее. Отбор университетов проводился с целью обеспечения презентативности по ключевым параметрам: отраслевая принадлежность, тип и географическое расположение

вузов. В университетах участие в исследовании приняли НПР всех должностей (от ассистента до профессора). Для последующего анализа респонденты разделиены нами на группы по возрастному критерию: молодые (до 39 лет включительно) и старшее поколение (40 лет и старше), а также по уровню вовлеченности в академическое развитие.

Все респонденты проинформированы о целях опроса, гарантирована их анонимность и конфиденциальность. Участие было добровольным, согласие выражалось респондентами в начале опроса.

В рамках эмпирического исследования разработана шкала оценки вовлеченности НПР в университетские мероприятия по академическому развитию. Инструментарий исследования построен таким образом, чтобы определить интенсивность участия респондентов в данных мероприятиях за предшествующий опросу 12-месячный период. Использована шкала Лайкерта, где 0 баллов означало полное отсутствие участия в мероприятиях, а 5 баллов – регулярное участие респондента во всех мероприятиях. Последующая категоризация результатов проводилась по трем уровням вовлеченности. К низкому уровню относились показатели от 0 до 1 балла, что характеризовало минимальное участие в программах развития. Средний уровень (2–3 балла) свидетельствовал об умеренной вовлеченности. Высокий уровень (4–5 баллов) демонстрировал активную позицию НПР в академическом развитии.

Обозначим некоторые ограничения проведенного социологического исследования, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов. Во-первых, выборка хотя и охватывает различные типы вузов, не является представительной в масштабах страны, так как исследование проведено среди университетов-участников Програм-

мы «Приоритет 2030» и кандидатов на вхождение в нее. Во-вторых, полученные данные основаны на самоотчетах респондентов, что может приводить к смещениям, связанным с субъективностью и социальной желательностью ответов. Исследование не носило мониторингового характера и позволило получить срез данных в момент времени, что не позволяет устанавливать причинно-следственные связи. В-третьих, данные основаны на самоотчетах, что может приводить к смещениям, связанным с социальной желательностью ответов (например, завышение оценки собственной вовлеченности). Кросс-секционный дизайн (срез данных в один момент времени) не позволяет устанавливать причинно-следственные связи, а лишь фиксирует статистические ассоциации. Например, мы можем наблюдать связь между возрастом и карьерными планами, но не можем однозначно утверждать, что возраст является их причиной.

Результаты и обсуждения

Результаты исследования показали следующее распределение респондентов по уровням вовлеченности в мероприятия, которые проводятся в университете для академического развития НПР. Половина респондентов (50%) демонстрирует высокий уровень участия в академическом развитии (в т.ч. молодые НПР, в возрасте до 39 лет – 46%, старшие – 53%). Более трети опрошенных (39%) показали средний уровень вовлеченности во всех возрастных группах. Лишь небольшая часть НПР (11%) продемонстрировала низкий уровень участия в вузовских программах академического развития (в т.ч. молодые – 14%, старшие – 9%).

Выявленный уровень вовлеченности НПР в академическое развитие закономерно ставит вопрос о его связи с карьерными устремлениями и профессиональными планами сотрудников. Логично предположить, что уро-

вень участия в программах развития может оказывать существенное влияние на карьерные траектории НПР. Понимание этой взаимосвязи особенно важно для разработки эффективных механизмов стимулирования профессионального развития и удержания квалифицированных кадров в академической среде.

Далее представим результаты анализа карьерных предпочтений НПР, которые помогут выявить существующие тенденции академического развития и определить потенциальные точки роста для совершенствования кадровой политики вуза. Две трети респондентов (67%) намерены продолжать профессиональную деятельность по нынешней должности в прежнем университете. Шестая часть опрошен-

ных (18%) рассматривает возможность внутривузовских перемещений, допуская переход на другую научно-педагогическую должность в том же университете (Таблица 1). При этом доля желающих занять позиции в административно-управленческом аппарате существенно ниже (3% от общего числа респондентов).

Среди НПР показатели межрегиональной и межвузовской мобильности оказались крайне низкими. Лишь 1% респондентов планируют переход в другой университет того же города, 0,4% – в вузы региона, а 1% – в другие учебные заведения России. Наблюдается определенная тенденция к выходу НПР за пределы академического сектора. Так, 5% опрошенных рассматривают возможность перехода в бизнес-сфе-

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Пожалуйста, отметьте вариант ответа, наиболее точно характеризующий активность Вашего участия в университетских мероприятиях, направленных на профессиональное, личностное и карьерное развитие НПР (на протяжении прошедших 12 месяцев)» в зависимости от возраста и уровня вовлеченности в академическое развитие (в % к ответившим в группе, множественный выбор)

Вариант ответа	Возраст		Вовлеченность в академическое развитие		Среднее по выборке
	до 39 лет	40 лет и старше	от 0 до 2 баллов	от 3 до 5 баллов	
Продолжать работать в этом университете на прежней должности	48	80	58	70	67
Продолжать работать в этом университете на другой должности НПР	31	9	17	19	18
Продолжать работать в этом университете на другой должности АУП	4	3	3	3	3
Переход в другой университет в этом городе	1	1	2	1	1
Переход в другой университет в этом регионе	1	0	0	0	0
Переход в другой российский университет	2	1	2	1	1
Переход из академического сектора на государственную службу	2	0	1	1	1
Переход из академического сектора в бизнес-сферу	8	3	11	3	5
Другое	4	2	5	2	3

ру и 1% планируют трудоустройство в государственных структурах. Полученные результаты демонстрируют высокую степень лояльности НПР к текущему месту работы при относительно низкой готовности к профессиональной мобильности. Преобладание внутривузовских карьерных стратегий над межвузовскими свидетельствует о сформировавшейся системе профессиональной идентичности и привязанности к конкретному академическому сообществу.

Выявлены существенные различия в карьерных предпочтениях между представителями различных возрастных групп и НПР с разным уровнем вовлеченности в практики академического развития. Наиболее ярко выражена тенденция стремления к сохранению текущего статуса среди старшей возрастной группы (80%) по сравнению с более молодыми НПР (48%). Аналогичная ситуация наблюдается в группе с высокой вовлеченностью в академическое развитие (70%), где преобладает желание остаться на прежней должности (Таблица 1). Интерес представляет значительное различие в предпочтениях перехода в бизнес-сферу: среди молодых специалистов с низкой вовлеченностью этот показатель достигает 11%, тогда как в группе с высокой вовлеченностью он составляет всего 3%.

Выявленные закономерности свидетельствуют о формировании двух основных карьерных траекторий среди НПР. Первая характеризуется стремлением к стабильности и сохранению текущего статуса, что характерно для старшей возрастной группы и сотрудников с высокой вовлеченностью в академическое развитие. Вторая траектория отражает готовность к профессиональным изменениям и более высокую мобильность, свойственную молодым специалистам с низким уровнем вовлеченности в вузовские практики академического развития. Примечательно снижение интереса

к горизонтальной мобильности (переходу в другие университеты) во всех исследуемых группах, что может свидетельствовать о формировании устойчивой привязанности к текущему месту работы и закреплению в академическом секторе.

Анализ данных позволяет заключить, что стремление сохранить текущий статус положительно связано с возрастом, а также с уровнем вовлеченности в академическое развитие. Молодые специалисты с низкой вовлеченностью в академическое развитие демонстрируют более высокую готовность к карьерным изменениям. Общая тенденция характеризуется снижением интереса к горизонтальной академической мобильности.

Исследование факторов, влияющих на решение НПР о прекращении трудового договора, является критически важным для формирования эффективной кадровой политики образовательных организаций. Представленный анализ позволяет выявить ключевые детерминанты текущести кадров в зависимости от демографических характеристик и уровня вовлеченности сотрудников. Анализ факторов потенциального увольнения НПР показал некоторые закономерности в зависимости от возраста и вовлеченности в академическое развитие.

Основным обстоятельством, при котором респондент допускает возможность прекращения трудового договора с университетом, в котором сейчас работает, является низкий уровень оплаты труда (48%) и вынужденный переезд (26%) (Таблица 2). Далее с существенным отставанием следует нарушение трудовых прав (23%), незаконное поведение руководства (22%), увеличение учебной нагрузки (22%) и профессиональное выгорание (21%), что требует внимания университетского менеджмента к условиям труда. Значимыми условиями для увольнения являются личные разногласия с руково-

водством (14%), отсутствие перспектив карьерного роста (13%), напряженные отношения с коллегами (7%), отказ в поддержке инициатив (6%) и недостаточность мероприятий по развитию сотрудников (3%), что свидетельствует о необходимости улучшения корпоративной культуры. При этом каждый седьмой респондент (18%) не рассматривает возможность прекращения работы в университете, что говорит о наличии лояльной части персонала.

Так, анализ факторов потенциального увольнения выявляет их четкую

иерархическую структуру. Материальный фактор (оплата труда) выступает безусловным базовым детерминантом, особенно для молодых НПР. Без его решения остальные меры удержания имеют ограниченную силу. Однако следующий уровень причин – организационно-этическая среда (нарушение прав, неэтичное поведение руководства, повышение нагрузки) – сравним по значимости с профессиональным выгоранием. Это указывает на то, что качество управления и справедливость трудовых отношений

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «При каких основных обстоятельствах Вы могли бы прекратить трудовой договор с университетом, в котором сейчас работаете?» (не более трех вариантов ответа) от возраста и вовлеченности в академическое развитие (в % к ответившим в группе, множественный выбор)

Вариант ответа	Возраст		Вовлеченность в академическое развитие		Среднее по выборке
	до 39 лет	40 лет и старше	от 0 до 2 баллов	от 3 до 5 баллов	
Низкий уровень оплаты труда, не соответствующий объему выполняемых задач	57	42	63	44	48
Отсутствие перспектив карьерного роста	23	7	15	13	13
Профессиональное выгорание	24	19	23	20	21
Вынужденный переезд из города / региона	28	26	24	27	26
Нарушение моих трудовых прав	25	22	24	23	23
Личные разногласия с руководством	16	12	15	13	14
Отсутствие поддержки моих инициатив	8	4	6	6	6
Увеличение объема учебной нагрузки и прочих обязанностей	23	22	30	20	22
Отсутствие корпоративных образовательных проектов для работников	1	1	1	1	1
Проявление неэтичного поведения со стороны руководства по отношению к сотрудникам	24	20	25	21	22
Не рассматриваю прекращение работы в университете ни при каких условиях	7	20	9	16	15
Напряженные отношения с коллегами	9	5	8	7	7
Недостаточность и/или неэффективность мероприятий, направленных на развитие сотрудников	3	3	3	3	3
Другое	1	3	2	2	2

являются не фоном, а самостоятельными мощными факторами кадровой устойчивости. Примечательно, что недостаточность программ академического развития как потенциальная причина увольнения обозначена лишь 3% респондентами.

Обозначены различия в приоритетах факторов увольнения между возрастными группами и группами с разным уровнем вовлеченности в университетские мероприятия академического развития. Материальный фактор значим для всех категорий респондентов, однако его влияние варьируется. К тому же молодые НПР (57%) ожидали оказались более чувствительны к несоответствию оплаты труда объему выполняемых задач, чем старшие коллеги (42%).

Карьерные перспективы играют значимую роль также преимущественно для молодых сотрудников (23%), тогда как для старшей возрастной группы этот фактор значительно менее важен (7%). Профессиональное выгорание выступает значимым фактором для обеих возрастных групп (24% и 19% соответственно), демонстрируя относительно стабильную значимость независимо от возраста. Организационные факторы, такие как нарушение трудовых прав (25%), увеличение нагрузки (23%) и неэтичное поведение руководства (24%), показывают умеренную значимость для всех групп (см. Табл. 2).

Выявленные закономерности позволяют сделать вывод, что молодые НПР демонстрируют более высокую чувствительность к материальным и карьерным факторам, что может быть связано с их большей профессиональной мобильностью и стремлением к развитию. Старшие сотрудники проявляют большую лояльность к работодателю, что подтверждается более высокими показателями готовности продолжать работу при любых условиях (20% против 7% у молодых

специалистов). Уровень вовлеченности в академическое развитие оказывает влияние на восприятие организационных факторов: сотрудники с высокой вовлеченностью демонстрируют более стабильную позицию относительно условий труда. Корреляционный анализ показывает, что наиболее значимая, но при этом слабая связь обнаружена между возрастом и такими причинами потенциального увольнения как «Низкий уровень оплаты труда, не соответствующий объему выполняемых задач» (-0,197, $p < 0,01$), «Отсутствие перспектив карьерного роста» (-0,266, $p < 0,01$) и «Не рассматриваю прекращение работы в университете ни при каких условиях» (-0,229, $p < 0,01$).

Результаты эмпирического исследования могут использоваться для совершенствования кадровой политики вузов и при разработке целевых программ удержания академического персонала, формирования эффективных механизмов карьерного развития НПР, совершенствования системы мотивации и создания более благоприятных условий труда для НПР. Особое внимание предлагается уделить работе с молодыми НПР, учитывая их повышенную чувствительность к материальным и карьерным факторам.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ключевой парадокс, который должна разрешить эффективная кадровая политика в университетах – как совместить удержание лояльных, но статичных «стабилизаторов» (старших и высоко-вовлеченные НПР), а также мобильных «агентов изменений» (молодых и мало-вовлеченные специалисты), имеющих противоположные мотивационные профили и карьерные горизонты. Ответом должна стать дифференцированная кадровая стратегия, построенная на трех опорах: 1) обеспечение конкурентного базового уровня оплаты и соблюдения прав; 2) развитие прозрачной системы внутренней (внутри-

вузовской) мобильности и карьерного роста; 3) проектирование программ академического развития как основного инструмента профессиональной интеграции и формирования лояльности, особенно для молодых НПР. Подобный комплексный подход позволит трансформировать выявленную высокую институциональную лояльность в динамичное и устойчивое развитие человеческого капитала университета.

Выводы

Проведенное социологическое исследование позволило выявить значимые различия в академическом развитии и карьерных планах НПР в зависимости от их возраста и уровня вовлеченности в университетские программы академического развития. Обнаружена высокая институциональная лояльность преподавателей и исследователей при их низкой мобильности. Две трети НПР планируют оставаться на своей текущей должности в прежнем университете. Межвузовская и межрегиональная мобильность крайне низка (менее 2%), что свидетельствует о сильной привязанности к конкретному академическому сообществу и сформированной профессиональной идентичности.

Также выявлена возрастная дифференциация карьерных стратегий. Наблюдается разделение на две траектории:

– *Стратегия стабильности*, характерная для старшей возрастной группы (40 лет и старше) и НПР с высокой вовлеченностью в академическое развитие. Для них приоритетом является сохранение текущего статуса и позиции (80% старших НПР).

– *Стратегия мобильности и изменений*. Более свойственна молодым НПР (до 39 лет), особенно с низкой вовлеченностью в программы академического развития. Они демонстрируют большую готовность к карьерным изменениям, включая переход в биз-

нес-сферу (11% в группе с низкой вовлеченностью).

Ключевые факторы и их возрастная специфика. Основной причиной потенциального увольнения из университета для всех групп НПР остается низкий уровень оплаты труда. Однако выявлены значимые возрастные различия. Для молодых НПР критически важны материальные и карьерные факторы. Для старших НПР материальный фактор менее выражен, они проявляют более высокую лояльность (каждый пятый не рассматривает увольнение ни при каких условиях). Также для них значимыми являются организационно-этическая среда (нарушение прав, поведение руководства) и профессиональное выгорание.

Высокий уровень вовлеченности в программы развития коррелирует с желанием остаться в университете и более устойчивой позицией по отношению к организационным трудностям. При этом недостаточность таких программ редко указывается как прямая причина увольнения (не более 3%), что позволяет рассматривать их не как «гиgienический», а как мотивационный фактор, способствующий профессиональной интеграции и формированию лояльности.

На основе вышеизложенного обозначим парадокс кадровой политики. Университеты сталкиваются с необходимостью одновременного удержания двух групп с противоположными мотивационными профилями: лояльных «стабилизаторов» (старшие НПР, высокововлеченные в практики академического развития) и мобильных «агентов изменений» (молодые НПР, малововлеченные в практики академического развития). Эффективное управление академическим развитием в вузах требует преодоления этого противоречия.

Проведенное исследование подтверждает, что учет возрастных особенностей и уровня вовлеченности НПР в академическое развитие высту-

пает необходимым условием формирования эффективной кадровой политики, направленной на устойчивое развитие человеческого капитала современного университета.

Практическая значимость исследования заключается в предоставлении инструментария для дифференциированной кадровой политики университетов. Результаты позволят университетским отделам академического развития персонала разрабатывать возрастно-ориентированные программы академического развития

(например, развитие цифровых компетенций для НПР старших когорт, программы подготовки грантовых заявок для представителей среднего поколения, менторские программы для молодых работников). Руководству вузов – формировать сбалансированные исследовательские команды и распределять нагрузку, учитывая карьерные приоритеты разных групп, а самим НПР – осознанно планировать траекторию профессионального, личностного и карьерного развития.

Список литературы / References

1. Ефимова Г.З. Управление академическим развитием научно-педагогических работников в контексте дисциплинарных социологических теорий. *Вестник университета*. 2025; (5):217-232. DOI: 10.26425/1816-4277-2025-5-217-232
2. Merton R.K. The Normative Structure of Science. https://law.unimelb.edu.au/_data/assets/pdf_file/0005/3609203/1c-Merton-The-Normative-Structure-of-Science.pdf
3. Parsons T., Platt G.M. The American University, Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press, 1973. DOI: 10.4159/harvard.9780674423626
4. Caplow, T., McGee, R. J. The academic marketplace (4th ed.). Basic Books. 1958. 262 p.
5. Slaughter, S., Leslie, L. L. Academic Capitalism: Politics, Policies, and the Entrepreneurial University. 1997. 276 p. <https://yvesgingras.uqam.ca/wp-content/uploads/sites/150/ACADEMIC-CAPITALISM.pdf>
6. Воробьева И.В. Российские учёные в условиях прекарной занятости. *Вопросы управления*. 2021; (1):131-142. Vorobyova I.V. Russian scholars under the conditions of precarious employment. *Management Issues*, 2021; (1):131-142. (In Russ.)
7. Levecque K., Anseel F., De Beuckelaer A., Van der Heyden J., Gisle L. Work organization and mental health problems in PhD students. *Research Policy*. 2017; (46(4)):868-879. DOI: 10.1016/j.respol.2017.02.008
8. Arthur M. B. The boundaryless career: A new perspective for organizational inquiry. *Journal of Organizational Behavior*. 1994; (15):295-306. DOI: 10.1002/job.4030150402
9. Дежина И.Г. Межсекторальная мобильность научных кадров – мировые тенденции и особенности России. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2014; (3):30-48. Dezhina I.G. Intersectoral Mobility Of The Scientific Staff - Global Trends And Russian Peculiarities. *Public Administration Issues*. 2014; (3):30-48. (In Russ.)

Информация об авторе

Ефимова Галина Зиновьевна, кандидат социологических наук, профессор, Тюменский государственный университет, Финансово-экономический институт, кафедра общей и экономической социологии. Author ID 57195971011; ORCID ID 0000-0002-4826-2259, E-mail: g.z.efimova@utmn.ru

Information about author

Efimova Galina Zinov'yevna, Candidate of Sociological Sciences, Professor, University of Tyumen, Institute of Finance and Economics, Department of General and Economic Sociology. Author ID 57195971011; ORCID ID 0000-0002-4826-2259, E-mail: g.z.efimova@utmn.ru

Поступила в редакцию 15.09.2025; принята к публикации 06.12.2025.

Received 15.09.2025; Accepted 06.12.2025.

Научная статья

Research article

УДК 316.4

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.35-44>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Цифровая социализация студенческой молодёжи: подходы, принципы, уровни

Закиров А.М., Шамсутдинова И.И.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1

Аннотация. Статья представляет теоретический анализ цифровой социализации студенческой молодёжи в контексте трансформации высшего образования. На основе компаративного и концептуального анализа выявлены ключевые парадигмы её понимания – инструменталистская и трансформационная, а также предложено авторское определение феномена цифровой социализации как гибридного процесса, детерминированного традиционными институтами и алгоритмизированной интернет-средой. Раскрыты три направления социализации (когнитивное, коммуникативное, идентификационное), её принципы и факторы. Цифровая компетентность рассматривается как результат социализации – как динамическая система когнитивных, операциональных и ценностно-рефлексивных навыков. Выявлен разрыв между потребительскими практиками студентов и профессиональными компетенциями, обоснована необходимость внедрения инновационных образовательных подходов.

Ключевые слова: цифровая социализация, студенческая молодёжь, цифровая компетентность, высшее образование

Благодарности. Исследование выполнено за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» в рамках государственного задания

Для цитирования: Закиров А.М., Шамсутдинова И.И. Цифровая социализация студенческой молодёжи: подходы, принципы, уровни. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (4(71)):35–44.

Digital socialization of student youth: approaches, principles, levels

Zakirov A.M., Shamsutdinova I.I.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. This article presents a theoretical analysis of the digital socialization of student youth in the context of the transformation of higher education. Based on comparative and conceptual analysis, key paradigms for understanding

this process—instrumentalist and transformative—are identified, and the author offers a definition of the phenomenon as a hybrid process determined by traditional institutions and an algorithmic internet environment. Three dimensions of socialization (cognitive, communicative, and identification), their principles, and factors are revealed. Digital competence is viewed as a result of socialization—a dynamic system of cognitive, operational, and value-reflexive skills. A gap between students' consumer practices and professional competencies is identified, and the need for innovative educational approaches is substantiated.

Keywords: digital socialization, student youth, digital competence, higher education

Acknowledgements: The paper was published at the expense of the subsidy allocated to Kazan Federal University for the project № FZSM-2023-0022 «Digital socialisation and digital competence of young people in the conditions of global systemic changes: regulation technologies, risks, scenarios» within the framework of the state assignment

For citation: Zakirov A.M., Shamsutdinova I.I. Digital socialization of student youth: approaches, principles, levels. *The Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2025; (4(71)):35–44 (In Russ.)

Введение

Современный этап развития общества отмечается стремительной цифровой трансформацией, затрагивающей основы социализации новых поколений. Особенно значима эта тенденция для студенческой молодёжи, для которой цифровая среда стала естественной сферой жизнедеятельности. Однако темпы технологических изменений опережают адаптацию традиционных институтов, в первую очередь, системы высшего образования [1]. Возникает противоречие между стихийным взаимодействием студентов с цифровой средой и отсутствием целостных педагогических стратегий, направленных на развитие личностных и профессиональных компетенций [2].

Проблема усложняется неоднозначностью теоретического осмысливания феномена, что ведёт к фрагментарности практик. Эмпирические данные показывают разрыв между высокой цифровой активностью студентов и недостаточным уровнем критического мышления, рефлексии и профессионально ориентированных навыков, необходимых на рынке труда [3]. Это подчёркивает потребность в комплексном исследовании для преодоления

теоретических противоречий и разработки научно обоснованных подходов к управлению цифровой социализацией в образовании.

Ключевые вопросы остаются слабо изученными. Во-первых, отсутствует единная модель измерения цифровой социализации, связывающая использование технологий с результатами обучения и уровнем цифровых навыков [4]. Во-вторых, неясно, как трансформировать повседневные цифровые практики в профессионально значимые компетенции [5]. В-третьих, сохраняются институциональные барьеры: в вузах часто нет стратегий цифровой трансформации, а преподавателям не хватает подготовки и поддержки [6]. Требуются надёжные методы оценки, сочетание количественных и качественных подходов, а также учёт психологических и институциональных факторов.

Методы

Основным методом исследования стал компаративный анализ теоретических подходов к цифровой социализации. Он позволил выявить сходства и различия в концепциях отечественных и зарубежных авторов. Дополнительно

использован концептуальный анализ для определения ключевых компонентов, структурных связей и смысловых акцентов в этих подходах. Объектом анализа выступили научные публикации и рамочные документы (например, DigComp), определяющие содержание цифровой компетентности. В рамках сравнения рассмотрены базовые парадигмы (инструменталистская и трансформационная), дефиниции ключевых понятий, а также структурные элементы и факторы цифровой социализации.

Для систематизации данных применён метод тематической классификации. Он позволил выделить основные направления (когнитивное, коммуникативное, идентификационное), принципы и уровни формирования цифровой компетентности, объединив разрозненные идеи в единую логическую схему. Сочетание методов обеспечило не только обобщение существующих подходов, но и выявление пробелов в исследовании проблемы. Это позволило предложить авторское определение цифровой социализации и обосновать её многоуровневую структуру.

Результаты исследования

Цифровая социализация молодежи становится важным аспектом в контексте цифрового общества. Современные технологии и социальные сети играют ключевую роль в формировании идентичности и социальных связей молодых людей. Они представляют новые возможности для обучения, общения и самовыражения, но также создают вызовы, связанные с информационной безопасностью и цифровой грамотностью.

Современный этап развития общества характеризуется глубокой трансформацией процессов социализации под влиянием цифровых технологий. Традиционные модели, фокусирующиеся на институтах семьи, образования

и сверстников, требуют переосмыслиния в условиях гибридной реальности, где онлайн- и офлайн-пространства взаимопроникают. Понятие цифровой социализации в научной литературе трактуется неоднозначно, отражая различные аспекты взаимодействия личности с цифровой средой.

Современные зарубежные и отечественные исследования цифровой социализации представляют собой многоаспектное поле научного знания, где различные теоретические подходы раскрывают сложную природу взаимодействия человека с цифровой средой (Табл. 1).

Анализ представленных в таблице 1 концепций позволяет сделать вывод, что цифровая социализация в современной научной литературе осмысливается через разнообразные теоретические призмы, отражающие её многомерный характер. Мануэль Кастельс закладывает макросоциальный фундамент понимания этого процесса, интерпретируя цифровую социализацию как интеграцию индивида в структуры сетевого общества, где формируются новые нормы, ценности и практики взаимодействия. Его подход подчёркивает трансформационную роль информационных технологий в переосмыслении социальных отношений [7]. В отличие от системного анализа Кастельса, Говард Рейнгольд смещает акцент на микроравень, рассматривая социализацию как процесс приобретения цифровой грамотности и навыков участия в онлайн-сообществах. Его прагматическая концепция связывает социализацию с развитием конкретных компетенций, необходимых для эффективного функционирования в цифровой среде [8]. Соня Ливингстон дополняет эту картину, выделяя двусторонний характер цифровой социализации, при котором молодёжь активно участвует не только в потреблении, но и в создании цифровой культуры, что свиде-

Таблица 1

**Основные подходы к определению «цифровой социализации»
в зарубежных и отечественных исследованиях**

Автор(ы)	Определение цифровой социализации
Мануэль Кастельс	Процесс, в ходе которого индивиды учатся ориентироваться и усваивать нормы, ценности и практики сетевого общества, формируемые цифровыми технологиями и платформами
Говард Рейнгольд	Приобретение цифровой грамотности и навыков участия, необходимых для вовлечения в онлайн-сообщество и виртуальные пространства
Соня Ливингстон	Двойственный процесс, в котором молодежь одновременно потребляет и создает цифровую культуру, интегрируя онлайн-взаимодействия в социальное развитие и самоидентификацию
Солдатова Г.У.	Процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизведения этого опыта в смешанной офлайн/онлайн-реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности
Солдатова Г.У., Войскунский А.Е.	Процесс адаптации изменяющегося человека к возможностям и рискам динамичной социотехнологической среды, формирующий гиперподключенную, технологически достроенную цифровую личность как часть личности реальной
Плешаков В.А.	Киберсоциализация - процесс качественных изменений структуры самосознания и мотивационно-потребностной сферы личности под влиянием инфокоммуникационных технологий
Тишкова А.С.	Процесс адаптации молодежи к цифровой среде, включающий усвоение новых норм, ценностей и моделей поведения

тельствует о переходе от пассивного усвоения к продуктивному агентству [9]. Российские исследователи развивают более психологически и личностно ориентированные подходы. Г.У. Солдатова и её коллеги рассматривают цифровую социализацию как процесс овладения опытом в онлайн-среде и его презентации в смешанной реальности, представляя формирование цифровой личности как интегральную часть идентичности [10]. Совместно с А.Е. Войскунским она вводит понятие «гиперподключённой» личности, подчёркивая её адаптацию к динамичной социотехнологической среде и трансформацию высших психических функций [11]. В.А. Плешаков, опираясь на культурно-историческую парадигму, акцентирует изменения в самосознании и мотивационной сфере, обусловленные киберсредой [12]. А.С. Тишкова подчёркивает адаптивный характер

процесса цифровой социализации [13]. Таким образом, западные подходы чаще ориентированы на структурные и поведенческие аспекты, тогда как отечественные делают упор на внутренние, личностные трансформации. Интеграция этих перспектив позволяет рассматривать цифровую социализацию как многомерный социальный процесс, где структурные изменения цифровой среды (западный фокус) неизменно связаны с процессами интернализации новых норм и конструирования идентичности (отечественный фокус), что в совокупности формирует новую социальную реальность.

Анализ современных исследований цифровой социализации студенческой молодежи позволяет выделить две принципиально различные парадигмы понимания этого процесса – инструменталистскую и трансформационную (Рис. 1).

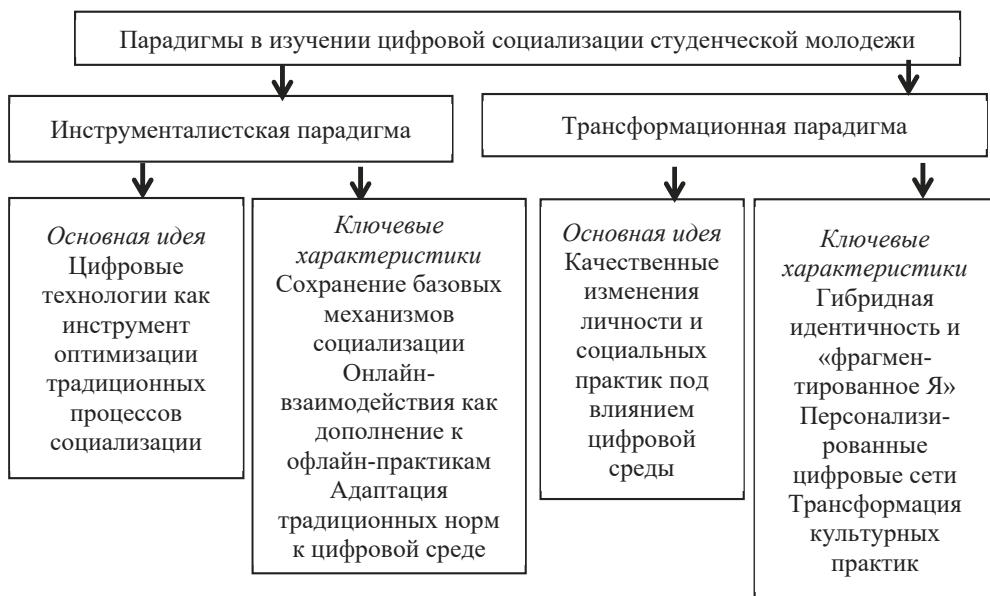

Рис. 1. Ключевые парадигмы в изучении цифровой социализации

Инструменталистская парадигма рассматривает цифровые технологии как вспомогательный инструмент для оптимизации традиционных процессов социализации. С точки зрения этого подхода интернет и цифровые платформы служат средствами усиления существующих социальных практик – образования, общения, политического участия – без фундаментального изменения их природы. Сохраняются базовые механизмы социализации через социальные институты семьи, образования и сверстников, а онлайн-взаимодействия рассматриваются как дополнение к офлайн-практикам.

Трансформационная парадигма акцентирует качественные изменения в структуре личности и социальных практиках под влиянием цифровой среды. Она фиксирует возникновение принципиально новых феноменов: феномен гибридной идентичности (онлайн/оффлайн) и «фрагментированного Я», формируемого через асинхронную коммуникацию без невербальных сигналов; феномен цифровой экологии сознания с клиповым мыш-

лением, многозадачностью и дефицитарностью сенсорного опыта; феномен перехода от коллективных форм социализации к персонализированным цифровым сетям; трансформации культурных практик, где онлайн-деятельность становится ядром повседневности.

Эти парадигмы отражают принципиально разные подходы. Если инструментализм фокусируется на адаптации традиционных моделей к новым условиям, трансформационный подход доказывает возникновение качественно новых феноменов в структуре личности и социального взаимодействия, требующих пересмотра классических теорий социализации.

Интеграция этих аспектов позволяет сформулировать авторское определение. Цифровая социализация – это процесс становления и развития личности в условиях гибридной реальности, детерминированный целенаправленным воздействием традиционных социальных институтов (семьи, образования) и стихийным влиянием алгоритмизированной интернет-сре-

ды, характеризующийся усвоением, воспроизведением и трансформацией социальных норм, ценностей и практик в цифровых сообществах, а также конструированием сетевых идентичностей. Этот процесс не заменяет, но трансформирует влияние первичных агентов социализации, создавая гибридную нормативную систему, в которой универсальные культурные образцы адаптируются к логике цифровых платформ.

Важным аспектом цифровой социализации студенческой молодёжи является её многоуровневость, которая проявляется в трёх ключевых направлениях: когнитивном, коммуникативном и идентификационном.

В рамках когнитивного направления цифровая социализация студенческой молодёжи включает не только овладение техническими навыками работы с цифровыми инструментами, но и формирование устойчивых стратегий поиска, верификации и осмысливания информации, то есть тех компетенций, которые в современной научной и прикладной литературе обозначаются как цифровая и медийно-информационная грамотность.

В рамках коммуникативного направления цифровая социализация студенческой молодёжи рассматривается как процесс встраивания индивида в сетевые формы коллективной деятельности и профессионального взаимодействия, где сетевые сообщества, платформы совместной работы и цифровые практики выступают и как поле обучения, и как среда ранней профессиональной социализации.

Идентификационное направление цифровой социализации студенческой молодёжи связано с тем, как цифровая среда трансформирует процессы само-представления, личностной интеграции и профессионального самоопределения, порождая множественность «Я» и новые формы управления публичностью и репутацией.

Анализ когнитивного, коммуникативного и идентификационного направлений раскрывает цифровую социализацию как многоуровневую и многогранную систему, где каждый уровень требует особых подходов к развитию компетенций и минимизации рисков. Однако выделение направлений определяет лишь содержательные рамки процесса. Для понимания его организации и методологических основ необходимо обратиться к принципам цифровой социализации. Именно они интегрируют уровни в единую модель, обеспечивая согласованность педагогических, организационных и личностных аспектов и формируя базу для образовательных стратегий и исследований.

Принципы цифровой социализации студенческой молодёжи выстраиваются вокруг нескольких взаимосвязанных положений, которые можно конструировать как методологические ориентиры для исследований и практики: принцип системности и интеграции, принцип институциональной определённости, принцип профессиональной компетентности педагогического состава, принцип критического осмысливания цифровой информации, принцип интеграции в цифровые сообщества, принцип гибкости цифровой идентичности.

Принцип системности и интеграции предполагает, что освоение цифровых инструментов неразрывно связано с глубокими изменениями в когнитивной, коммуникативной и личностной сферах. В данном случае развиваются новые способы поиска информации, критической оценки контента и его практического применения в различных контекстах.

Принцип институциональной определённости подчеркивает, что цифровая социализация не является стихийным процессом, а опосредована существующими социальными институтами (вуз, академическое сообщество).

щество), которые задают нормативные рамки, каналы и ресурсы для интеграции студентов в цифровое общество.

Эффективность цифровой социализации студенческой молодежи обусловлена принципом профессиональной компетентности педагогического состава. Ключевая роль здесь отводится цифровой компетентности преподавателя, которая заключается не в простом владении технологиями, а в умении объединять их со знанием предмета и педагогическими методами.

Принцип критического осмыслиения цифровой информации предполагает, что формирование цифровой грамотности не должно сводиться к овладению лишь техническими навыками. Ее фундаментом является критическое мышление. Важно целенаправленно учить студентов не просто искать информацию, а анализировать и оценивать ее. Здесь проверять достоверность источников, распознавать манипуляции и сознательно отбирать контент.

Принцип интеграции в цифровые сообщества заключается в том, что эффективная социализация происходит не в изоляции, а через активное участие студентов в сетевых коллективах и профессиональных сообществах. В этих группах обучение строится на совместной работе, обмене опытом и взаимодействии, где важным элементом является формирование репутации.

Принцип гибкости цифровой идентичности акцентирует, что онлайн-среда предоставляет молодым людям широкие возможности для самопрезентации и экспериментов с разными социальными ролями.

Сформулированные принципы позволяют перейти к анализу ключевых факторов, определяющих специфику и эффективность цифровой социализации студенческой молодежи. Эти факторы можно условно разделить на персональные и институциональные, которые находятся в тесном взаимодействии и влияют на процесс инте-

грации студентов в цифровое общество. К институциональным факторам относятся структура и политика высшего учебного заведения, доступность и качество цифровых образовательных платформ, наличие formalизованных программ повышения квалификации преподавателей и организационная культура, поддерживающая цифровую трансформацию. В этой плоскости ключевым элементом выступает готовность и цифровая компетентность преподавателей. Персональные факторы цифровой социализации студентов включают широкий спектр индивидуальных характеристик. В данном случае подразумевается мотивация к обучению и профессиональному росту в сети, уровень цифровой грамотности, психологическая устойчивость к информационной нагрузке и к воздействию сетевых рисков.

Анализ направлений, принципов и факторов цифровой социализации позволяет не только описать механизмы включения студентов в цифровую среду, но и подойти к пониманию того, какие компетенции становятся результатом этого процесса.

Цифровая компетентность студенческой молодежи представляет собой сложный, многокомпонентный феномен, формирующийся под влиянием процессов цифровой социализации в условиях глобальной информатизации общества. В современной научной литературе это понятие трактуется значительно шире, чем простая техническая грамотность, включая когнитивные, операциональные, мотивационно-ценостные и рефлексивные аспекты взаимодействия с цифровой средой.

На наш взгляд, цифровую компетентность студенческой молодежи можно определить как динамическую систему взаимосвязанных когнитивных, операциональных и ценностно-рефлексивных компетенций, обеспечивающую эффективное, кри-

тическое и этически ответственное взаимодействие с цифровой средой для достижения личностных, образовательных и профессиональных целей, проектирования образовательной траектории, использования цифровых ресурсов для решения предметных задач.

Такое понимание создаёт основу для более детального рассмотрения цифровой компетентности, поскольку её сложная структура включает несколько взаимосвязанных уровней. Так, выделяются информационный уровень, коммуникационный уровень, технический уровень и потребительский уровень. Каждый уровень обладает спецификой как в общечеловеческом измерении, так и применительно к студенческой молодёжи.

Информационный уровень формирует когнитивную основу взаимодействия с цифровой средой, охватывая не только операционные навыки поиска, но и способность к глубокому пониманию, верификации источников и интеграции текстовых, мультимедийных и визуальных данных. Коммуникационный уровень отвечает за построение социально ответственных взаимодействий в цифровой среде, выходя за рамки простого владения инструментами обмена сообщениями и соцсетями. Он включает управление цифровой идентичностью, предупреждение таких рисков, как буллинг и троллинг, а также развитие эмпатичного диалога. Технический уровень компетентности обеспечивает инструментальное выполнение задач посредством безопасного и эффективного использования информационно-коммуникационных технологий. Потребительский уровень трансформирует пассивное использование сервисов в осознанное управление цифровой экосистемой. Он включает рациональный выбор цифровых продуктов на основе анализа их функциональности и политик конфиденциальности, защиту персонального цифрового следа.

Специфика студенческой молодёжи заключается в асинхронном развитии цифровых компетенций. При высоком уровне технических и потребительских навыков наблюдается дефицит критического мышления и коммуникативной культуры. Спонтанная цифровая социализация формирует эти навыки изолированно, тогда как образовательная среда должна обеспечивать их интеграцию. Однако академические программы зачастую отстают от запросов рынка, что выявляет разрыв между потребительскими и производственными цифровыми практиками. Для его преодоления предлагаются три стратегии, а именно платформенные стажировки, сокращенные программы повышения квалификации и симуляторы отраслевых сред. Особую роль играет развитие цифровой рефлексии – способности анализировать собственный цифровой след и алгоритмическое окружение, что снижает репутационные риски. Перспективным направлением становится создание цифрового двойника компетенций, однако его реализация требует обеспечения цифрового суверенитета и этичного управления данными.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что цифровая социализация представляет собой сложный, многомерный процесс, детерминированный как целенаправленным воздействием традиционных институтов (семьи, образования), так и стихийным влиянием интернет-среды, включающей алгоритмизированные практики взаимодействия (как устойчивые воспроизведимые паттерны социального поведения, формируемые и регулируемые логикой цифровых платформ), конструирование сетевых идентичностей и усвоение норм цифровых сообществ. Эффективная цифровая социализация студенческой молодёжи реализуется через три взаимосвязанных направ-

ления. Это когнитивное направление, коммуникативное направление и идентификационное направление. Их интеграция обеспечивается действием системы принципов (системности, профессиональной компетентности педагогов, критической рефлексии, интеграции в сообщества, гибкости цифровой идентичности) и факторов (институциональных и персональных).

Результатом успешной цифровой социализации выступает цифровая компетентность, понимаемая как динамическая система взаимосвязанных когнитивных и ценностно-рефлексивных компетенций, обеспечивающая эффективное, критическое и этически ответственное взаимодействие с цифровой средой.

Список литературы / References

1. Михайлов А.П., Чагин В.С. Молодёжь в цифровом обществе. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2023; (4(329)):86–92. DOI 10.53598/2410-3691-2023-4-329-86-92.
Mikhailov A.P., Chagin V.S. Youth in a Digital Society. *Bulletin of Adyge State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*. 2023; (4(329)):86–92. DOI 10.53598/2410-3691-2023-4-329-86-92. (In Russ.)
2. Валитова Н.Э. К вопросу о социализации студенческой молодежи в современной цифровой среде. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023; (2(59)):4–7. DOI 10.26907/2079-5912.2023.2.4-7.
Valitova N.E. On the Issue of Socialization of Student Youth in the Modern Digital Environment. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2023; (2(59)):4–7. DOI 10.26907/2079-5912.2023.2.4-7. (In Russ.)
3. Кальницкая И.В., Максимочкина О.В. Модель цифровой компетенции студентов. *Проблемы современного образования*. 2022; (4):204–218. DOI 10.31862/2218-8711-2022-4-204-218.
Kalnitskaya I.V., Maksimochkina O.V. Model of students' digital competence. *Problems of Modern Education*. 2022; (4):204–218. DOI 10.31862/2218-8711-2022-4-204-218. (In Russ.)
4. Конева Д.А., Лысенко Е.В., Хохолева Е.А. Оценка цифровых компетенций студентов университета: кейс Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина. *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. 2022; (11(2)):57–65. DOI 10.12737/2305-7807-2022-11-2-57-65.
Koneva D.A., Lysenko E.V., Khokhleova E.A. Assessment of digital competencies of university students: the case of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. *Personnel and Intellectual Resource Management in Russia*. 2022; (11(2)):57–65. DOI 10.12737/2305-7807-2022-11-2-57-65. (In Russ.)
5. Костина С.Н. Готова ли инфраструктура региональных вузов к решению задач цифровой трансформации? *Университетское управление: практика и анализ*. 2021; (25(3)):14–32. DOI 10.15826/umpa.2021.03.024.
Kostina S.N. Is the Infrastructure of Regional Universities Ready to Address Digital Transformation Challenges? *University Management: Practice and Analysis*. 2021; (25(3)):14–32. DOI 10.15826/umpa.2021.03.024. (In Russ.)
6. Гунина Е.В., Дудина О.В. К вопросу изучения цифровой среды как фактора социализации личности. *Казанский педагогический журнал*. 2020; (6(143)):89–96. DOI 10.51379/kpj.2020.31.28.012.
Gunina E.V., Dudina O.V. On the issue of studying the digital environment as a factor in the socialization of the individual. *Kazan Pedagogical Journal*. 2020; (6(143)):89–96. DOI 10.51379/kpj.2020.31.28.012. (In Russ.)
7. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The

Rise of the Network Society. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell; 1996:469–478.

8. Rheingold H. Net Smart: How to Thrive Online. Cambridge, MA: MIT Press; 2012:67–89.

9. Livingstone S. Children and the Internet: Great Expectations, Challenging Realities. Malden, MA: Polity Press; 2009:120–145.

10. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире. *Социальная психология и общество*. 2018; (9(3)):71–80. DOI 10.17759/sps.2018090308.

Soldatova G.U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Social Psychology and Society*. 2018; (9(3)):71–80. DOI 10.17759/sps.2018090308. (In Russ.)

11. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021; (18(3)):431–450. DOI 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450.

Soldatova G.U., Voiskunsky A.E. Social-cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and social evolution of the psyche. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2021; (18(3)):431–450. DOI 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450. (In Russ.)

12. Плещаков В.А. Перспектива развития теории киберсоциализации человека в XXI веке. *Идеи и идеалы*. 2011; (2(3)):47–62.

Pleshakov V.A. Prospects for the Development of the Theory of Human Cybersocialization in the 21st Century. *Ideas and Ideals*. 2011; (2(3)):47–62. (In Russ.)

13. Тишкова А.С. Особенности цифровой социализации современной молодежи: теоретический экскурс. *Человеческий капитал*. 2023; (12-1(180)):212–218. DOI 10.25629/HC.2023.12.19.

Tishkova A.S. Features of Digital Socialization of Modern Youth: A Theoretical Excursion. *Human Capital*. 2023; (12-1(180)):212–218. DOI 10.25629/HC.2023.12.19. (In Russ.)

Информация об авторах

Закиров Аяз Маратович, лаборант-исследователь, аспирант кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета. Author ID 1158873; ORCID ID 0000-0002-6069-699X, E-mail: amzakirov@inbox.ru.

Шамсутдинова Ильсия Ильдусовна, кандидат социологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии, Author ID 57192957595; ORCID ID 0000-0003-4217-7405, E-mail: 89173914070@mail.ru

Information about authors

Zakirov Ayaz Maratovich, research assistant, postgraduate student in the Department of General and Ethnic Sociology at the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of Kazan Federal University. Author ID 1158873; ORCID ID 0000-0002-6069-699X, E-mail: amzakirov@inbox.ru.

Shamsutdinova Ilsa Ildusovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology. Author ID 57192957595; ORCID ID 0000-0003-4217-7405, E-mail: 89173914070@mail.ru

Поступила в редакцию 03.10.2025; принята к публикации 25.10.2025.

Received 03.10.2025; Accepted 25.10.2025.

Научная статья

Research article

УДК 304.008.

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.45-52>

© 2025

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Оценка категорий конфликтности в медиапространстве: анализ медиатекстов и отношения пользователей

Сапунова О.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1

Аннотация. Набирающая обороты цифровизация проникает во все сферы жизни современного общества, неизбежно вызывая различные конфликты: между виртуальным и реальным, верbalным и визуальным, универсальным и культурноспецифичным. Настоящая статья суммирует результаты исследований, проводимых в рамках Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Конфликт и медиа: теоретические, исторические, социокультурные и коммуникативные аспекты» (№23-Ш02-16). Проведенные исследования раскрывают высокий уровень вовлеченности медиа и информационных технологий во все сферы общественной жизни и процесс медиатизации социальных конфликтов. Анализ поведения пользователей в социальных сетях выявил стремление студентов и аспирантов российских вузов ($n=112$, 19–32 лет) к эксплицитному выражению точки зрения в социальных сетях, даже если она противоречит популярному мнению, тенденцию к реалистичной самопрезентации, желание сформировать позитивный виртуальный образ. В целом, опрос позволяет констатировать преимущественное совпадение реального образа, создаваемого молодыми пользователями соцсетей, с виртуальным. Исследование отношения молодой аудитории к геймификации ключевых сфер жизни ($n=53$, 19–27 лет) выявило положительную оценку цифровых игровых практик применительно к социализации и коммуникации, но низкую готовность к тотальной геймификации образования. Изучение использования в медиатекстах категории оценочности – одного из индикаторов уровня конфликтности – обнаружило тенденцию к умеренной вербальной манифестиации категории на лексическом уровне. Исследование восприятия поликодового текста – мемов – нативным и иноязычным воспринимающим сознанием показало, что конгруэнтность визуального компонента представляется главным условием понимания текста, созданного в иной лингвокультуре, и возможности оценить его коннотативную составляющую.

Ключевые слова: конфликт, медиа, медиакоммуникация, цифровая личность, категория оценочности, мем

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-16 «Конфликт и медиа: теоретические, исторические, социокультурные и коммуникативные аспекты»

Для цитирования: Сапунова О.В. Оценка категорий конфликтности в медиапространстве: анализ медиатекстов и отношения пользователей. Казанский социально-гуманитарный вестник. 2025; (4(71)):45–52.

Assessment of Conflict Categories in Media: Media Texts and User Attitudes

Sapunova O.V.

Lomonosov Moscow State University

Leninskiye Gory str., h. 1, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The accelerating digitalization permeates every sphere of modern society, inevitably causing various conflicts: between the virtual and the real, verbal and visual, universal and culturally specific. The current paper sums up a series of studies conducted within the framework of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-16 “Conflict and Media: Theoretical, Historical, Socio-Cultural and Communicative Aspects”. It reveals a high level of media and information technology involvement in all areas of social life and the process of mediatization of social conflicts. The study of user behaviour in social networks showed that students and PhD students of Russian universities ($n=112$, aged 19–32) tend to explicitly express their opinions on social media, even if these contradict popular views; the cohort demonstrated a tendency to realistic self-presentation, and the aim to create a positive virtual image. Overall, the survey confirms a predominant match between the real image created by young social networks users and their virtual identity. Research on young users’ attitudes to gamification in key social spheres ($n=53$, aged 19–27) revealed an overall positive evaluation of this process ongoing I socialization and communication, though were reluctance to accept total gamification of education. An analysis of the use of evaluative vocabulary in media texts – one of the indicators denoting conflict emerging – showed a tendency that the texts include generally moderate lexical units comprising the category. Finally, a study on how native and non-native audiences perceive and interpret such polycode texts as memes showed that the congruence of the visual component appears to be the main factor ensuring the understanding and appreciating for a text created in a different linguistic and cultural paradigm.

Keywords: conflict, media, media communication, digital personality, evaluative category, meme

Acknowledgements. This work was conducted with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-16 “Conflict and Media: Theoretical, Historical, Socio-Cultural and Communicative Aspects”.

For citation: Sapunova O.V. Assessment of Conflict Categories in Media: Media Texts and User Attitudes. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025; (4(71)):45–52 (In Russ.)

Введение

Цифровая трансформация является наиболее актуальным триггером в парадигмальных изменениях современной общественной жизни. Результатом поступательного развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий стало кардинальное преобразование жизненного пространства людей, их образа жизни

и мировоззренческих практик. Информатизация и цифровизация затронули и переформатировали все сферы социальной активности, привела к бурному росту аудитории социальных сетей, которые значительно преобразили социальные практики и взаимоотношения общества с медиа как социальным институтом [1], изменив и поведенческие практики современного человека.

Показательно, что на концептуальном уровне искусственный интеллект понимается современными пользователями как помощник [2].

Как отмечают исследователи, именно современные СМИ наиболее динамично отражают актуальные тенденции, диапазон мнений и наиболее значимые конфликты, определяемые как «явления сугубо нематериального, оцениваемого опосредованно через “следы”, оставляемые в результате конфликтного взаимодействия в материальном мире» [3, с. 425]. Анализ индикаторов уровня конфликтности и способа их презентации в медиа привлекает внимание медиаисследователей, поскольку их осмысление представляется важным для снижения уровня конфликтности в обществе [4].

В настоящей статье представлены выводы, сделанные в результате комплекса исследований, проведенных в рамках Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Конфликт и медиа: теоретические, исторические, социокультурные и коммуникативные аспекты» и посвященных анализу конфликта в медиапространстве. Было проанализировано: (1) поведение пользователей в социальных сетях [5], (2) отношение молодой аудитории к геймификации ключевых сфер жизни [6], (3) использование в медиатекстах категории оценочности – одного из индикаторов уровня конфликтности [7], (4) восприятие поликодового текста – мемов – нативным и иноязычным воспринимающим сознанием [8].

Методы и материалы

(1) В исследовании, направленном на анализ и самоанализ поведения пользователей в социальных сетях, а также констатирование наличия/отсутствия противоречия между реальным и цифровым образами индивида, участвовали 112 студентов и аспиран-

тов, обучающихся в российских вузах (19–32 лет; носители русского языка). Опрос был проведен в мае–июле 2024 года в онлайн-формате, включал направленный ассоциативный эксперимент, шкалированный опрос, метод незавершенных предложений.

(2) Целью исследования, направленного на поведение пользователей в социальных сетях, было выявление отношения молодой аудитории к геймификации наиболее значимых социальных практик: социализации, коммуникации, обучения. В исследовании приняли участие 53 магистранта и аспиранта, обучающихся в российских вузах (19–27 лет; носители русского языка). Опрос был проведен в сентябре 2024 года в онлайн-формате, включал, как в исследовании 1, направленный ассоциативный эксперимент, шкалированный опрос, метод незавершенных предложений.

(3) Междисциплинарное исследование, разрабатывающее вопросы медиаконфликтологии и медийного измерения социальных противоречий, выявило декатегоризацию ключевых категорий *ПРЕКРАСНОЕ* и *БЕЗОБРАЗНОЕ* в отечественных медиа [7]. Отбор медиаматериалов производился с использованием системы мониторинга и анализа СМИ «Интеграм». В выборку попали публикации сайтов четырех российских СМИ (за период 2019–2023 гг.), лидирующих на российском медиарынке и демонстрирующих сходные типологические характеристики (издания «Известия» (iz.ru), «Комсомольская правда» (kp.ru), интернет-СМИ «Газета.Ru» и Lenta.ru). Эмпирический материал был исследован на предмет включения оценочных лексических единиц (ЛЕ) с отрицательной коннотацией (*неприятно, шокирующее, отвратительно, неприлично, некрасиво, непристойно, одиозно, уродливо, безобразно, противно*) и позитивной коннотацией (*хорошо, прекрасно, отлично, красиво,*

привлекательно, роскошно, чудесно, великолепно, шикарно, живописно).

(4) Исследование особенностей интерпретации поликодового текста на материале жанра интернет-мема проводился с участием русских и китайских студентов и аспирантов ($n=108$, 18–23 лет), а также русских и китайских экспертов в области визуальных искусств с профильным высшим образованием ($n=12$, 25–65 лет) на материалах мемов из русского и китайского интернет-пространства (апрель–май 2020 года). Для оценки визуальных стимулов когортам студентов был предложен шкалированный опрос с применением метода семантического дифференциала. Экспертам для оценки методом направленного ассоциативного эксперимента были предложены аналогичные визуальные стимулы.

Результаты и обсуждения

Анализ контента и стратегий поведения пользователей в социальных сетях показал, что большинство респондентов (62,5%) используют соцсети главным образом для личной переписки. При этом обновление контента производится преимущественно не чаще раза в месяц (22,3%). Наиболее популярным контентом являются фотографии (83,9%), а наиболее популярными подписками – новостные группы (77,7%) и сообщества, посвященные хобби (75%).

Самоанализ поведения в соцсетях показал, что мнение аудитории не играет существенной роли для 55% опрошенных, тогда как те, кто учитывает отзывы, ориентируются главным образом на близких и друзей. Более половины респондентов редко проверяют просмотры публикаций, а негативные комментарии чаще не удаляются (59%). Более трети опрошенных продемонстрировали отсутствие стремления следовать ожиданиям или моде: 37,5% заявило, что всегда публикует

пости о своих интересах, даже если они не считаются модными. В целом, опрос выявил, что испытуемые редко стремятся приукрасить свою жизнь в соцсетях: 33,9% не делают этого вообще; 45% считают, что их образ в соцсетях соответствует реальной личности.

Анализ отношения аудитории к геймификации ключевых сфер жизни выявил в целом умеренный интерес к играм: 37,7% играют несколько раз в месяц, при этом 81,1% тратят на игры менее часа в день. Однако 35,8% испытуемых показали, что когда-либо проводили за играми более 6 часов подряд, что указывает на эпизодический, но заметный интерес. Большинство опрошенных показало, что редко играют в онлайн-игры (49,1%) и в игры на смартфонах/планшетах (45,3%). Видеоигры еще менее популярны: 66% не играют в них вообще. 73,6% респондентов считают, что игры не могут заменить реальную жизнь и общение, при этом 45,3% контролируют время игры, 60,4% легко прекращают играть; игры не влияют на настроение и не требуют финансовых вложений. Гейминг преимущественно используется для развлечения, однако чуть более половины опрошенных (50,9%) предпочитают другие хобби играм.

В данной когорте интерес к геймификации образования и других сфер жизни достаточно высок: только 34% и 37,7% не хотят или редко хотят видеть геймификацию в разных сферах повседневной жизни; 34% никогда, а 50,9% редко хотели бы видеть обучение на основе интерактивных заданий. При этом 34% и 45,3% участников отмечают, что лучше усваивают информацию в интерактивной форме («редко» и «иногда» соответственно).

Анализ презентации оценочной категории в современный отечественных медиа выявил, что из общего количества медиатекстов базы данных (2551535 медиатекстов) только 1,8% контекстов содержит признаки

категории *БЕЗОБРАЗНОЕ* (46270 медиатекстов) и 12,6% – категории *ПРЕ-КРАСНОЕ* (323075 медиатекстов). Определено превалирование в медиатекстах ЛЕ, демонстрирующих умеренное проявление признака: *хорошо* (58%), *неприятно* (42%). Лексемы, выражающие признак более ярко, обнаружили незначительное количество употреблений (каждая ЛЕ – не более 1% от общего количества соответственным образом маркированных контекстов). Кроме того, в исследуемый период была выявлена явная тенденция к увеличению доли оценочных контекстов (с положительными ЛЕ на 44%, с отрицательными ЛЕ на 36%). Периоды подъема и спада количества случаев употребления оценочных ЛЕ на сайтах газет и в сетевых СМИ совпали, однако при росте общего количества текстов с позитивными и негативными ЛЕ их относительное количество (процент от общего числа текстов, публикуемых в СМИ) продемонстрировало снижение; причем процент текстов с позитивными ЛЕ уменьшается быстрее, чем процент текстов с негативными ЛЕ.

Однако реализация той или иной категории не ограничивается вербальной манифестиацией. Часто наиболее быстро и ярко реакция на актуальные события, происходящие в обществе, проявляется в форме мемов – креолизованных текстов, сочетающих вербальные и визуальные коды различной этимологии. Скорость появления и распространения мемов свидетельствует о значимости этого жанра в медиакоммуникации [9]. Так, к примеру, распространение пандемии COVID-19 и последующие ограничительные меры нашли свое отражение в медиакоммуникации посредством мемов [4]. Однако глобальный характер интернет-коммуникации дает пользователю доступ к контенту, созданному носителями разных лингвокультур и визуальных парадигм. Это актуализирует проблему множественности ин-

терпретации знака – в особенности его визуального компонента, культурной специфики визуального языка и сочетания в меме лингвистического, экстралингвистического и прецедентного знания. Мем может быть по-разному интерпретирован реципиентами, не являющимися носителями заложенной в мем этно- и лингвокультуры [10].

С точки зрения иноязычного воспринимающего сознания как вербальный, так и визуальный компоненты могут являться конгруэнтными (т.е. адекватно воспринимаемыми и интерпретируемыми носителями иноязычной лингвокультуры), дивергентными (интерпретация которого вызывает затруднения у носителя иной лингвокультуры в силу его культурной специфики) или лакунарными (не имеющими эквивалента в иноязычной лингвокультуре). Конгруэнтность обеспечивается универсальным знанием, в то время как дивергентными и лакунарными являются элементы национального энциклопедического кода той или иной лингвокультуры – лингвокультуре [11].

Как показывают исследования, для восприятия мемов ключевую роль играет интерпретация визуального компонента [3]. Исследования особенностей восприятия мемов носителями русской и китайской лингвокультур и культурных парадигм установили, что различия между ними проявляются на разных уровнях: семиотическом, лингвистическом, лингвокультурном, визуальном [3]. Так, русская культурная парадигма более гибка, подвержена большим изменениям и развитию, чем китайская, основанием которой является следование традициям. Русская визуальная культура подвижна, она неоднократно претерпевала существенные изменения; в китайской визуальной традиции доминирует традиционная живопись, мало подверженная изменениям.

Выводы

В целом, исследование потенциального конфликта реального и виртуального не продемонстрировало острого противоречия между двумя модусами существования. Выявлен прагматичный и умеренный подход пользователей к соцсетям, где главной целью является общение, а не создание идеализированного образа или демонстрация статусных символов. Продемонстрирован умеренный и избирательный интерес к играм, не позволяющий им заменять реальную жизнь или общение. Выявлено наличие интереса к расширению геймификации в социализации и коммуникации, но вместе с тем осторожность в отношении геймификации образования в когорте, игровые привычки которой контролируются, а мотивы игры связаны с желанием рекреации.

Исследование лексической манифестиации конфликта продемонстрировало тенденцию к менее категоричному выражению эмоциональной оценки, прослеживаемой на лексическом уровне. Перераспределение лексем, составляющих категорию, позволяет констатировать размытие границ данной категории – своего рода «де-категоризацию» оценочности.

Наиболее быстро реагирующий на конфликты в реальном мире жанр интернет-мема выявляет потенциальную проблему восприятия и интерпретации иноязычных поликодовых текстов. Мемы, в которых визуальный пласт представлен культурными универсалиями, доступны для восприятия носителям иноязычной культуры, невзирая на вербальную составляющую мема. Справедливо и обратное: неконгруэнтный визуальный компонент приводит

к затруднениям при дешифровке мема при любом типе вербальной составляющей (дивергентном или лакунарном). Наличие лакунарной составляющей – вербальной или визуальной – не только делает мем психологически непривлекательным для воспринимающего, но также может послужить причиной ошибочной интерпретации и потенциального конфликта.

Заключение

Высокий уровень вовлеченности медиа и информационных технологий во все сферы общественной жизни обеспечивает процесс медиатизации социальных конфликтов. Исследование потенциального конфликта между реальным и виртуальным в аудитории молодых образованных пользователей отечественного интернет-пространства, выраженного в прямом противоречии цифровой и реальной личности, приверженности к тотальной геймификации всех социальных практик или стремления к уходу от реальности в виртуальный мир, не продемонстрировало острого расхождения между двумя модусами существования. Цифровое пространство рассматривается скорее как расширение реальной жизни. Однако в медиакоммуникации, характеризующейся поликодностью сообщения, обнаруживается доминирование визуального над вербальным: конгруэнтность визуального компонента представляется главным условием адекватности интерпретации текста, созданного в иной лингвокультуре. Закономерно, таким образом, что на лексическом уровне презентация конфликтов в медиа обнаруживает умеренность проявления категории оценочности.

Список литературы / References

1. Вартанова Е.Л. Меняющаяся архитектура медиа и цифровые платформы. *Меди@льманах*. 2022; (1):8–13.
Vartanova E.L. Changing media architecture and digital platforms. *Medi@l'manax*. 2022; (1):8–13. (In Russ.)
2. Гончарова О.В., Липатова А.В., Напреенко Г.В. Медиаобраз феномена искусственный интеллект в новостных Telegram-каналах: сентимент-анализ и дискурсивная интерпретация. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025; (1(13)):43–52.
Goncharova O.V., Lipatova A.V., Napreenko G.V. Media Image of Artificial Intelligence in Telegram News Channels: Sentiment Analysis and Discourse Interpretation. *Virtual Communication and Social Networks*. 2025; (1(13)):43–52. (In Russ.)
3. Смирнова О.В., Шкondин М.В., Денисова Г.В., Антипова А.С., Ильченко Д.С. Социальные индикаторы конфликта в контексте медиа и журналистики: анализ содержания российских СМИ. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2021; (10(3)):422–436.
Smirnova O.V., Shkondin M.V., Denisova G.V., Antipova A.S., Il'chenko D.S. Social indicators of conflict in the context of media and journalism: an analysis of the content of Russian media. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2021; (10(3)):422–436. (In Russ.)
4. Smirnova O.V., Lobodanov A.P., Denissova G.V., Gladkova A.A., Sapunova O.V., Svitich A.L. Exploring visual culture of Covid-19 memes: russian and Chinese perspectives. *Central European journal of communication*. 2021; (14(2 (29))):259–286.
5. Мамедов А.К., Смирнова О.В., Денисова Г.В., Сапунова О.В. Конфликт реальной и цифровой личности участников медиакоммуникационного процесса: результаты исследования. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2025; (25 (2)):397–409.
Mamedov A.K., Smirnova O.V., Denisova G. V., Sapunova O. V. Realization of the conflict between real-world and digital
- personality in media communication. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; (25 (2)):397–409. (In Russ.)
6. Мамедов А.К., Денисова Г.В., Смирнова О.В., Сапунова О.В. Gaming as a potential source of conflict with real life: The youth's assessments. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; (24 (4)):1096–1103.
7. Денисова Г.В., Смирнова О.В., Сапунова О.В. Категория оценочности в современных российских медиа. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2024; (6):164–171.
Denisova G.V., Smirnova O.V., Sapunova O.V. The category of evaluation in modern Russian media. *Philological sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2024; (6):164–171. (In Russ.)
8. Денисова Г.В., Смирнова О.В., Сапунова О.В. Лингвокультурные универсалии как доминирующий фактор восприятия мемов. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2023; (6):43–49.
Denisova G. V., Smirnova O. V., Sapunova O. V. Linguistic and cultural universals as the dominant factor of meme perception. *Philological sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2023; (6):43–49. (In Russ.)
9. Сапунова О.В., Денисова Г.В. Меметизация реальности как попытка де-конфликтологизации: лингвокультурологический взгляд на деконструкцию серийного мема. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2025; (9 (903)):79–89.
Sapunova O.V., Denisova G.V. Memetization of reality as a means of its deconflicting: a linguistic and cultural view on the deconstruction of a serial meme. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2025; (9 (903)):79–89. (In Russ.)
10. Карташова Е.П., Ахмедзянова А.Р. Интернет-мем как основной вид креолизованного текста в самопрезентации «человека творящего». *Вестник Марийского государственного университета*. 2019; (3 (35)):426–430.

Kartashova E.P., Axmedzyanova A.R. An Internet meme as the main type of creolized text in the self-presentation of a “creative person”. *Vestnik of Mari State University*. 2019; (3 (35)):426–430. (In Russ.)

11. Eco U. The limits of interpretation. Indiana University Press, 1994. 304 p.

Информация об авторе

Сапунова Ольга Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры семиотики и общей теории искусства факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Author ID 57245876600; ORCID ID 0000-0002-2179-6592; E-mail: sapunovaov@my.msu.ru.

Information about the author

Olga V. Sapunova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Semiotics and General Theory of Art, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University. Author ID 57245876600; ORCID ID 0000-0002-2179-6592; E-mail: sapunovaov@my.msu.ru.

Поступила в редакцию 15.09.2025; принятa к публикации 08.12.2025.

Received 15.09.2025; Accepted 08.12.2025.

Научная статья

Research article

УДК 316.334.56

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.53-60>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Социальные проблемы и перспективы развития
городов-спутников в Казанской агломерации:
взгляд жителей и экспертов**

Хамитов Д.Д.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д.18 корп.1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследуются ключевые социальные проблемы и перспективы развития городов-спутников в составе Казанской городской агломерации. Акцент сделан на выявлении повседневных проблем, с которыми сталкиваются жители малых городов, и институциональных барьеров, обозначенных экспертами. Цель исследования – определить ключевые вызовы и возможности интеграции городов-спутников в агломерационную структуру на основе сопоставления мнений населения и экспертного сообщества. Материалы и методы: анализ научной литературы, полуформализованные интервью с жителями трёх городов-спутников Казани и интервью с профильными экспертами. По результатам исследования установлены различия в восприятии приоритетов между жителями и экспертами: население акцентирует внимание на повседневных бытовых проблемах, в то время как эксперты ориентированы на стратегическое, инфраструктурное и институциональное развитие. Сделан вывод о необходимости усиления взаимодействия между центром агломерации и периферийными территориями, по итогам опроса экспертов определен ряд предложений и точек роста.

Ключевые слова: агломерация, города-спутники, Казань, социальная инфраструктура, городское развитие, социальные проблемы

Для цитирования: Хамитов Д.Д. Социальные проблемы и перспективы развития городов-спутников в Казанской агломерации: взгляд жителей и экспертов. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (4(71)):53–60.

**Social Problems and Development Prospects
for Satellite Towns in the Kazan Metropolitan Area:
Residents' and Experts' Perspectives**

Khamitov D.D.

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. This article examines the key social problems and development prospects of satellite towns within the Kazan metropolitan area. The focus is on identifying the everyday problems faced by residents of small towns and

the institutional barriers identified by experts. The objective of the study is to identify the key challenges and opportunities for integrating satellite towns into the agglomeration structure by comparing the views of the public and the expert community. Materials and methods: analysis of scientific literature, semi-structured interviews with residents of three Kazan satellite towns, and interviews with industry experts. The study revealed differences in the perception of priorities between residents and experts: residents focus on everyday problems, while experts are focused on strategic, infrastructural, and institutional development. A conclusion was reached regarding the need to strengthen interaction between the agglomeration center and peripheral territories. A number of proposals and growth areas were identified based on the expert survey.

Keywords: agglomeration, satellite towns, Kazan, social infrastructure, urban development, social issues

For citation: Khamitov D.D. Social Problems and Development Prospects for Satellite Towns in the Kazan Metropolitan Area: Residents' and Experts' Perspectives. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025; (4(71)):53–60 (In Russ.)

Введение

В последние годы социология города переживает новый этап методологического и эмпирического обновления. Современные публикации подчеркивают, что город – объект для междисциплинарного анализа и пространство, где формируются уникальные социальные сети, новые идентичности и модели поведения, что особенно ярко проявляется на стыке центров агломерации, городов-спутников и периферийных территорий [1].

Урбанистические процессы в России и за рубежом характеризуются ускоренным развитием городских агломераций, в которых ядро и периферия тесно взаимосвязаны, что актуализирует социологический интерес к трансформации социальной структуры, мобильности населения, городскому образу жизни и механизмам участия в управлении территорией [2]. Города-спутники при этом выполняют не только разгрузочную функцию, но и становятся самостоятельными центрами экономической, социальной и культурной активности.

Казанская агломерация – один из примеров, где взаимодействие столицы региона и близлежащих насе-

лённых пунктов создает уникальную пространственно-социальную конфигурацию, в которой, с точки зрения социологии города, формируются новые типы социальной организации, локальной идентичности и культурной дифференциации.

Термин «агломерация» происходит от латинского «agglomerare», которое переводится как «присоединять». В настоящее время существует огромное множество определений понятия «городская агломерация». Одним из наиболее точных определений является: «городская агломерация – пространственная группировка населенных пунктов, главным образом городских, которые объединены между собой связями (трудовыми, производственными, культурно-бытовыми и иными), являющимися устойчивыми и осуществляемыми на взаимовыгодной основе, объединенными в многокомпонентную развивающуюся систему [3].

Изучение роли городов-спутников в развитии крупных городов и агломераций становится неотъемлемой частью современной социологической, экономической, политической повестки. Анализ российского и зарубежного опыта свидетельствует, что

города-спутники могут быть классифицированы по функциональному признаку:

- города-спальники и города с собственными рабочими местами и производствами (города-производители), тяготеющие к основному городу лишь культурно-бытовыми связями;
- города-производители, которые делятся на города добывающей и обрабатывающей промышленности;
- университетские и научно-исследовательские города;
- города оптовой и розничной торговли; центры отдыха и развлечений и т.д. [4].

Значение города-спутника заключается и в том, что в него могут быть переведены некоторые предприятия из основного города и, кроме того, там могут быть размещены новые предприятия, обслуживающие основной город, а попутно и сам город-спутник. Также города-спутники могут выступать экспериментальной площадкой для тестирования «умных» технологий. Например, в Иннополисе отрабатывается возможность использования беспилотного такси и дронов для доставки мелких грузов.

По итогам обзора научных публикаций по формированию и развитию городских агломераций можно выделить следующие тренды:

- агломерация стирает четкие грани между городом-центром, городами-спутниками и периферийными территориями – происходит размывание традиционных границ и формирование нового социального пространства [5];
- изменяется локальная идентичность жителей, возникает необходимость переосмысливания принадлежности и социальной интеграции в более широком пространстве агломерации;
- происходит интенсивный обмен ресурсами разного характера (трудовыми, образовательными и пр.) между центром агломерации и городами-спутниками [3];

– органы власти субъектов РФ активно инициируют институциональные процессы по формированию статуса городских агломераций как перспективных точек роста (если в период 2005-2010 гг. было зарегистрировано 271 нормативных актов в области регулирования агломерационных процессов, то в 2024 г. их число достигло 9514 действующих актов). Нормативная база в области регулирования городских агломераций представлена федеральными и региональными стратегиями, региональными государственными программами, схемами территориального планирования и т.д. [6, 7, 8].

Вместе с тем, практический уровень анализа городов-спутников в рамках конкретных агломераций (таких как Казанская) остается недостаточно исследованным. Исходя из этого, целью статьи является анализ социальных проблем и перспектив развития городов-спутников Казанской городской агломерации для определения проблем и точек роста.

Методы исследования

В данном исследовании использовался комплекс качественных методов: анализ научной литературы, глубинные интервью с экспертами (3 интервью) и полуформализованные интервью с жителями (20 информантов из г. Лаишево, г. Зеленодольска и г. Иннополис).

Отбор экспертов осуществлялся на основе их профессиональной компетенции и непосредственного участия в процессах управления городским развитием в регионе. В исследовании приняли участие представители республиканских институтов развития, ответственных за городскую и пространственную политику, а также руководитель администрации одного из крупнейших городов-спутников.

Выбор информантов среди жителей был обусловлен необходимостью получить срез мнений из городов-спут-

ников с различной специализацией: Иннополис (инновационный ИТ-город), Зеленодольск (крупный промышленный центр) и Лаишево (исторический город с рекреационным потенциалом). Всего в исследовании приняли участие 20 человек. Из них 11 информантов – мужчины и женщины в возрасте 30–41 года с высшим образованием; 9 информантов – мужчины и женщины в возрасте 23–30 лет с высшим и средним профессиональным образованием.

Результаты исследования

Социологическое исследование выявило особенности социального восприятия текущих проблем и потенциалов развития городов-спутников. Анализ мнений трех экспертов и жителей структурирован по тематическим блокам для сопоставления их позиций. В ходе полуформализованных интервью жители всех трех городов (Иннополиса, Лаишево, Зеленодольска) выделили схожие преимущества проживания в малых городах, а также общие проблемные зоны. Основными точками притяжения, по мнению информантов, являются:

– Качество жизни, которое выражается в «более разумеренной и спокойной жизни, безопасной среде в части меньшего количества трафика на дорогах, близости к природе».

– Доступность жилья, поскольку «стоимость недвижимости значительно ниже, чем в Казани».

– Социальные связи, формирующие «компактное комьюнити, где жители тесно взаимодействуют друг с другом».

– Близость власти, проявляющаяся в «достаточной близости администрации в части решения городских вопросов, проблем и коммуникации с жителями».

Вместе с тем, информанты обозначили ряд общих проблем, свидетельствующих о недостаточной развитости социальной инфраструктуры. К ним относятся:

1. Дефицит детских развивающих и досуговых учреждений, названный одной из самых острых проблем («не хватает детских развивающих секций»).

2. Проблемы в сфере здравоохранения, связанные с «отсутствием или нехваткой квалифицированных специалистов».

3. Недостаток культурной жизни («минимальная культурная активность, недостаточное количество творческих мероприятий»).

4. Ограниченные возможности для отдыха и досуга молодежи («мало возможностей для интересного отдыха»).

Наряду с общими чертами выявлены и специфические особенности каждого города. Иннополис характеризуется жителями как город с современной застройкой, высоким уровнем внедрения ИТ в городские сервисы и сильным комьюнити молодых специалистов. Лаишево ценится за историческое наследие и природное окружение (р. Кама, набережная). Однако здесь остро стоят проблемы нехватки рабочих мест и оттока молодежи. Зеленодольск, будучи промышленным центром, предлагает больше рабочих мест, но жители указывают на проблемы с городской средой («не хватает тротуаров, безопасного ночного освещения») и транспортной доступностью до Казани в вечернее время. Кроме того, в Зеленодольске отмечается проблема маятниковой миграции, которая негативно сказывается на качестве жизни.

Таким образом, основной запрос жителей направлен на повышение качества повседневной жизни через развитие социальной, культурной и досуговой инфраструктуры. Ощущение «спального района» без полноценной городской среды является одной из ключевых проблем, снижающих привлекательность городов-спутников.

В отличие от жителей эксперты сосредоточены на более масштабных институциональных и стратегических вопросах развития агломерации. Их

мнения сгруппированы по следующим направлениям.

1. Институциональное и правовое регулирование. Эксперты единодушно отмечают наличие правовых и административных барьеров, мешающих целостному развитию агломерации. Одна из основных проблем – отсутствие единых правил и стандартов для периферии, так как «люди заселяются без школ и детсадов – сначала жильё, потом сервис. Это следствие упрощённых правил за периметром Казани» (Эксперт 2).

Также указывается на территориальные барьеры в доступе к социальной инфраструктуре: «Чтобы ученику поступить в казанскую школу, ему необходимо иметь казанскую прописку, аналогично по детским лагерям» (Эксперт 3).

Положительно оценивается создание централизованных институтов развития (Институт пространственного развития, Институт развития городов), которые помогают координировать деятельность муниципалитетов и вырабатывать единую стратегию.

2. Стратегическое планирование и специализация городов. Подчеркивается, что универсальных решений для всех городов-спутников не существует. Необходим дифференцированный подход, основанный на долгосрочном планировании, так как «каждый город развивается по своей логике – нет ни одного модельного спутника» (Эксперт 2).

Для этого предлагается переходить от краткосрочного к долгосрочному планированию и использовать современные технологии для анализа данных: «Надо задумываться о планах на 200 лет вперед с системой долгосрочного планирования и формирования бюджетов под будущее развитие» (Эксперт 2); «Нам необходимо понимать, как перемещаются люди, в какие активности они вовлечены, знать зоны повышенного напряжения и т.п. ... было бы эффективно использовать данные сотовых операторо-

ров, социальных сетей и других источников больших данных» (Эксперт 3).

3. Экономическое развитие и создание рабочих мест. Одной из главных задач является преодоление статуса «спального района» через создание локальных точек экономического роста. Основная проблема – фискальный перекос, когда жители работают и платят налоги в Казани, а социальной инфраструктуры требуют по месту жительства: «Работают и тратят деньги в Казани, а возвращаются к нам и говорят о необходимости дополнительного освещения и тротуаров» (Эксперт 3).

В качестве решений предлагается:

– Создание точек притяжения и рабочих мест на периферии. Например, размещение филиалов крупных предприятий или создание новых объектов, интересных для всей агломерации: «Такие проекты необходимо “сажать” между центром агломерации и городом-спутником, это будет эффективной интеграцией» (Эксперт 1).

– Развитие дорогой жилой застройки: «Необходимо развивать дорогую жилую застройку, которая бы за собой привлекла дорогого покупателя. Такой житель способен сформулировать запрос на сервисы и оплачивать эти сервисы» (Эксперт 1).

– Привлечение инвестиций через федеральные программы и государственно-частное партнерство (ГЧП): «...надо учиться зарабатывать самим деньги и эффективно их использовать. Также необходимо развивать формы государственно-частного партнерства» (Эксперт 3).

4. Социальное программирование и развитие человеческого капитала. Особо отмечается, что развитие инфраструктуры должно сопровождаться «мягкими» программами, направленными на работу с населением и формирование локальной идентичности. «...необходимо формировать самоопределение городов через экономические и философские стороны,

надо развивать „мягкие“ программы, которые работают с психикой человека (запускать специальные механизмы социального программирования). В эту работу должны привлекаться социологи» (Эксперт 2).

Важным выводом исследования становится наличие расхождений между восприятием проблем жителями и экспертами. Если население сфокусировано на повседневных социальных вопросах (детские секции, врачи, досуг), то эксперты – на институциональных механизмах, стратегиях и макроэкономических факторах. Для наглядности расхождение между восприятием проблем жителями и экспертами представлено в Таблице 1.

Как видно из Таблицы 1, разрыв свидетельствует о недостаточной коммуникации между органами власти и населением. Стратегические планы и институциональные реформы, предлагаемые экспертами, не всегда понятны жителям, чьи запросы лежат в плоскости конкретных, осозаемых улучшений качества жизни.

Заключение

Проведенное исследование выявило социальные проблемы и точки роста городов-спутников Казанской агломерации. Установлено существенное расхождение в социальном восприятии приоритетов развития между жителями и экспертным сообществом. Население концентрирует внимание на дефиците социальной инфраструктуры и проблемах повседневной жизни, что формирует запрос на быстрые и конкретные улучшения. Эксперты, в свою очередь, акцентируют внимание на необходимости долгосрочных институциональных и стратегических преобразований по устраниению правовых барьеров, создании единой системы планирования и стимулировании экономической самостоятельности периферийных территорий.

Данная ситуация свидетельствует о том, что для устойчивого развития агломерации недостаточно только макроуровневых решений. Необходимо выстраивать эффективный диалог

Таблица 1

**Основные проблемы развития городов-спутников
в восприятии жителей и экспертов**

Фокус-группа	Проблемы	Приоритетные решения
Жители	<ul style="list-style-type: none"> – Нехватка социальной инфраструктуры (детские секции, здравоохранение). – Дефицит культурных и досуговых объектов. – Ограниченные возможности для молодежи. – Проблемы с благоустройством и транспортом. 	<ul style="list-style-type: none"> – Строительство и оснащение школ, поликлиник, домов культуры. – Создание общественных пространств. – Улучшение транспортной доступности.
Эксперты	<ul style="list-style-type: none"> – Институциональные и правовые барьеры между муниципалитетами. – Отсутствие долгосрочного планирования. – Фискальный дисбаланс (налоги в центре, запросы на периферии). – Слабая экономическая база, нехватка локальных рабочих мест. 	<ul style="list-style-type: none"> – Создание единой нормативной базы агломерации. – Внедрение долгосрочного стратегического планирования на основе больших данных. – Стимулирование создания рабочих мест и точек притяжения в городах-спутниках. – Развитие «мягких» программ по работе с населением.

с населением, чтобы стратегические цели были понятны и отвечали реальным запросам людей. Управленческим структурам следует доступно разъяснить политику своих действий, чтобы избежать социальной напряженности и обеспечить вовлеченность граждан в процессы развития.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку моделей участия граждан в городском пла-

нировании. Как справедливо отметил один из экспертов, привлечение социологов для формирования повестки и развития человеческого капитала является необходимым условием успеха, чтобы повысить качество управленческих решений, а также сформировать новые формы городской идентичности, опирающиеся на реальные запросы населения и локальные особенности каждого города-спутника.

Список литературы / References

1. Подсвирова Л.В. Специфика урбанистических процессов в регионе КМВ в аспекте его развития и продвижения в современных условиях. Развитие финансового рынка и предпринимательских структур в современных условиях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Волгоград, 01 декабря 2023 года. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024: 84–85.
- Podsvirova L.V. Specifics of Urban Processes in the KMV Region in the Aspect of Its Development and Promotion in Modern Conditions. Development of the Financial Market and Entrepreneurial Structures in Modern Conditions: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Volgograd, December 01, 2023. Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», 2024: 84–85. (In Russ.)
2. Ефимова Е.А. Региональные аспекты урбанизации в России. *Региональная экономика: теория и практика*. 2014; (43):2–12.
- Efimova E.A. Regional Aspects of Urbanization in Russia. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2014; (43):2–12. (In Russ.)
3. Данилова О.В. Этапы развития агломераций и преимущества агломерационного устройства территории населенных пунктов. *Молодой ученый*. 2022; (11):102–105.
- Danilova O.V. Stages of Agglomeration Development and the Advantages of the Agglomeration Arrangement of the Territory of Settlements. *Young Scientist*. 2022; (11):102–105. (In Russ.)
4. Булко О.С. Зарубежный опыт формирования городов-спутников. *Актуальные вопросы экономики строительства и городского хозяйства*. Минск, Беларусь: Институт экономики НАН, 2013:36–42.
- Bulko O.S. Foreign Experience in the Formation of Satellite Cities. *Actual Issues of Construction Economics and Urban Economy*. Minsk, Belarus: Institute of Economics of the NAS, 2013:36–42. (In Russ.)
5. Алексеева Е.Н. Социологический анализ современных тенденций развития городских агломераций. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2013; (4):135–150.
- Alekseeva E.N. Sociological Analysis of Modern Trends in the Development of Urban Agglomerations. *Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2013; (4):135–150. (In Russ.)
6. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан «Об утверждении Комплексной схемы социально-экономического и пространственного развития Казанской агломерации» от 12.04.2025 г. № 224. URL: https://pravo.tatarstan.ru/npa_kabmin/post/?npa_id=1611724.
- Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan «On Approval of the Comprehensive Scheme for Socio-Economic and Spatial Development of the Kazan Agglomeration» dated 12.04.2025 No. 224. URL: https://pravo.tatarstan.ru/npa_kabmin/post/?npa_id=1611724. (In Russ.)
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 г.

№ 4146-р. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/>.

Order of the Government of the Russian Federation dated 28.12.2024 No. 4146-р. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/>. (In Russ.)

8. Соболев С.А. Инструментарий комплексной оценки масштаба социально-экономического развития го-

родских агломераций. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2024; (103):177–195.

Sobolev S.A. Toolkit for Comprehensive Assessment of the Scale of Socio-Economic Development of Urban Agglomerations. *Public Administration. Electronic Bulletin*. 2024; (103):177–195. (In Russ.)

Информация об авторе

Хамитов Данил Динарович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии, e-mail: danil.project2@gmail.com.

Author Information

Khamitov Danil Dinarovich, postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology, e-mail: danil.project2@gmail.com.

Поступила в редакцию 06.08.2025; принята к публикации 07.11.2025.
Received 06.08.2025; Accepted 07.11.2025.

УДК 291.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.61-68>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Исторический Иисус и законы кашрута: проблемы интерпретации перикопы Мк. 7:14–19

Данилов А.С.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д. 18 корп. 1, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме интерпретации евангельского текста из перикопы Мк. 7:14–19. Резкость речения подталкивала одних исследователей видеть в ней оправдание антисемитизма и разрыва «исторического Иисуса» с иудаизмом, других – пытаться реконструировать контекст, где оно звучало бы мягче. Мы кратко рассмотрели, как библеисты интерпретировали эти речения в рамках поиска «исторического Иисуса». Мы также критически проанализировали современные арамейские теории Мориса Кейси и Томаса Казена.

Ключевые слова: исторический Иисус, иудаизм, библеистика, кашрут

Для цитирования: Данилов А.С. Исторический Иисус и законы кашрута: проблемы интерпретации перикопы Мк. 7:14–19. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (4(71)):61–68.

The Historical Jesus and the Laws of Kashrut: Problems of Interpreting the Pericope of Mk. 7:14–19

Danilov A.S.

Kazan Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences
and Mass Communications, 420008, Kazan, Russia

Abstract. This article deals with the problem of interpreting the Gospel text from the pericope of Mark 7:14–19. The harshness of the discourse has prompted some scholars to see in it a justification for anti-Semitism and the break of the ‘historical Jesus’ with Judaism, while others have tried to reconstruct a context where it would have sounded softer. We have looked briefly at how biblical scholars have interpreted these speeches as part of the search for the ‘historical Jesus’. We also conducted a critical analysis of the contemporary Aramaic theories of Maurice Casey and Thomas Karen.

Keywords: historical Jesus, Judaism, biblical studies, kashrut

For citation: Danilov S.A. The Historical Jesus and the Laws of Kashrut: Problems of Interpreting the Pericope of Mk. 7:14–19. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025; (4(71)):61–68. (In Russ.)

Проблема перикопы Мк.7:14-19

Пищевые законы иудаизма (кашрут) занимали центральное место в жизни еврейского народа во все времена. Эти религиозные предписания выступали ярким символом этнической, религиозной и культурной идентичности. Соблюдение законов о чистоте пищи означало верность Завету между еврейским народом и Богом Израиля (Лев. 11:44–45). В текстах Нового Завета мы находим следы конфликта внутри христианства относительно соблюдения религиозного законодательства иудаизма вообще и законов кашрута в частности. Этот же вопрос был одной из причин радикального расхождения молодого мессианского движения и раввинистического иудаизма после уничтожения Иерусалимского Храма. В связи с этим вопрос об отношении Иисуса к пищевым законам и их значению для первых христианских общин является важным для понимания, как «исторический Иисус» и первые христиане видели своё место в иудаизме и богословски его объясняли.

Одной из перикоп, напрямую связанных с вопросом, отменяя ли «исторический Иисус» кашрут, является Мк.7:14-19. Ниже мы приведем реконструкцию греческого оригинала из 28-го издания Нестле-Аланда критического текста Нового Завета и дадим Синодальный перевод на русский язык:

Καὶ προσκαλεσάμενος πάλιν τὸν ὄχλον ἔλεγεν αὐτοῖς· ἀκούσατέ μου πάντες καὶ σύνετε.

οὐδέν ἐστιν ἔξωθεν τοῦ ἀνθρώπου εἰσπορευόμενον εἰς αὐτὸν ὃ δύναται κοινῶσαι αὐτὸν, ἀλλὰ τὰ ἐκ τοῦ ἀνθρώπου ἐκπορευόμενά ἐστιν τὰ κοινοῦντα τὸν ἀνθρώπον.

Καὶ ὅτε εἰσῆλθεν εἰς οἶκον ἀπὸ τοῦ ὄχλου, ἐπηρώτων αὐτὸν οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ τὴν παραβολήν.

καὶ λέγει αὐτοῖς· οὕτως καὶ ὑμεῖς ἀσύνετοί ἐστε; οὐ νοεῖτε ὅτι πᾶν τὸ ἔξωθεν εἰσπορευόμενον εἰς τὸν ἄνθρωπον οὐ δύναται αὐτὸν κοινῶσαι

ὅτι οὐκ εἰσπορεύεται αὐτοῦ εἰς τὴν καρδίαν ἀλλ’ εἰς τὴν κοιλίαν, καὶ εἰς τὸν ἀφεδρῶνα ἐκπορεύεται, καθαρίζων πάντα τὰ βρώματα

И, призвав весь народ, говорил им: слушайте Меня все и разумейте:

ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека.

И когда Он от народа вошел в дом, ученики Его спросили Его о притче.

Он сказал им: неужели и вы так непонятливы? Неужели не разумеете, что ничего, извне входящее в человека, не может осквернить его?

Потому что не в сердце его входит, а в чрево, и выходит вон, чем очищается всякая пища.

Понимание этой перикопы представляет проблему. Очевидным кажется, что в перикопе идет речь об отмене кашрута. Однако так как «исторический Иисус» был иудеем, то Он наверняка говорил на языке смыслов иудаизма второго Храма. Этой точки зрения на сегодняшний день придерживается большая часть библеистов, и ее можно назвать академическим консенсусом. Маловероятно, что Он подорвал бы самые основы ритуальной жизни, отменив пищевые запреты. Также мы не встречаем в текстах Евангелий частые обвинения Иисуса в отмене кашрута и тем более не видим этого в сценах описания суда над Иисусом.

Кроме того, из перикопы о видении Петра нечистых животных из Деян. 10:9–16 мы видим, что для апостола употребление в пищу нечистых животных было неприемлемо. Он сообщает, что «никогда не ел ничего скверного или нечистого» (Деян.10:14). Это было бы невозможно, если бы Иисус напрямую отменил кашрут. В нашей статье мы проанализируем историю развития взглядов исследователей на проблему отношений «исторического Иисуса» к Закону Моисея и современную теорию Мориса Кейси.

Интерпретация Мк. 7:14–19 от Реймаруса до середины XX века

Интерпретация рассматриваемой нами перикопы в библеистике в пе-

риод до второй половины XX века претерпела значительные изменения. Первоначально она шла в русле противопоставления фигуры «исторического Иисуса» и иудаизма эпохи второго Храма, из чего вытекала и идея, что Иисус отвергал какие бы то ни было ритуальные законы.

Эрнест Жозеф Ренан (1823-1892 гг.) видел в фигуре «исторического Иисуса» религиозного реформатора [1, с. 19, 46, 91, 92], в котором было очень мало еврейского [1, с. 136, 139], ставившего духовную чистоту выше религиозных ритуалов и правил, что в свою очередь, приводило Его к конфликту с фарисеями.

В первой половине XX века понимание отношений между «историческим Иисусом» и религиозным законодательством иудаизма эпохи второго Храма оставалось в том же русле. Альберт Швейцер (1875-1965 гг.) выдвигал теорию, согласно которой «исторический Иисус» был эсхатологическим пророком, ожидавшим наступления Царства Небесного уже при жизни Его поколения. Данное радикальное эсхатологическое послание делало ритуальное законодательство (включая законы кашрута) несущественным [2, с. 75-76].

Идея, что «исторический Иисус» противопоставлял ритуальное законодательство и внутреннюю чистоту, находит отражение и в трудах Рудольфа Бультмана (1884-1976 гг.). Автор признает, что данный в Евангелиях образ «исторического Иисуса», Его этика и учение ближе к образу раввина [3, с. 281-286]. Однако комментируя Мк. 7:15, Р. Бультман следует прежней парадигме противопоставления. «Исторический Иисус», по его мнению, признавая необходимость Писания, отмечал формальный авторитет и отбрасывал законодательство о ритуальной чистоте (включая деление на чистую и нечистую пищу), оставляя вопрос выбора на волю человека [3, с. 302].

«Исторический Иисус» подчёркивал духовное измерение закона Моисеева и переосмыслил саму идею послушания Богу. Бультман интерпретирует перикопу как проявление радикальной этики Иисуса, в которой ритуальная чистота отходит на второй план перед чистотой сердца. При этом Бультман признает возможность редакторской переработки текста на этапе сложения Евангелия от Марка.

Поворот в интерпретации Мк. 7: 14-19 происходит после Второй Мировой войны. Холокост подтолкнул ученых к пересмотру христианского отношения к иудаизму, а находка Кумранских рукописей существенно обогатила наше представление о пёстром и разнообразном религиозном мире иудаизма эпохи Второго храма.

После середины XX столетия отношение к теме «Иисус и пищевые законы» начало меняться. Такие ученые, как Эд Переиш Сандерс и Геза Вермеш, стали рассматривать «исторического Иисуса» не как оппозиционера, отвергавшего деление пищи на кошерную и не кошерную, но, скорее, как харизматического пророка, действовавшего в рамках современного ему иудаизма [6, с. 41-55], что делает интерпретацию Мк. 7:14-19 через призму конфликта фигуры «исторического Иисуса» с современным Ему иудаизмом несостоятельной. В отличие от исследователей предшествовавших поколений, Г. Вермеш и Э. Сандерс сомневались в аутентичности Мк. 7:14-19, считая его более поздней вставкой Церкви, возникшей в результате её конфликта с раввинистическим иудаизмом [4, с. 55]. Профессор Вермеш считал, что христианские общины искали обоснование тому, что они отходят от Закона Моисея, что привело к искажению изначального речения Иисуса [4, с. 302; 5 с. 42]. Одной из основ данного направления мысли стало использование раввинистической литературы.

От интерпретации рассматриваемой перикопы через конфликт мы пришли к её интерпретации через усложняющийся контекст. Если Сандерс и Вермеш сомневались в аутентичности перикопы из-за несоответствия реконструированному ими контексту, то дальнейшие исследования подходят к этому более гибко, уточняя сам контекст, так что речение перестает казаться столь конфликтным. Такие ученые, как Дэвид Флуссер (1917–2000 гг.) в работе «The Sage from Galilee: Rediscovering Jesus' Genius» и Джон Мейер (1942–2022 гг.) в работе «Marginal Jew: Rethinking the Historical Jesus» не отрицают аутентичность споров «исторического Иисуса» с фарисеями касательно кашрута и чистоты, но скорее рассматривают их как религиозные дискуссии внутри иудаизма I века.

Современная интерпретация Мк. 7:14–19 Морисом Кейси

Современные библеисты пытаются решить проблему перикопы Мк. 7:14–19 путем лингвистического анализа текста. Исследователи исходят из неизбежного изменения при передаче речения из одной языковой и культурной среды в другую. Аксиомой для обоих направлений является то, что родным языком «исторического Иисуса» была галилейская разновидность арамейского языка. Первоначально речения Он произносил на нём, но в Евангелиях они записаны на разговорном греческом языке. Среди исследователей текстов Нового Завета можно выделить два направления относительно аутентичности перикопы Мк. 7:14–19 и Мф. 15:10–20 и их первоначального смысла.

Ряд исследователей выдвигают теорию, согласно которой речение Мк. 7:15, сказанное по-арамейски, при переводе на греческий обрело более резкий оттенок [9].

Одна из последних теорий, сочетающих исследование кумранских рукописей, арамейской теории и раввинистической литературы принадлежит Морису Кейси (1942–2014). Кейси получил широкое признание за исследования, посвященные ранним христианским текстам в их иудейском контексте. Морис Кейси подходил к исследованию Нового Завета, подчёркивая влияние еврейской культуры и арамейского языка, которые, по его мнению, крайне важны для правильного понимания «исторического Иисуса» и новозаветных текстов. Одни из самых известных его работ – это «Aramaic Sources of Mark's Gospel» (1998) и «Jesus of Nazareth. An Independent Historian's Account of His Life and Teaching» (2010). Кейси утверждает, что оригинальные высказывания Иисуса сначала существовали на арамейском, но были переведены на греческий с ошибками и потерей первоначального смысла.

Каждущиеся языковые особенности Евангелий, согласно теории Мориса Кейси, связаны не с вариативностью устной традиции, как это предполагает Данн [8, с. 27, 192–253], а с арамейскими источниками, лежащими в их основе. Он считает, что передача историй об Иисусе была не столь «гибкой», как это описывает Данн, поскольку серьёзная часть материала уже фиксировалась через письменные записи вскоре после событий. Кейси обращает внимание на то, что исключительно устный характер передачи речений Иисуса привел бы к тому, что некоторые детали и точности, сохраненные в Евангелии от Марка, были бы утрачены.

Интерпретируя Мк. 7:15, Морис Кейси сочетает арамейскую теорию, расширенный контекст, позволяющий утверждать об аутентичности речения, а также критическое использование раввинистической литературы. Ссылаясь на Вавилонский Талмуд, Кейси указывает, что традиция мыть руки перед приёмом пищи возникла как устрожа-

ющее ограничение, потому что руки могли быть ритуально нечисты.

Он утверждает, что Иисус придерживался мнения, допустимого в рамках иудаизма второго Храма: поскольку представление, что кошерная пища посредством нечистых (с ритуальной точки зрения) рук оскверняет человека было не библейским, а «преданием старцев», то оснований для обязательного омовения рук перед едой не было. Спор не имел никакого отношения к категориям разрешённой и запрещённой пищи согласно письменному закону. Иисус и его оппоненты спорили не об этом.

То есть, согласно Морису Кейси, Иисус не отменял законы кашрута и не объявлял всю пищу чистой, но сказал, что неумытые руки не оскверняют пищу и самого человека. Он считает, что на это указывает и интерпретация речения, сохранившаяся у Матфея 15:15–20.

Кейси усматривает в Мк. 7:15–20 следы арамейского оригинала и считает, что «человек» здесь относится к соблюдающим иудеям, что якобы подтверждается параллелями с языком Кумрана и Талмуда (напр., CD X, 17–18: «В субботу да не говорит человек пустого слова»).

Таким образом, Морис Кейси вольно переводит Мк. 7:15 так:

«Нет ничего вне **соблюдающего иудея**, что, входя в него, осквернит его; но исходящее из него оскверняет его» [13, с. 331]

В последующем комментарии он уточняет, что ответ был адресован именно книжникам и фарисеям.

Современная интерпретация Мк. 7:14–19 Томасом Казеном

Другую гипотезу арамейского оригинала выдвигает библеист Томас Казен в своей работе «Jesus and Purity Halakhah». Во многом соглашаясь с Морисом Кейси, он видит за резкостью греческих текстов искажение, возник-

шее вследствие неверного перевода с арамейского на греческий.

Согласно его гипотезе, конструкция *οὐ ... ἀλλὰ* может рассматриваться как отражение семитского диалектического отрицания, означающего «не столько... сколько» или «скорее», т.е. само речение изначально было не столь радикальным и звучало иначе: «Человек оскверняется не столько тем, что *входит в него извне*, сколько тем, что *исходит изнутри*» [9, с. 79]. Эта семитская идиома выражает относительное противопоставление, смысл которого: «не столько А, сколько В». Таким образом, согласно выдвигаемой Казеном гипотезе, речение Иисуса не отменяло полностью концепцию ритуальной нечистоты от внешних источников, но критически принижая ее значение, утверждало больший приоритет внутренней моральной нечистоты [9, с. 261]. Это объясняет Его «кажущееся безразличие» (термин Томаса Казена) к теме ритуальной чистоты в Евангелиях [9, с. 7].

Анализ теорий Мориса Кейси и Томаса Казена

Согласно теории Мориса Кейси, обе перикопы – и от Марка, и от Матфея – сообщают, что речение сказано в контексте спора с фарисеями о потреблении пищи без ритуального омовения. Адресатами ответа оба Евангелия показывают именно учеников. М. Кейси усматривает в ἄνθρωπος Мк. 7:15–23 религиозный юридический термин, который якобы схож с кумранским ии «муж» и талмудическим *коль-адам* «всякий человек» и относится лишь к соблюдающим иудеям [13, с. 330–331]. На наш взгляд, это неверное предположение. Основными последователями «исторического Иисуса» была разношерстная толпа: простолюдины (*ам га-арец*), бедняки, простецы и невежды в законе, либо грешники – т.е. люди, ведущие жизнь, противоречащую за-

кону Моисееву: пьяницы, блудницы, предатели Израиля и т. д. Евангельские притчи чаще используют символику, близкую крестьянину или рыбаку, но не образованному философу или мудрецу. Ученики «исторического Иисуса» не попадают под категорию «соблюдающего иудея». Наоборот, раввинистическая литература говорит о невозможности полноценного общения «человека, заслуживающего доверия» (*нееман*), и простолюдинов:

Демай 2:2-3: Тот, кто желает стать заслуживающим доверия, отделяет десятины от того, что ест, от того, что продаёт, от того, что приобретает, и не ходит в гости к простолюдину. Рабби Иегуда говорит: тот, кто ходит в гости к простолюдину, тоже заслуживает доверия. Сказали ему: он даже относительно себя не заслуживает доверия, как же другие могут ему доверять?

Тот, кто принял [решение] стать товарищем [т. е. ревнителем законов о чистоте – А. Д.] не продаёт простолюдину влажное и сухое, и не приобретает у него влажное, и не гостит у простолюдина, и не принимает его в его одеяниях.

Хагига 2:7: Одежда простого человека — «скверна основы» для отделившегося [т. е. фарисея – А. Д.].

Контекст перикоп Мк. 7:14–19 и Мф. 15:12–20 – это конфликт «исторического Иисуса» и фарисеев. Если мы считаем, что за речениями стоит устная традиция, передаваемая из одной общины в другую, и через это приобретавшая различия, то стоит признать: в обоих случаях сохранилась память о том, что эти слова сказаны именно в рамках конфликта и их адресатом были не «соблюдающие иудеи», а именно ученики «исторического Иисуса». Только в этом случае обе перикопы выглядят логичными.

Также следует отметить, что редакторский комментарий Марка «чем очищается всякая пища» (Мк.7:19) отсутствует у Матфея. Из этого можно сделать предположение, что он изначально не означал отмену кашрута.

Более мягкая версия Матфея (особенно если считать его более поздним по отношению к Марку) не сохраняет комментарий в том виде, в котором он мог быть понят радикально, но даже сглаживает и поясняет, что «есть неумытыми руками – не оскверняет человека» (Мф.15:20). Это логически подтверждает мысль Иисуса, т. к. изначально спор шел именно о поведении Его учеников и именно об их осквернении через употребление кошерной пищи неумытыми руками.

Попытка Мориса Кейси и Томаса Казена объяснить резкость Мк. 7:15, 19 через неверно переведенный арамейский оригинал выглядит неубедительно, т.к. не учитывает, насколько предлагаемая им реконструкция вписывается в контекст перикопы и соответствует общему резкому полемическому стилю «исторического Иисуса».

Теории Мориса Кейси и Томаса Казена не учитывают фактор многоязычия Палестины I века и возможную «арамеизацию» речения, сказанного по-гречески. В Палестине времен проповеди Иисуса греческий был достаточно распространенным, т.к. это был язык торговли, культуры и науки по причине постепенной эллинизации, проходившей со времени завоеваний Александра Македонского и продолжающейся при римской оккупации. Мы не можем достоверно сказать, было ли речение изначально сказано на арамейском и потом при переводе на греческий получило искаженную или более резкую форму, или же речение изначально было сказано на греческом и только в последствии стало арамеизированным.

Заключение

Интерпретация библеистами перикопы Мк. 7:14–19 проделала длинный путь: от образа «антииудея» и революционера-реформатора, через отрицание подлинности перикоп до идеи

сложного богословского конфликта внутри самого иудаизма первого века. Современные теории все чаще обращаются к лингвистическому анализу текста, обращая внимание на важность не только социокультурного контекста, в котором были сказаны речения, но и возможные смысловые искажения при переводе устных речений с арамейского языка на греческий. Эти исследования, на наш взгляд, имеют исключительное значение для библеистики. Однако, как мы уже показали в данном исследовании, они не лишены недостатков, т.к. по нашему мнению, их

доказательства бывают неубедительны. Теории Мориса Кейси и Томаса Кацена, построенные на реконструкции арамейского оригинала, не учитывают фактор двуязычия Палестины, сам контекст перикопы, а также не соответствуют стилю «исторического Иисуса». По нашему мнению, проблема перикопы Мк. 7:14–19 может быть решена, если ее рассматривать в контексте галахического спора «исторического Иисуса» и фарисеев не о кошерности пищи, а о возможности осквернения человека через употребление пищи без ритуального омовения рук.

Список литературы / References

1. Реннан Ж. Э. Жизнь Иисуса. М.: Амрита-Русь, 2004. 224 с.
Renan E. Vie de Jésus. Moscow: Amrita-Rus, 2004. 224 p. (In Russ.)
2. Андреев А.В. Поиск исторического Иисуса. От Реймаруса до наших дней. М.: НЛО, 2022. 268 с.
Andreev A. V. The Search for the Historical Jesus. From Reimarus to the Present Day. Moscow: NLO, 2022. 268 p. (In Russ.)
3. Флуссер Д., Бультман Р. Загадка Христа. Две эпохальные работы об Иисусе. М.: Эксмо, 2009. 464 с.
Flusser D., Bultmann R. The Mystery of Christ. Two Epoch-Making Works about Jesus. Moscow: Eksmo, 2009. 464 p. (In Russ.)
4. Сандерс Э.П. Иисус и иудаизм. М.: Мысль, 2012. 616 с.
Sanders E. P. Jesus and Judaism. Moscow: Mysl, 2012. 616 p. (In Russ.)
5. Vermes G. Jesus in His Jewish Context. Minneapolis: Fortress Press, 2003. 298 p.
6. Вермеш Г. Христианство: как все начиналось. М.: Эксмо, 2014. 384 с.
- Vermes G. Christian Beginnings. Moscow: Eksmo, 2014. 384 p. (In Russ.)
7. Räisänen H. The Torah and Christ: Essays in German and English on the Problem of the Law in Early Christianity. Helsinki: Finnish Exegetical Society, 1986. 377 p.
8. Dunn J. Jesus Remembered. Michigan: Grand Rapids, 2003. 1019 p.
9. Kazen Th. Jesus and Purity Halakhah: Was Jesus Indifferent to Impurity? Winona Lake: Eisenbrauns, 2010. 402 p.
10. Burney C.F. The Poetry of Our Lord. Eugene: Wipf and Stock Publishers, 1925. 186 p.
11. Black M. An Aramaic Approach to the Gospels and Acts. Oxford: Clarendon Press, 1967. 367 p.
12. Jeremias J. New Testament Theology: The Proclamation of Jesus. New York: Charles Scribner's Sons, 1977. 330 p.
13. Casey M. Jesus of Nazareth. London: T&T Clark International, 2010. 560 p.

Информация об авторе

Данилов Александр Сергеевич, старший преподаватель, Казанский (При-волжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра нелгиоведения. ORCID ID 0009-0009-3919-3691, E-mail: alsedanilov@mail.ru.

Information about author

Danilov Alexander Sergeevich, Senior Lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Religious Studies. ORCID ID 0009-0009-3919-3691, E-mail: alsedanilov@mail.ru.

Поступила в редакцию 05.06.2025; принятая к публикации 03.12.2025.

Received 05.06.2025; Accepted 03.12.2025.

Научная статья

Research article

УДК 130.123

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.69-77>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Социально-политические предпосылки классового подхода: обзор интерпретаций

Петровов Д.М.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д. 18 корп. 1, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследован генезис классового подхода к науке в рамках марксистской теории, исходя из материалистического понимания истории. Рассматриваются два ключевых кейса: (1) первоначальное формирование подхода в марксизме и (2) его универсализация в СССР, где он стал методологическим принципом всей науки. Показаны различные трактовки причин появления классового подхода: от инструмента защиты социалистического проекта (Маннгейм) до средства преодоления капиталистической идеологии (Лукач). Советский опыт рассмотрен через различные концепции: исключение «неправильных» идей (Фирсов) или учёных (Малинкин/Лекур), однако их критика игнорирует вариант реальности идейной классовой борьбы. Альтернативой выступает теория UCF-ml, объясняющая неудачи отчуждением в СССР науки от пролетариата при сохранении партийного принципа. Особое внимание уделено трансформации подхода после сталинской критики теории Марра, приведшей к перформативному сдвигу и имитации классового анализа. Поставлен вопрос о субъекте, применяющем классовый подход.

Ключевые слова: экстернализм, классовый подход, принцип партийности, советская наука, теория двух наук

Для цитирования: Петровов Д.М. Социально-политические предпосылки классового подхода: обзор интерпретаций. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (4(71)):69–77.

Socio-Political Prerequisites of the Class Approach: A Review of Interpretations

Petrosov D.M.

Kazan Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences
and Mass Communications, 420008, Kazan, Russia

Abstract. The article examines the genesis of the class approach to science within Marxist theory, based on a materialist understanding of history. Two key cases are considered: (1) the initial formation of the approach in Marxism and (2) its universalization in the USSR, where it became the methodological principle of all science. Various interpretations of the reasons for the emergence of the class approach are discussed: from a tool for defending the socialist

project (Mannheim) to a means of overcoming capitalist ideology (Lukács). The Soviet experience is examined through various concepts: the exclusion of “incorrect” ideas (Firsov) or scientists (Malinkin/Lekur), but their criticism ignores the reality of ideological class struggle. Particular attention is paid to the transformation of the approach after Stalin’s criticism of Marr’s theory, which led to a performative shift and imitation of class analysis. An alternative is offered by the UCF-ml theory, which explains the failures by the alienation of science from the proletariat in the USSR while maintaining the party principle. The question is raised about the subject applying the class approach.

Key words: externalism, class approach, principle of partisanship, Soviet science, theory of two sciences

For citation: Petrosov D.M. Socio-Political Prerequisites of the Class Approach: A Review of Interpretations. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025; (4(71)):69–77. (In Russ.)

Введение

Классовый подход является малоисследованным феноменом внутри марксистской теории. Зачастую о нём выражаются в пренебрежительном ключе, как будто его несостоенность заранее очевидна любому¹. Для нас такая ангажированность только подтверждает наличие живого нерва, который он задевает и сегодня. Под классовым подходом мы понимаем набор определённых исследовательских процедур, которые опираются на принцип партийности. Объект подхода – интеллектуал или знание. Задачей классового подхода к науке в рамках марксистской методологии является вскрытие партийности того или иного конкретного феномена/актора науки. Также он позволяет создавать объяснительные модели теоретической практики в целом.

Исследование классового подхода к науке не может быть полным² без обнаружения его материальных предпосылок³, т.е. применения к самому себе.

Это возможно, поскольку он позиционирует себя как часть науки, которая является предметом его исследования. Оттолкнёмся от обзора существующих позиций по предпосылкам классового подхода к науке на примере: а) становления этого подхода в марксизме в принципе, б) практик его применения в советской науке. Также мы будем обращать внимание на то, используют ли авторы непосредственно классовый подход для анализа классового подхода.

Методология

В постановке вынесенной в название проблемы мы исходили из материалистического понимания истории. Основу работы составил компаративистский анализ различных интерпретаций генезиса классового подхода. Особенностью нашей работы является попытка применить классовый подход к самому себе, то есть опора на принцип партийности в анализе становления концепции и её функционирования.

¹ Характерный случай предоставляют сами марксисты, как например, Д. Лекура в работе «Существует ли пролетарская наука?».

² Классовый подход расширил наше представление о том, что является системным исследованием научного знания, внеся в область анализа факторы внешней для науки среды, которые влияют на это знание.

³ Материальными предпосылками являются экономический базис, положение автора в обще-

ственном разделении труда, современная теории политическая конъюнктура и тому подобное. Теоретические предпосылки классового подхода были нами рассмотрены ранее: это закон партийности теоретической практики, который следует из марксистской теории отражения и теории идеологии.

Становление подхода в классическом марксизме

Одну из попыток предпринял К. Мангейм – он не говорит прямо о классовом подходе, скорее о марксистской теории идеологии в целом, которая стремится «дезавуировать» своих оппонентов (в лице либералов, консерваторов и фашистов), вскрыв связь их теоретических построений с общественным бытием [1, с. 58].

Согласно Мангейму, мышление зависит от того, как сочетаются в нем рациональные и иррациональные составляющие. Различные комбинации образуют различные идеологии: бюрократический консерватизм, консервативный историзм, фашизм, либерально-демократическое буржуазное, социалистическо-коммунистическое мышление. Конкретно в мышлении социалистов¹ он обнаруживает синтез крайнего рационализма с крайним иррационализмом/интуитивизмом [1, с. 97]. Теория – функция от действительности, и она не может дать ответы на все вопросы, потому что само применение теории изменяет действительность, приводя к изменению теории. Это уже не буржуазное мышление (которое стремится рассчитать всё), хотя социалистическое мышление не отказывается от расчёта как такового: его (расчёта) предметом может быть «только следующий шаг», потому что он изменит практику и потребуется новый расчёт [1, с. 96].

По мнению Мангейма, корни такого мышления обнаруживаются в особенностях жизни класса-носителя. Во-первых, из долгосрочной стратегии борьбы, для которой необходимо чётко понимать текущий момент и иметь «рационализированную концепцию истории». Материализм этого мышления происходит из бли-

зости угнетённых слоев – носителей социалистического мышления к «материально-метафизическому субстрату» [1, с. 183]. Во-вторых, теоретизированный характер этого мышления объясняется необходимостью создать связи между пролетариями, которых объединяет сходное положение в общественно-экономической системе, но фактического единства у них нет: теория показывает их общность и мотивирует солидаризацию [1, с. 99]. Наконец, иррационализм происходит из понимания, что если текущая структура рационализирована, то рассчитать её падение нельзя, прорвать её нельзя иначе как революцией [1, с. 100].

Здесь стоит остановиться подробнее. Последняя предпосылка держится на первой (если рациональность структуры исходит из рационализированной концепции истории), вторая действительно исходит из «историко-социального бытия» (термин Мангейма), а вот первая оказывается подвешена в воздухе, как бы априорной. Стратегия («расчёт на действие *a la longue*»), из которой происходит рационализированная концепция истории – это уже мыслительная конструкция, но откуда Мангейм её выводит? Можно связать это с его последующими рассуждениями о том, что социалистическо-коммунистическая утопия отодвигает себя в далёкое будущее [1, с. 180–181]. Что, в свою очередь, обусловлено тем, что таким образом эта утопия пыталась обосновать себя от консерватизма и хилиазма. Но эта конкуренция идей всё ещё не объясняет мышление из бытия.

Уничтожение утопий оппонентов через демонстрацию их обусловленности бытием Мангейм представляет как способ защиты. Либерализм, выдвигая свою альтернативу, натыкался на критику консерваторов в духе «это лишь одно из возможных мнений». Марксизм разоблачает и обес-

¹ Мангейм не разделяет социалистов и коммунистов, что для нашей работы вполне приемлемо.

ценивает другие позиции, не оставляя выбора¹.

В итоге историко-социальное бытие влияет на социалистическое мышление только как близость к материально-метафизическому субстрату и как разрозненность класса. Все остальные особенности появляются в ходе конкуренции в интеллектуальном пространстве. Поэтому Мангейм ближе к методу исследования интеллектуальных сообществ Р. Коллинза, где знание объясняется из взаимодействия интеллектуалов, нежели к классовому подходу. Он рассматривает предпосылки классового подхода именно как социально-философские.

Иначе анализ проводит Д. Лукач. Особенности пролетариата в том, что его труд наиболее явно представляется ему самому как товар, без каких-либо иллюзий, как в случае с, например, духовным трудом [2, с. 256]. Рабочий претерпевает эксплуатацию, поэтому ему непосредственно дано, что он является объектом производства. Но в отличие от других исторических форм эксплуатируемого класса, он является объектом не перманентно, а лишь в рабочее время, т.е. выходит из этого состояния, значит может абстрагироваться от него – выходить за рамки непосредственно данного [2, с. 251–252]. Возникает самосознание, проявляются опосредствования, снимается фетишизм – т.е. обнаруживаются отношения между рабочим и капиталом [2, с. 253]. Происходит расколдовывание капитализма, и появляется практическая задача по его преодолению [2, с. 264–265]. В свою очередь, из этой практической цели – тотального преодоления капитализма, общество как целое становится предпосылкой метода. Так выявляется связь бытия и мышления [2, с. 249].

¹ Причём марксисты не идут дальше: не переходят к оценочно-ориентированному подходу в понимании идеологии, ведь тогда бы им пришлось признать частичность и своей теории [5, с. 94].

Отсюда появляется как основная теоретическая предпосылка классового подхода (тождество бытия и мышления), так и его практическая функция – быть частью проекта преодоления капитализма. Предпосылки, обнаруженные Лукачем, носят политэкономический характер.

Мангейм и Лукач анализируют генезис самой теории и метода, в то время как существуют практики применения классового подхода, анализ которых может что-то сообщить о тех предпосылках, при которых люди обращаются к классовому подходу. Важным примером здесь выступает советский кейс.

Классовый подход в советской науке

Принцип партийности (основа классового подхода) был универсальным элементом методологии советской науки и философии [3, с. 477]. Универсальность – это не фигура речи: можно привести ряд монографий, авторы которых пытались рассмотреть некоторую предметность в логике классового подхода в философии (Б.А. Чагин «Марксистско-ленинский принцип партийности в философии: социальный, гносеологический и логический аспекты»), истории и историографии (Н.А. Бурмистров «Партийность исторической науки» и «Классовая природа партийности исторической науки») и даже естественных науках (П.В. Алексеев, А.Я. Ильин «Принцип партийности и естествознание»). Рассмотрим несколько объяснятельных концепций подобного интереса к классовому подходу.

Сначала обратимся к исследователям вне марксистского дискурса, которые также искали социальные предпосылки подобного интереса, но не опирались на классовый подход. Одним из таких исследователей является российский социолог Б.М. Фирсов. Согласно ему, большевики на собственном опыте поняли, что свободная наука способствует

революционным настроениям [4, с. 70]. Поэтому они ввели два механизма контроля духовной сферы жизнедеятельности: (1) «учреждения-монстры», которые управляли соответствующими сферами, (2) цензура. Последняя начиналась как фильтр на «выходе», т.е. контроль того, что выпускалось в печать, но постепенно перешла в фильтр на «входе»: при появлении идея должна была пройти предварительную цензуру [4, с. 70]. Таким образом, у Фирсова классовый принцип оказывается средством контроля, прежде всего, иначе мыслия, т.е. исключения неправильных идей [4, с. 80].

Ещё один вариант объяснения предлагает другой российский социолог А.Н. Малинкин. Он рассматривает классовый подход как вариант социологизма, который, в свою очередь, является формой методологии подозрения¹. Его функция – «теоретическое обоснование новой формы дискриминации и преследований в обществе по социально-классовой и социально-групповой принадлежности» [5, с. 152].

Здесь же заложено принципиальное различие концепций Фирсова и Малинкина. Если у Фирсова классовый подход используется для обнаружения «вредных» идей, которые могут воздействовать на людей, то у Малинкина это борьба с «вредными» людьми. Сама возможность такого применения классового подхода подтверждается теми критериями буржуазности, которые применялись марксистами: это могло быть как соответствие принципам диалектического материализма, так и социально-экономическое положение автора².

¹ Малинкин также даёт своё понимание генезиса самого марксизма. Он говорит «слепой гуманистической вере» К. Маркса и Ф. Энгельса [5, с. 154–155], т.е. проводит психологическую редукцию. В силу идеалистичности этого хода, такое понимание мы рассматривать не будем.

² См. работы «Идеалистическая диалектика в XX веке» Ю. Н. Давыдова, «Классическая и современная буржуазная философия» М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева, В.С. Швырева.

Как объясняли советский кейс марксисты? Французский философ Д. Лекур рассматривает классовый подход в контексте феномена Т.Д. Лысенко, который сформулировал сильную версию партийности – теорию двух наук³. Он объясняет его успех несколькими мотивами советского государства. В частности, лысенковскую сильную версию он связывает со скрытой классовой борьбой [6, с. 132–134]. Но поскольку сам Лекур не допускает существования классовой борьбы в науке [7, с. 4], классовый подход у него выступает как идеологическая ширма для политических целей советского руководства: обеспечение верности интеллектуалов власти [6, с. 132–134]. Здесь между не-марксистом Малинкиным и марксистом Лекуром нет никакой разницы.

Ещё одну позицию представила марксистская организация UCF-ml⁴, которая выступила с критикой работы Лекура⁵. Они не отрицают ни действительности классовой борьбы, ни её возможности выражаться в теоретической форме, согласны с сильной версией партийности. Поэтому для авторов не столько стоит вопрос о причинах такого значимого положения классового подхода в советской науке и философии, сколько вопрос о конкретно-исторических условиях применения классового под-

³ Теория двух наук – один из двух вариантов объяснения закона партийности. Согласно ей, партийность ученого формируется институтом, в рамках которого он занимается теоретической практикой. Поэтому буржуазная партийность обусловлена тем, что наука как институт является частью капиталистической формации. Альтернатива этому взгляду – теория двух философий, которая связывает партийность с габитусом ученого. Далее мы будем различать их как *сильную* и *слабую* теории партийности, где к слабой относится теория двух философий как претендующая только на объяснение философских идей, но не научных.

⁴ Union des communistes de France marxiste-léniniste.

⁵ Есть основания считать, что к этой критике имел отношение А. Бадью, который состоял в этой организации.

хода. Наука, будучи процессом, имеет в качестве оси классовую борьбу и диалектику трёх «терминов»: массы, партии и государства [7, с. 20–21]. Большевики недооценили роль первого: оторванная от масс наука не получала вовремя необходимой обратной связи о результатах применения своих теорий¹, в частности, мичуринской биологии², что привело к принятию ложных знаний.

У нас есть три (объединяя Малинкина и Лекура) объяснения предпосылок, и все они носят политический характер (в отличие от Лукача). Фирсов строит свои рассуждения на скрытой предпосылке, что классовый подход используется как инструмент борьбы за власть без привязки к борьбе классов – исключительно политические группировки. Между ними принципиальная разница, аналогичная разнице между идеологией как ложным и идеологией как ложным, но не лживым. Эта деталь, на которой подробно останавливается Мангейм, является сегодня, на наш взгляд, одной из границ между наукой и конспирологией. Фирсов находится в логике заговора и не скрывает своей ангажированности по отношению к предмету, то и дело превращая своё исследование в обвинительную речь [4, с. 71–73]. Его объяснение наиболее далеко от классового подхода.

Малинкин и Лекур уже не рассматривают классовый подход как «разнорядку сверху», но отрицают возможность классовой борьбы в науке. То есть это часть «материальной» классовой борьбы (борьба людей), а не «идейной»

(борьба идей) – теоретическое обоснование для борьбы с классовым врагом, материальной, а не идейной нейтрализации. Это объяснение уже ближе классовому подходу, однако только тому варианту, который опирается на слабую версию.

Предпосылки, выделяемые Фирсовым и Малинкиным/Лекуром являются политическими. В отличие от них, UCF-ml объясняют появление классового подхода в советской науке именно необходимостью вести теоретическую борьбу, а особенности его применения выводят из структуры советской науки. Их вариант относится к классовому подходу, который опирается на сильную версию, а сама предпосылка является социальной.

Однако все три объяснения упускают, что понимание классового подхода в советской науке и философии менялось. В качестве точки перехода антрополог А.В. Юрчак выделяет статью И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания». Критикуя учение Н.Я. Марра, Сталин разрывает связь между научностью и партийностью [8, с. 105–106], отказываясь от сильной версии. У этого действия два важных следствия:

(1) Государство/партия в одностороннем порядке прекращает «идейную» классовую борьбу в советской науке. Но классовый подход никуда не исчезает (приведенные выше монографии написаны позднее), потому что существует «несоветская наука» – зарубежная (=буржуазная)³. Просто исчезает один из объектов.

(2) Если раньше у идеологического дискурса была господствующая фигура, которая могла его редактировать, то отвязав истину от партийности,

¹ UCF-ml пишут, что на момент 1948 г. (сессии ВАСХНИЛ, где победила точка зрения Лысенко) не было однозначных свидетельств в пользу конкурирующих концепций. Поэтому на их взгляд, были важны результаты массового применения подхода. С этой точки зрения массы, применяющие достижения науки, являются участниками научного процесса.

² Этот тезис о необходимости связи науки с массами напоминает концепцию пролетарской науки А.А. Богданова, которая схожим образом трактует партийность институционально.

³ «Идеалистическая диалектика в XX веке», «Критика современной буржуазной теоретической социологии», «Классическая и современная буржуазная философия», «Новейшие течения буржуазной философии» и т.д. – все эти работы анализируют западную или дореволюционную мысль.

Сталин закрывает вход в этот метадискурс, оставаясь последним редактором. Со смертью Сталина идеологический дискурс становится авторитетным (классовый подход в том числе как часть идеологического), то есть воспроизведение формы становится важнее передачи смысла [8, с. 555].

Особенность авторитетного дискурса Юрчак видит в перформативном сдвиге: возможности изменить смысл при сохранении формы, т.к. смысловой редактор исчез [8, с. 555–556]. Это означает, что классовый подход перестал выполнять свои функции внутри советской науки: ведь его стало можно имитировать. Более того, если исходить из сильной версии, то идеяная классовая борьба внутри советской науки не могла прекратиться и продолжилась, однако одна из сторон добровольно сложила оружие, а оппоненты теперь имели возможность маскироваться под борцов за классовую принадлежность, имитируя язык¹.

Что происходит с классовым подходом после публикации Сталина²? Концепция перформативного сдвига представляет собой веский аргумент против институционального понимания партийности в принципе. В ситуации отсутствия метадискурса в пролетарской науке (как и в буржуазной, добавим мы) остаётся лакуна, где в форму может закладываться обратное содержание. Из-за чего принадлежность к ин-

ституту не означает автоматически ту же партийность. Должно быть что-то ещё, что определяет партийность. Этим чем-то может выступать габитус. Поэтому полноценное исследование партийности в рамках сильной версии требует анализа как институции, в которой действует интеллектуал, так и его габитуса.

Пока же выдвинем следующую гипотезу: отказ от сильной версии происходит в силу высокой цены ошибки: наука включается в производительные силы, отбрасывание научных знаний по партийным соображениям могло вылиться в конкурентную слабость, опасную в условиях стартовавшей холодной войны.

Означает ли это, что классовый подход – слишком дорогостоящий метод, который ограничивает научный прогресс? С точки зрения сильной версии, корень проблемы не в классовом подходе, а в структурной особенности советской науки (в отсутствии связи с массами). С точки зрения слабой – здесь с самого начала не было классового подхода (который возможен только в философии), а только его идеологическая имитация.

Итак, сама возможность такой имитации ставит вопрос о субъекте, применяющем классовый подход. Для исследования чего необходимо обратиться не столько к советскому кейсу, сколько к самим фигурам Маркса и Энгельса, включив в анализ понятие личности как совокупности общественных отношений.

Также мы установили, что существующие объяснения предпосылок классового подхода располагаются по трём группам: (1) социальные (Маннгейм, UCL-m1), (2) политэкономические (Лукач) и (3) политические (Фирсов, Малинкин, Лекур). Некоторые из них, как было сказано выше, могут комбинироваться, но большинство являются альтернативами друг другу.

¹ Точку зрения слабой версии на этот вопрос мы не рассматриваем, потому что статья Сталина никак не влияет на материальную классовую борьбу. Например, ситуация с увольнением Э. В. Ильинкова из МГУ только подтверждает, что идеяная классовая борьба внутри философии продолжилась (причем в достаточно явном виде, учитывая, что Ильинкова осудили за гносеологизм, а не по какому-то не связанному с теорией поводу).

² Мы не будем фокусироваться на точке зрения слабой версии, поскольку для неё применение классового подхода обусловлено не институтом, а габитусом. Вполне возможно, что статья Сталина каким-то образом повлияла на интеллектуалов, однако отследить это без социологических исследований будет сложно.

Подведем итог: мы обнаружили некоторые материальные предпосылки классового подхода. Несет ли эта детерминированность какие-то принципиальные ограничения или вовсе опровергает подход? Например, Маннгейм считает, что обусловленность не является источником заблуждений, а лишь задаёт ограничения и возможности для знания [1, с. 62–63]. Венгерский философ Б. Фогарши указывает, что это формальный аргумент, поскольку даёт абстрактно-всеобщее опровержение любому знанию заранее¹. В то время

как требуется конкретный анализ конкретного знания и его роли [9, с. 199]. Фогарши тут не столько критикует, сколько дополняет Маннгейма, и поэтому мы можем согласиться с обоими.

Сама проблематизация факта детерминированности знания переводит разговор в сферу этики. Мы это видим на примере Фирсова, хотя здесь можно было бы рассмотреть интерналистов, которые приравнивают обусловленность знания к его неполноценности². Но этическая проблематика – это уже область другого исследования.

Список литературы / References

1. Маннгейм К. Идеология и утопия // К. Мангейм. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7–267.
Mannheim K. Ideology and utopia // K. Mannheim. Diagnosis of our time. M.: Jurist, 1994. Pp. 7–267. (In Russ.)
2. Лукач Д. Классовое сознание // История и классовое сознание; пер. с нем., предисловие С. Н. Земляного. М.: «Логос-Альтера», 2003. С. 179–302.
Lukacs D. Class consciousness // History and class consciousness; trans. from Germ., foreword by S.N. Zemlyanoy. M.: «Logos-Altera», 2003. P. 179–302. (In Russ.)
3. Ипполитов Г.М. Принцип партийности исторической науки: неактуальное наследие советских времен или сегодняшняя методологическая данность? (дискуссионные заметки). *Известия Самарского научного центра РАН*. 2015; (17 (3-2)):475–483.
Ippolitov G.M. The principle of party spirit of historical science: an irrelevant legacy of Soviet times or today's methodological reality? (discussion notes). *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015. 2015; (17 (3-2)):475–483. (In Russ.)
4. Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950–1980-е годы. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 476 с.
Firsov B. M. History of Soviet Sociology: 1950–1980s. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2012. 476 p. (In Russ.)
5. Малинкин А.Н. К истории отечественной социологии 1920–1930-х гг.: советский марксизм vs «социология знания». *Социологический журнал*. 2021; (3):147–174.
Malinkin A. N. On the history of domestic sociology of the 1920–1930s: Soviet Marxism vs. «sociology of knowledge». *Sociological journal*. 2021; (3):147–174. (In Russ.)
6. Lecourt D. Lyssenko Pistoire réelle d'une «science prolétarienne». Paris: François Maspero, 1976. 269 p.
7. UCF-ML La situation actuelle sur le front de la philosophie: Contre Lecourt et Althusser. Paris: UCF-ML, 1977. 31 p.
8. Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное, 2014. 664 с.
Yurchak A. V. It was forever, until it ended. The last Soviet generation. M.: New Literary, 2014. 664 p. (In Russ.)
9. Фогараши А. Социология знания и социология интеллигенции (новая по-

¹ Фогарши несколько искажает слова Маннгейма, ставя знак равенства между утверждением ограничения знания и его ложностью вовсе (см. последнюю ссылку на Маннгейма).

² Эта неполноценность знания выражается либо в его ненаучности, либо в бессмыслиности, либо прямо в ложности.

пытка опровержения марксизма. *Под знаменем марксизма*. 1930; (7–8):194–206.

Fogarashi A. Sociology of knowledge and sociology of the intelligentsia (a new

attempt to refute Marxism. *Under the banner of Marxism*. 1930; (7–8):194–206. (In Russ.)

Информация об авторе

Петров Даниил Максимович, аспирант, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. ORCID ID 0009-0003-1825-9184, E-mail: petrosov.danil@yandex.ru.

Information about author

Petrosov Daniil Maksimovich, postgraduate student, assistant, Kazan Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. ORCID ID 0009-0003-1825-9184, E-mail: petrosov.danil@yandex.ru.

Поступила в редакцию 15.09.2025; принятa к публикации 19.10.2025.

Received 15.09.2025; Accepted 19.10.2025.

УДК 101.1:316

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.78-88>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Рождение казанской «философской клиники» из духа семьи Сотониных (Сатониных)

Ротов И.М.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д. 18 корп. 1, Российская Федерация

Аннотация. Статья реконструирует генеалогию казанской «философской клиники» К.И. Сотонина (1893–1944) в контексте истории семьи Сатониных (Сотониных). Показан переход философа от классической метафизики и гносеологии к междисциплинарному проекту на стыке философии, экспериментальной психологии и медицины, в котором философия мыслится как терапия недовольств. Центральным понятием выступает «метафизический индифферентизм», предполагающий приоритет знания и индивидуальной радости над поиском абстрактной Истины и универсальной этики. На основе дневника А.И. Сотонина, мемуаров И.П. Сатонина, М.В. Нечкиной, документов из личных коллекций и интервью демонстрируется влияние семейных травм, революционного опыта и «анархической» жизненной позиции братьев Сотониных на формирование идей «клиники». Делается вывод о «философской клинике» как о прагматическом инструменте локальной терапии фruстрации личности в условиях краха больших нарративов в начале XX века.

Ключевые слова: история философии, К.И. Сотонин, философская клиника, метафизический индифферентизм

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта, предоставленного Академией наук РТ в 2024 году, проект №5002 «Разработка и внедрение цифрового интеллектуального пространства по изучению и популяризации региональной философской мысли Виртуальный музей-библиотека “Казань философская”»

Для цитирования: Ротов И.М. Рождение казанской «философской клиники» из духа семьи Сотониных (Сатониных). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (4(71)):78–88.

The Birth of the Kazan “Philosophical Clinic”: From the Spirit of the Sotonin/Satonin Family

Rotov I.M.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article reconstructs the genealogy of the Kazan “philosophical clinic” developed by Konstantin I. Sotonin (1893–1944) in the context of the Sotonin/Sotonin family history. It traces his shift from classical metaphysics and theory of knowledge to an interdisciplinary project at the crossroads of philosophy,

experimental psychology and medicine, in which philosophy is conceived as a therapy for discontents. The core notion is “metaphysical indifferentism”, which privileges knowledge and individual joy over the pursuit of abstract Truth and universal ethics. Drawing on the diary of Aleksandr Sotonin, memoirs by Igor Sotonin and M.V. Nechkina, as well as oral testimonies, the article shows how family trauma, revolutionary experience and the “anarchic” stance of the brothers shaped the clinic’s conceptual foundations. The “philosophical clinic” is interpreted as a pragmatic tool for local therapy of personal frustration under conditions of the crisis of grand narratives in the early twentieth century.

Keywords: history of philosophy, K.I. Sotonin, philosophical clinic, metaphysical indifferentism

Acknowledgements: The research was funded by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in 2024, project No. 5002 “Development and Implementation of a Digital Intellectual Space for the Study and Popularization of Regional Philosophical Thought: The Virtual Museum-Library ‘Kazan Philosophical’”

For citation: Rotov I.M. The Birth of the Kazan “Philosophical Clinic”: From the Spirit of the Sotonin/Satonin Family. *The Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2025;(4(71)):78–88 (In Russ.)

Введение

Константин Иванович Сотонин (1893–1944) – философ, педагог, психолог и рационализатор науки, выпускник Императорского Казанского университета. В 1910-е гг. занимался прояснением терминов классической античной и немецкой философий, вопросами теории познания и критикой устоявшиеся подходов к философии истории, но в 1920-е гг. проблематика его научных работ резко изменилась. Он занимался междисциплинарными исследованиями на стыке философии, экспериментальной психологии и медицины. Преподавал экспериментальную психологию в Казанском государственном университете, читал лекции по эстетике. С 1922 г. К.И. Сотонин возглавил психофизическую лабораторию Казанского института научной организации труда (КИНОТ). Его главная работа – книга «Идея философской клиники» (1922) посвящена фундаментальному переосмыслению задач философии.

В современной академической литературе К.И. Сотонина упоминают в контексте развития Казанской философской школы: как исследователя

творчества И. Канта [1], автора концепции «заопытного бытия» [2] и критических статей по логике [3, с.57], сотрудника КИНОТ [4]. В статьях за последние пять лет проанализирована книга «Сократ. Введение в косметику» (1925) [5], что связано с её переизданием в 2020 году. Первая попытка анализа авангардной «идеи философской клиники» была проделана в 2023 году в статье «“Труд как источник” радости философа и психолога Константина Ивановича Сотонина» Н.Ю. Стоюхиной [6]. В этой работе приводится краткая биографическая справка и отмечается нехватка архивных материалов, связанных с биографией философа.

В наше время растёт интерес к работам К.И. Сотонина 1920-х гг. В 2024 году вышло переиздание работ «Идеи философской клиники» и «Анализа эстетического переживания» [7]. К.И. Сотонин как мыслитель-футурист стал героем музеино-художественной выставки «Партия Сотониных: на полях казанского авангарда» [8].

Цель этой работы – описать генеалогию идеи «философской клиники» в контексте семейной истории династии Сотониных (Сатониных). Работа

с семейными архивами и ранее неопубликованными источниками поможет прояснить содержание экстравагантной сотонинской философии, которую журналист газеты «Красная Татария» назвал «мрачной философией радости» [9].

Гипотеза автора статьи заключается в том, что ключевую роль в формировании метафизических оснований К.И. Сотонина сыграла история его семьи, переписка со старшим братом и общение с единомышленниками в период с 1909 по 1920 годы. Философская клиника в полном соответствии своему духу была не теоретическим проектом, но попыткой в экстремальных условиях собрать инструмент для спасения себя и своих близких.

Методологическая статья опирается на историко-философскую реконструкцию и генеалогический метод. В исследовании предпринята попытка выстроить генеалогию, описать совокупности разрывов дискурса, заимствованных значений и практик реального насилия, которые сформировали философские взгляды К.И. Сотонина. Идеи философа рассматриваются не в контексте академической традиции, но в связи с реальными условиями их формирования и апробации автором.

Для подкрепления гипотезы был составлен корпус источников личного происхождения, которые проливают свет на жизнь К.И. Сотонина:

1. Рукописный дневник А.И. Сотонина из фондов Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. В нём описан период с 22 августа 1908 года по 31 декабря 1909 года и с 4 октября по 21 декабря 1909 года [10, 11]. Документ передала в фонд сестра Константина, художница Г.И. Сотонина.

2. Машинописные мемуары И.П. Сотонина, племянника Константина, казанского инженера-авиаконструктора, который составил подробные биографические справки о членах семьи и оставил воспоминания об их жизни

в 1920–1960 гг. [12]. Текст хранится в семейном архиве казанской ветви семьи.

3. Опубликованные мемуары М.В. Нечкиной – историка, академика Академии Наук СССР, ученицы и близкой подруги Константина Ивановича [13].

4. Автором статьи были использованы документы из семейного архива Е.А. Миллер и Е.И. Сатониной, информация из личных бесед с ними и с Л.Я. Веряскиной, которые происходили на выставке «Партия Сотониных: на полях Казанского авангарда» 18 июня 2025 г. и 1 июля 2025 г. [14] в Центре современной культуры «Смена» (Казань).

Эти источники дополняют и проясняют содержание академических работ, опубликованных К.И. Сотониным в 1920–е гг.

К.И. Сотонин считал, что философия является дисциплиной, тождественной медицине. Задача философа – диагностика, лечение и профилактика недовольств. Он писал: «Недовольство есть психическое состояние эмоционального характера, существенными чертами которого являются: угнетённое состояние духа, чувство неудовольствия от большинства окружающих объектов и безразличие к остальным; отсутствие или малое количество сильно радостных переживаний, их быстрое исчезание и обычная замена угнетённым состоянием» [15, с. 15–16]. В «Идее философской клиники» и других своих работах К.И. Сотонин предложил типологию недовольств и методы врачевания от «науки о труде и отдыхе» [16] до арт-терапии [17]. При этом он подчёркивал, что не выходит за рамки философской проблематики, но расширяет их. А для успеха «философской клиники» предлагал прекратить изучение метафизики и этики в вузах, а логику и гносеологию перевести в разряд малозначимых дисциплин [15, с. 13–14]. Основной деятельностью философа новой формации должна была стать диететика – учение о фор-

мировании индивидуального образа жизни [15, с. 10].

Диэтетика должна была стать заменой универсальной этике. «Новая философия предписывает и по крайней мере допускает для разных людей различное и даже противоположное поведение», – писал К.И. Сотонин [15]. «Одного недовольного мы делаем эпикурейцем, другого стоиком, третьего скептиком, четвёртого идеалистом-аскетом, пятого крайним материалистом; для врача-философа нет философской системы, которая была бы более истинной или более ложной, чем всякая другая система; вопрос не в истинности, а в пригодности данной системы для данного индивидуума» [15, с. 36]. Уже одно это положение конфликтует с господствующим в политике 1920-х гг. запросом на коллективизм.

Эту точку зрения сделали возможной базовые философские основания К.И. Сотонина, которые он обозначил как «метафизический индифферентизм». В работе «Сократ. Введение в косметику» он обнаружил сходство собственного мировоззрения с философией античных софистов. Последние, в интерпретации Сотонина, утверждали бесполезность метафизических проблем и, в первую очередь, поисков Истины [18, с. 59-61]. Ещё до обращения к этой теме К.И. Сотонин сформировал собственную интерпретацию метафизического индифферентизма: «В XX веке что за дело громадному большинству до истины! Обладание истиной, может быть, могло бы нас удовлетворить, дать нам радость, и только поэтому мы стремимся к ней. В конечном счёте ценность не в истине, а в радости; но истина отнюдь не единственное, что может доставить радость; мы окружены возможностями радоваться, и нужно только уметь использовать окружающее для увеличения радости и уменьшения печали; но для того, чтобы уметь, вовсе не нужна истина; для умения использовать

окружающее нужно знание окружающего» [16, с. 9-10].

Истине К.И. Сотонин противопоставлял «знание», то есть информацию, которая имеет практическое значение для индивида. Сотонин не причислял себя к солипсистам или нигилистам. Он ничего не утверждал о гносеологических перспективах познания. Но не считал данную проблематику актуальной [16].

Братья Сатонины (Сотонины)

«Разве я знаю: может быть мой брат там, будущий гений, философ, мой маленький Костя, уже убился, как писал он в своём последнем письме?» – записал в 1908 году в дневнике Александр Сотонин [10, л. 5]. В этот момент автор «Идеи философской клиники» ещё даже не окончил гимназию.

Александр Иванович Сотонин (1881/1882-1965) – старший из братьев Сатониних. Студент физико-математического факультета Императорского Казанского университета, поэт и революционер. Он был арестован и отбывал ссылку в окрестностях Якутска за участие в студенческих протестах 1906 г. Позднее А.И. Сотонин жил в разных городах Сибири, работал журналистом. После Октябрьского переворота служил в партийных органах Казахской АССР. Занимался фотографией, читал лекции, разводил цветы. С казанскими родственниками А.И. Сотонин поддерживал переписку [12, л. 4].

Именно Александр первым сменил фамилию с «Сатонин» на «Сотонин». Его отец – Иван Сатонин (1860-1912) был ювелиром, мастером по серебру. Он происходил из крестьян и жил в селе Рыбная Слобода. В этой среде фамилия хоть и была вызывающей, но не мешала работать. И. Сатонин был состоятельным человеком и смог дать образование сразу нескольким своим детям. По семейному преданию, фамилия происходит от прозвища их далё-

кого предка – «Сатана». Патриарху семьи, И. Сатонину, она подходила.

Старший сын описывал его так: «Худой, суровый, энергичный. Он был мечтателем, фантазёром, душа которого металась в одиночестве, как у Ивана Грозного, от Бога к дьяволу. Безграмотный деревенский, нет, даже какой-то лесостепной с цыганским складом человек, он был художником, мечтавшим об архитектурном строительстве, создании огромных зданий, церквей, пароходов. И для нас, ребят, он строил игрушечные дома, пароходы, мельницы, какие-то в виде теремов скворечницы, дворцы, составлял проекты сооружений и даже писал стихи» [12, л. 2].

А.И. Сотонин стал первым из семьи, кто решил получать высшее образование в городе. В этой среде говорящая фамилия могла стать препятствием в карьере. Мы можем уверенно утверждать, что вслед за Александром фамилию сменили философ Константин, архитектор Виктор и художница Галина Ивановичи. Последняя – временно.

Племянник писал про А.И. Сотонина: «Что мне доподлинно о нём известно, так это то, что был он революционером (анархистом)» [12, л. 3]. Однако на момент написания дневника старший из братьев переживал глубокий личностный кризис и был далёк от политики и революционного оптимизма. В записи от 18 октября 1908 г. он писал: «Может быть кто-нибудь и будет в состоянии разобраться в той жизни, которая теперь пляшет в нашем мире, я не хочу уже разбирать» [10, л. 4]. Это настроение сохраняется у него на протяжении всех лет ссылки. 4 октября 1909 г.: «И снова этот страшный период Тоски, когда всё делается чуждым» [11, л. 3]. В конце первой половины дневника Александр фиксирует «этапы собственной жизни»: Тоска; Набат; Молот; Великий Смех; Пляска Дьявола; Тоска Великая [10, л. 24]. Старший брат К.И. Сотонина буквально воплотил в себе книжный образ разочарованно-

го революционера, который захватил русскую литературу после 1907 г. Он легко мог бы стать героем Михаила Арцыбашева, Фёдора Сологуба или Леонида Андреева.

А.И. Сотонина в 1908–1909 гг. занимали две вещи: литература и спиритизм. Бывало, что с поэтом П.Н. Черных они проводили медиумические сеансы по несколько дней подряд. Заметки о спиритизме полны скепсиса, но и глубокого интереса [11, л. 8–11]. Эзотерическая практика становится для ссыльных студентов методом своеобразной терапии, а некоторые из записанных «сеансов» могли бы дать много информации для психоаналитика. Вот запись от 24 октября 1909 г.:

«Позже я беру написанную азбуку и он [дух] говорит:

“это не добро”.

– что не добро?

“подполье”

И снова исчезает» [11, л. 13].

В связи с этим интересно замечание потомков о том, что в семейном архиве Сатониных раньше хранились астрологические карты звёздного неба [14]. А в 1930-е гг. постоянным гостем дома П.И. Сатонина была гадалка, с которой семья познакомилась в очереди за хлебом [12, л. 30]. В 1922 году К.И. Сотонин напишет, что в отсутствие философа-врача человеку могут временно помочь «философские знахари» (священники, колдуны и гадалки) [15, с. 7].

Философский спор Александра и Константина

О том, что Константин работал с дневником Александра говорит следующий факт. Некоторые строчки в тексте выделены красным карандашом. Одна из них: «Что есть истина? – Истина есть мыльный пузырь, притом невидимый» [11, л. 24]. И эта мысль, если не полностью повторяет, то рифмуется с основным положением философии Константина Сотонина.

6 ноября 1909 г. Александр отправил Константину письмо, текст которого продублирован в дневнике. В нём он пишет: «Должно быть мы с тобой на разных позициях стоим и говориться друг с другом в письмах трудно. Да и, вообще, вероятно не сможем никогда, потому что как-ни-как я – поэт, а ты – философ» [11, л. 27].

В этом письме А.И. Сотонин пишет о невозможности для человека познать мир *per se* (лат. «по сути»). Разум А.И. Сотонин называет редуктором, который создаёт воспринимаемый мир: «Мир – это моё творчество». И далее: «Говорить “Вот моё кредо! Вот мои принципы” – Это значит убивать жизнь». Он иронизирует над тем, с какой лёгкостью могут и должны меняться взгляды и убеждения [11]. Легко представить, как 16-летний подросток – Константин – яростно противопоставлял этому истины, вычитанные у философов и подслушанные у преподавателей 2-й Казанской мужской гимназии.

В конце текста А.И. Сотонин пишет о важности для него Истины Бога, которая заменяет ему человеческие истины. В этих абзацах он обрушивается с критикой на И. Канта: «Другое дело Вера! Там-то и Истина! Ну-ка сшиби Бога?! Не боись, сам Кант спасовал. [...] Если “Критикой чистого разума” Кант доказал песочность всех философских построений (в этом он и велик), то своей “Критикой практического разума” он показал, как взамен старого песка брать новый ещё более сыпучий, и на нём строить ещё более нелепые здания» [11].

В связи с этим абзацем первая академическая публикация К.И. Сотонина – «Словарь терминов Канта» (1915) – выглядит продолжением старого спора с братом, запоздалой попыткой договориться о содержании значений перед дискуссией.

А потом наступил 1917 год. К.И. Сотонин в сознательном возрасте пере-

жил опыт, который перевернул мир его брата: увидел последствия Революции. Ещё один абзац, выделенный в дневнике красным, из того же письма: «То, что ещё вчера было краеугольным камнем моего миротворчества, сегодня лишь последняя незначительная искра в разгоревшемся пламени метаморфического пожара» [11]. Здесь проходит граница между поэтом Александром и философом Константином. Для А.И. Сотонина внутренний мир человека – это страшная бездна, тьма, полная хаотических метаморфоз и огня. К.И. Сотонин в конечном итоге признал и даже стал пропагандировать пластичность любой индивидуальности, но настаивал, что превращения поддаются контролю. Темперамент сангвиника можно, по мнению философа, создать медикаментами [19, с. 40], а недовольство неразделённой любви решить с помощью внушения [15, с. 41].

Не только внешними стимулами можно контролировать «метаморфический пожар». Философ подробно описал пример философского врачевания: случай с девушкой, которая переживала «социально-индивидуальное недовольство» [15, с. 41-42]. Речь о некой жительнице Казани 19 лет, которая «для спасения отца была вынуждена отаться мужчине, от которого зависело его спасение». Философ помог девушке отказаться от моральных категорий в оценке собственного поступка. А затем «привил» мысль о том, что общество не вправе оценивать личные поступки человека. Даже если речь идет о родственниках. И человек вправе скрывать от них информацию. В результате психологическое состояние девушки стабилизировалось.

Безусловно, такая точка зрения не соответствовала идеалам советского педагога, руководителя лаборатории, красного профессора. Что могло мотивировать учёного искать любой, самый радикальный способ помочь этой де-

вушке избавиться от навязчивых мыслей о позоре и смерти?

6 ноября 1921 г. арестовали отца выпускницы Казанского государственного университета, историка М.В. Нечкиной. Она была активисткой рабочего факультета, участницей психоаналитического кружка. В дневнике М.В. Нечкина называла Константина Сотонина «Костей» и «своим четвёртым», имея в виду мужчин, в которых была влюблена [13, с. 37]. 7 ноября девушка искала по городу «нужных людей», и помочь её отцу пообещал некий Гнатовский – секретарь президиума Казгубисполкома.

Позже М.В. Нечкина писала: «Он – маленький, упитанный, довольно интересный, похож на холёного банкира. Шёл со мной под руку с концерта, провожал, говорил массу комплиментов. Я была у него по поводу папы на квартире» [13, с. 78–79].

10 ноября отца М. В. Нечкиной отпустили. «Иду – встречаю Гнатовского. Он шёл, хотел сказать мне, что папу выпустили. Господи, какая радость» [13].

Была ли Нечкина пациенткой «философской клиники» Сотонина? Философ мог намерено указать неверный возраст в книге, чтобы скрыть личность девушки. Во всяком случае, подобных историй в то время было много. Важно помнить, что идеи Сотонина рождались и проверялись в полевых условиях, в атмосфере Казани, где только что закончилась Гражданская война. А потому вопросы истины отходили на задний план перед вопросами выживания.

Анархичность Сатониних (Сотониных)

Мы многократно фиксируем в текстах К.И. Сотонина тезисы, которые противоречат политической конъюнктуре эпохи. Но напрямую он никогда не высказывался с критикой СССР. Характерно, что в интервью потомки Константина, Павла и Галины Сато-

ниных (Сотониных) неизменно подчёркивали аполитичность старшего поколения семьи [14]. Но в отношении Павла Ивановича Сатонина в мемуарах его сына вновь звучит определение «анархист» [12, л. 35]. Судьба П.И. Сатонина поможет нам лучше понять эту «анархическую» позицию семьи.

П.И. Сатонин (1888–1935) – брат К.И. Сотонина. В 1902–1913 гг. служил в ювелирной фирме Чарушиных. Получил должность управляющего делами фирмы. В годы Первой мировой – старший писарь в штабе 4-й армии. В период Гражданской войны попал под насилиственную мобилизацию сначала в Белую армию, а затем – в Красную. В 1918–1919 гг. в Казани Павел Сатонин занимал несколько должностей при городской комендатуре и штабе Частей особого назначения, то есть служил в контрразведке на стороне большевиков. Занимался вопросами снабжения и мобилизации. А в период с 1926 по 1930 гг. П.И. Сатонин был комендантом Дома Красной армии в Казани. В 1930-е гг. служил в тресте строительных материалов, был заместителем директора завода «Строитель» и трагически погиб в железнодорожной катастрофе в 1935 г. Его сын вспоминал: «Гроб был обит бордовым шёлком, люди говорили (знаю от соседей), что не коммунист, а гроб красный». Бывший комendant до самой смерти оставался беспартийным [12].

В этом смысле Павел был скорее не «анархистом», а «анархом». Подробно эту концепцию развивал в романе «Эвмесвиль» (1977) немецкий философ Эрнст Юнгер. Анарх у Э. Юнгера – не противник государства, но самодостаточная личность. Анарх не нарушает правила, но знает их достаточно хорошо, чтобы оставаться независимым. Он не принадлежит революционной партии, но составляет партию из одного человека. Общественные требования и актуальная повестка для него являются

ся своего рода погодой, которую нужно учитывать, выходя на работу. [20] Этот тип личности ближе к первоначальному христианскому пониманию слова *anarchos* (греч. безнадежный), то есть действующий по своей воле [21, с. 99]. Это интуитивное понимание анархии как основы всякого индивидуального порядка пришло к П.И. Сотонину не через труды Отцов Церкви, но на фронте Гражданской войны, когда нужно было знать не объективные истины, а правильные ответы. Именно поэтому не стоит удивляться и тому, что выгоревший революционер А.И. Сотонин стал партийным работником.

В этом смысле К.И. Сотонин тоже был анархом. Это не значит, что он был хаотичным или враждебным к государству. Он руководил лабораторией в государственном институте (КИНОТ), был активным организатором коммунистической «Мастерской театральных зрелищ КЭМСТ». Но при этом продолжал заниматься, в первую очередь, личными проектами.

Крах академической карьеры К.И. Сотонина

Не было какой-то конкретной статьи, текста или высказывания, которые резко изменили к нему отношения руководства института. С первого дня работы в КИНОТ К.И. Сотонин публиковал спорные высказывания. Иронично, что «Идею философской клиники», этот манифест индивидуализма, отправили из Казани в подарок Владимиру Ленину среди других публикаций казанских НОТовцев [22]. Но на чтение, анализ и критику этих текстов не нашлось времени. А работы К.И. Сотонина по рационализации труда на заводах приносили практический результат. Пространство для личных проектов в академической системе оставалось вплоть до конца десятилетия. В 1929 году К.И. Сотонина арестовали по статье «организация нелегального философско-политического кружка». В газетах началась травля,

организатором которой был начальник философа, директор КИНОТ Иосиф Бурдянский. Философа приговорили к трём годам заключения, которые он отбывал на химическом заводе в Пермском крае. Срок сократили за рационализацию производства. Но путь в науку был закрыт.

К.И. Сотонин привлекал людей со схожим мировоззрением. В этот период его супругой стала Ольга Ротт, дочь офицера царской армии. Сначала девушка вышла замуж за коммуниста-рабочего, чтобы поступить в университет. После – сразу развелась. Константин, который получил специальность инженера-химика, и Ольга работали на спиртовом заводе в посёлке Гребени. В 1944 году К.И. Сотонин провалился в прорубь, когда обследовал местность. Простуда переросла в туберкулёз. 14 марта философ умер. Где находится его могила – неизвестно [12, л. 7-9].

Выводы

Философская клиника – результат длительных личных поисков и переживаний К.И. Сотонина. Она никогда не была теоретическим или утопическим проектом для светлого будущего, но сугубо практическим интеллектуальным инструментом. Логика «клиники» – копировать фрустрации человека любым способом в момент, когда большие нарративы, универсальные ценности и абстрактные концепции уже показали свою несостоятельность. Одним из вариантом помочи был поиск новых нарративов, будь то стоицизм, аморализм или христианская вера.

Проблема, которую должна была решать «клиника», со всей очевидностью встал перед К.И. Сотониным во время переписки с братом А.И. Сотониным. На протяжении нескольких лет К.И. Сотонин мог проводить своеобразную вивисекцию, исследовать внутренний мир разочарованного революционера-поэта. А после 1917 г.

смог по-новому взглянуть на выводы старшего брата, сравнить их с собственными переживаниями, опытом П.И. Сотонина и молодого поколения казанских студентов.

Выводы К.И. Сотонин сделал оптимистичные. Поставив перед собой задачи, соразмерные человеку, уделив время конкретному лицу, отказавшись от идеи философской панацеи, можно сделать мир лучше для одной личности.

Список литературы / References

1. Порошенко О.Ю. Рецепция трансцендентализма И. Канта у казанских философов начала XX века. *Современные философские исследования*. 2020; (1):67–71.
Poroshenko O.Yu. The Reception of I. Kant's Transcendentalism among Kazan Philosophers of the Early Twentieth Century. *Contemporary Philosophical Studies*. 2020; (1):67–71. (In Russ.)
2. Порошенко О.Ю. Концепции субъективности у казанских философов конца XIX – начала XX вв. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014; (1(156)):134–145.
Poroshenko O. Yu. Concepts of Subjectivity among Kazan Philosophers of the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2014; (1(156)):134–145. (In Russ.)
3. История экономической и философской мысли в Казанском университете (под ред. В. А. Мокичева, М. Б. Садыковой, М. Д. Щелкунова). Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. 234 с.
History of Economic and Philosophical Thought at Kazan University (ed. V.A. Mokichev, M.B. Sadykova, M.D. Shchelkunov). Kazan: Kazan University Press, 2003. 234 p. (In Russ.)
4. Костриков С. П. И. М. Бурдянский: «За рационализацию!». *Вестник университета*. 2014; (18):69–75.
Kostrikov S. P. I. M. Burdyansky: "For Rationalization!". *University Bulletin*. 2014; (18):69–75. (In Russ.)
5. Дёмин Р. Н. Сократ как циник: к интерпретации Константина Сотонина. *Вестник Российской христианской гуманитарной академии*. 2020; (1):38–46.
Demin, R. N. Socrates as a Cynic: On Konstantin Sotoinin's Interpretation.
6. Стоюхина Н.Ю. «Труд как источник радости» философа и психолога Константина Ивановича Сотонина. *ИП РАН СЭП*. 2023, (1(29)):268–289.
Stoyukhina N. Yu. "Work as a Source of Joy" by the Philosopher and Psychologist Konstantin Ivanovich Sotonin." Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Social and Economic Philosophy. 2023, (1(29)):268–289. (In Russ.)
7. Сотонин К.И. Идея философской клиники. Казань: «Смена», 2024. 112 с.
Sotonin, K. I. The Idea of a Philosophical Clinic. Kazan: «Smena», 2024. 112 p. (In Russ.)
8. Выставка «Партия Сотониных. На полях казанского авангарда» (22 мая – 30 августа 2025 г.). URL: <https://s-m-e-n-a.org/vystavka-partija-sotoninhy/>
Exhibition "The Party of the Sotonins: On the Margins of the Kazan Avant-Garde" (22 May – 30 August 2025). URL: <https://s-m-e-n-a.org/vystavka-partija-sotoninhy/> (In Russ.)
9. Философская клиника Сотонина. *Красная Татария*. 1930. (23 апр): URL: https://web.archive.org/web/20150405135502/http://rt-online.ru/archive_old/245/10076227/#
"Sotonin's Philosophical Clinic." Krasnaya Tatariya, 1930, 23 April. URL: https://web.archive.org/web/20150405135502/http://rt-online.ru/archive_old/245/10076227/# (In Russ.)
10. ОПРК НБ КФУ. 9895. Дневник А. Сотонина : 22 авг. 1908 г. – 18 мар. 1909 г. 23 л.
DMRB RL KFU. Inv. no. 9895. Diary of A. Sotonin: 22 August 1908 – 18 March 1909. 23 fols. (In Russ.)

11. ОРРК НБ КФУ. 9892. Дневник А. Сотонина : 4 окт. 1909 г. – 31 дек. 1909 г. 46 л. DMRB RL KFU. Inv. no. 9892. Diary of A. Sotonin: 4 October 1909 – 31 December 1909. 46 fols. (In Russ.)
12. Сотонин И.П. Не будьте иванами не помнящими родства : [машинопись ; рукопись]. Семейный архив О. П. Сатонина. Казань, 200?. 50 л.
- Sotonin I.P. Do Not Be Ivans Who Do Not Remember Their Kin [typescript; manuscript]. Family archive of O. P. Sotonin. Kazan, 200?. 50 fols. (In Russ.)
13. Нечкина М.В. Дневники М.В. Нечкиной: Казань и Казанский университет (1917–1924 гг.). Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2003. 107 с.
- Nechkina M.V. The Diaries of M. V. Nechkina: Kazan and Kazan University (1917–1924). Kazan: Kazan University Press, 2003. 107 p. (In Russ.)
14. Интервью с Е.А. Миллер и Е.И. Сатониной, 18.06.2025, и интервью с Л.Я. Веряскиной, 01.07.2025. Личный архив автора. Казань.
- Interview with E. A. Miller and E. I. Sotonina, 18 June 2025, and interview with L. Ya. Veryaskina, 1 July 2025. Author's private archive. Kazan. (In Russ.)
15. Сотонин К.И. Идея философской клиники: (введение в систему философии). Казань: Государственное издательство Авт. Тат. соц. сов. республики, 1922. 52 с.
- Sotonin, K. I. The Idea of a Philosophical Clinic: (An Introduction to a System of Philosophy). Kazan: The state publishing house of Auth. Tat. soc. soviets. republics, 1922. 52 pp. (In Russ.)
16. Сотонин К.И. НОТ как философия трудящихся масс. Казань: Тип. быв. «Труд», 1924. 16 с.
- Sotonin K.I. The Scientific Organization of Labour as a Philosophy of the Working Masses. Kazan: The printing house ex «Trud», 1924. 16 p. (In Russ.)
17. Сотонин К.И. Анализ эстетического переживания. Казань: Лит. Худож. инст., 1925. 18 с.
- Sotonin K.I. An Analysis of Aesthetic Experience. Kazan: Lithography of the Art Institute, 1925. 18 pp. (In Russ.)
18. Сотонин К.И. Сократ. Введение в косметику. М.: «Циолковский», 2020. 320 с.
- Sotonin K.I. Socrates. An Introduction to Cosmetology. Moscow: «Tsiolkovsky», 2020. 320 p. (In Russ.)
19. Сотонин К.И. Темпераменты : проблемы и гипотезы. Казань: Государственное издательство, 1921. 96 с.
- Sotonin, K. I. Temperaments: Problems and Hypotheses. Kazan: The State Publishing House, 1921. 96 p. (In Russ.)
20. Юнгер Э. Эвмесвиль. М.: ACT, 2023. 544 с.
- Jünger, E. Eumeswil. Moscow: AST, 2023. 544 pp. (In Russ.)
21. Агамбен Дж. Царство и Слава: к теологической генеалогии экономики управления. М.; СПб., Изд-во Института Гайдара, 2019. 552 с.
- Agamben, G. The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government. Moscow; St Petersburg, The Gaidar Institute Publishing House, 2019. 552 p. (In Russ.)
22. В.И. Ленину от Казанского Института Научной организации труда (муляж). МНК КП ОФ-6662. Муниципальное бюджетное учреждение культуры города Казани «Музейный комплекс города Казани», 1922. 1 л.
- To V. I. Lenin from the Kazan Institute for the Scientific Organization of Labor (facsimile). Inv. MNKKPOF-6662. Municipal Budgetary Cultural Institution of the City of Kazan “Museum Complex of the City of Kazan”, 1922. 1 leaf. (In Russ.)

Информация об авторе

Ротов Иван Михайлович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. AuthorID: 1262253, ORCID 0009-0008-5009-3192, Email: stamatin.peter@yandex.ru

Information about author

Rotov Ivan Mikhailovich, postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. AuthorID: 1262253, ORCID 0009-0008-5009-3192, Email: stamatin.peter@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.10.2025; принятa к публикации 24.11.2025.

Received 17.10.2025; Accepted 24.11.2025.

Научная статья

Research article

УДК 165.9

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.89-98>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Эпистемические добродетели и пороки
студентов-философов в оценках профессоров
Императорского Казанского университета
(по материалам рецензий на медальные сочинения
1913-1916 гг.)**

Хорт М.Г.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д. 18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследуется академический ethos дореволюционной философии в Казанском университете через анализ рецензий профессоров на студенческие медальные сочинения 1913–1916 годов. Исследование базируется на методологии «моральной экономики» науки, предполагающей изучение неформальных ценностей и практик научного сообщества. Основное внимание уделяется реконструкции системы эпистемических добродетелей и пороков, которые формировали нормативные границы профессионального сообщества. Анализ выявляет две взаимосвязанные группы добродетелей. Фундамент составляли «релайабилистские» добродетели, обеспечивавшие надежность знания: филологическая точность, скрупулезная работа с первоисточниками, методическая корректность и стилистическая ясность. На их фундаменте базировались «респонсилистские» добродетели, направленные на генерацию нового понимания: критическая автономия, методологическая рефлексия, междисциплинарная смелость и самостоятельность постановки проблем. Иерархия пороков, таких как поверхностность, стилистическое несовершенство и фактологические ошибки, выстраивалась как строгая антитеза этим добродетелям. Таким образом, академический ethos казанской философской школы представлял собой целостную систему, сочетавшую воспроизведение классических стандартов «нормальной науки» с поощрением интеллектуальной ответственности и творческого развития норм.

Ключевые слова: академический ethos, моральная экономика науки, эпистемические добродетели, интеллектуальная история, университетская философия

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта, предоставленного Академией наук РТ в 2024 году, проект №5002 «Разработка и внедрение цифрового интеллектуального пространства по изучению и популяризации региональной философской мысли Виртуальный музей-библиотека “Казань философская”».

Для цитирования: Хорт М.Г. Эпистемические добродетели и пороки студентов-философов в оценках профессоров Императорского Казанского университета (по материалам рецензий на медальные сочинения 1913–1916 гг.). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(4(71)):89–98.

Epistemic Virtues and Vices of Philosophy Students in the Evaluations of Professors at the Imperial Kazan University (Based on Reviews of Prize-Winning Essays from 1913–1916)

Khort M.G.

Kazan Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, 420008, Kazan, Russia

Abstract. The article examines the academic ethos of pre-revolutionary philosophy at Kazan University through an analysis of professors' reviews of students' prize-winning essays from 1913–1916. The study is based on the methodology of the «moral economy» of science, which involves studying the informal values and practices of a scholarly community. The primary focus is on reconstructing the system of epistemic virtues and vices that shaped the normative boundaries of the professional community. The analysis reveals two interconnected groups of virtues. The foundation consisted of «reliabilist» virtues ensuring knowledge reliability: philological accuracy, meticulous work with primary sources, methodological correctness, and stylistic clarity. These underpinned «responsible» virtues aimed at generating new understanding: critical autonomy, methodological reflection, interdisciplinary boldness, and independent problem-setting. The hierarchy of vices, such as superficiality, stylistic imperfection, and factual errors, was constructed as a strict antithesis to these virtues. Thus, the academic ethos of the Kazan philosophical school represented an integrated system that combined the reproduction of classical «normal science» standards with the encouragement of intellectual responsibility and the creative development of norms.

Keywords: academic ethos, moral economy of science, epistemic virtues, intellectual history, university philosophy

Acknowledgements: The research was funded by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in 2024, project No. 5002 "Development and Implementation of a Digital Intellectual Space for the Study and Popularization of Regional Philosophical Thought: The Virtual Museum-Library 'Kazan Philosophical'."

For citation: Khort M.G. Epistemic Virtues and Vices of Philosophy Students in the Evaluations of Professors at the Imperial Kazan University (Based on Reviews of Prize-Winning Essays from 1913–1916). *The Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2025;(4(71)):89–98 (In Russ.)

Введение

Социальная история науки долгое время представляла прогресс знания как безличный процесс, движимый развитием «рационально организованных и регулируемых институтов» [1, p.3]. Однако в последние десятилетия внимание исследователей всё чаще привлекает «моральная экономика» научного сообщества. Под ней подразумевается сложная система ценностей,

аффектов и неформальных правил, которая определяет повседневную жизнь учёных и конституирует сами условия производства знания. Этот поворот обусловил обращение историков и философов науки к неожиданным источникам, призванным реконструировать неформальные правила и ценности, определявшие жизнь академического сообщества.

Типичным примером такого подхода является исследование Кристиана Энгбертса, который через анализ переписки между философом Вильгельмом Вундтом и его учеником Гуго Мюнстербергом раскрывает диалектику двух ключевых академических добродетелей: критической независимости и коллегиальной лояльности [2]. Указанные ученые по-разному понимали то, как должна выражаться академическая благодарность и лояльность ученика к учителю. Мюнстерберг, уже будучи успешным профессором в Гарварде, демонстрировал свою верность ритуально. Он размещал портрет Вундта в своей лаборатории и посыпал ему первые экземпляры своих книг. Вундт же, упрекая ученика в «поспешной и недостаточно зрелой» работе, в своих письмах намекал, что истинная благодарность и лояльность проявляются не в символах, а в добросовестном, тщательном и методичном труде, свободном от карьерных расчетов. Этот частный, почти интимный конфликт, зафиксированный в эпистолярном наследии, является важным источником для исследования академических норм XIX века.

Микроанализ, подобный реализованному Энгбертсом, показывает, что академический ethos формируется в конкретных взаимодействиях. Однако для его полного понимания недостаточно изучать лишь межличностные отношения и поощляемые добродетели. Не менее важную роль играет коллективное определение и осуждение тех практик, которые сообщество считает недопустимыми — исследовательских пороков. И здесь масштаб анализа можно расширить. Если Энгбертс фокусируется на конфликте внутри одной научной школы, то другие исследователи, как например, Сжанг Хаген и Герман Пол, показывают, что целые дисциплины использовали риторику интеллектуального порока для самоопределения [3]. Так, немецкие исто-

рики и физики XIX века единодушно предостерегали коллег и учеников от «спекуляции», «отсутствия здравого смысла» и «чрезмерной систематизации», которые, по их мнению, воплощали в себе философы-идеалисты. Эта риторическая практика служила четкому разграничению новых эмпирических исследований от старой натурфилософии и гегельянской философии истории. Создаваемый ими негативный образ «философа» функционировал как своеобразное «соломенное чучело», что позволяло эмпирически ориентированным дисциплинам на контрасте подчеркнуть свою приверженность таким исследовательским добродетелям, как точность, ясность изложения и опора на фактический материал. Таким образом, пороки оказывались концептуально и риторически неотделимы от добродетелей, а их осуждение было центральным элементом «пограничной работы» по самоопределению новых научных сообществ.

Указанные примеры показывают, что изучение «моральной экономики» науки требует выхода за рамки официальных публикаций и обращения к анализу оценочных практик. Под последним подразумеваются все повседневные действия, в которых учёные оценивают друг друга и тем самым воспроизводят и пересматривают границы допустимого и желаемого. Такими практиками могут служить частная переписка, редакторская работа в журналах, оппонирование на защитах диссертаций, написание рекомендательных писем и, что особенно важно для нашего исследования, рецензирование [2, р. 13, 17–18]. Именно в этих жанрах наиболее отчётливо обсуждаются контуры эпистемического идеала, методологических ориентиров, а также того, что сообщество считает недопустимым.

Настоящая статья продолжает эту исследовательскую программу, перенося её в контекст казанской дореволюционной философии. Мы предлага-

ем исследовать её академический ethos через анализ, на первый взгляд, маргинального, но чрезвычайно репрезентативного источника – отзывов профессоров на так называемые медальные или конкурсные сочинения студентов.¹ Эти тексты, хранящиеся в архиве Казанского университета, являются уникальным материалом, поскольку сами по себе представляют важные интеллектуальные свидетельства, раскрывая собственные философские позиции, приоритеты и круг тем, волновавших дореволюционных философов. В суждениях о студенческих работах выражаются методологические установки состоявшихся исследователей, что делает эти отзывы своего рода краткими, но концентрированными философскими манифестами или критическими эссе. Также эти документы обладают значительным биографическим потенциалом, так как зачастую написаны на работы студентов, которые в дальнейшем сами стали профессиональными учёными, публицистами или общественными деятелями.

Наиболее же важно для наших целей то, что именно в этих рецензиях состоявшиеся учёные в явной и дидактической форме проговаривают, к чему должен стремиться и чего избегать начинающий исследователь. Они прямо высказывают похвалу за «тщательность», «самостоятельность мысли», «критический анализ источников» или, напротив, порицают за «поспешность»,

«незрелость суждений», «неблагодарность» к предшественникам, а также, по аналогии с немецкими коллегами, за «спекулятивность» или «отсутствие здравого смысла». Здесь, как и в корреспонденции Вундта и Мюнстерберга, работает язык академических добродетелей и пороков. Эти высказывания являются материалом для реконструкции той системы ценностей, которая усваивалась новыми поколениями учёных в стенах российских университетов. Таким образом, анализ рецензий на студенческие сочинения позволяет заглянуть в «закулисье» философского образования и производства знания в дореволюционной России. Благодаря ему можно увидеть, как формировалась локальная моральная экономика отечественной философии, какие интеллектуальные добродетели в ней ценились выше других, какие пороки считались наиболее разрушительными и как в педагогическом процессе передавался не только набор идей, но и набор этических и интеллектуальных установок, конституирующих учёного как члена профессионального сообщества.

Таким образом, объектом настоящего исследования выступают оценочные высказывания казанских дореволюционных профессоров философии, зафиксированные в рецензиях на медальные сочинения студентов. Целью работы является реконструкция академического ethos российской (казанской) философии указанного периода через системный анализ словаря добродетелей и пороков, который использовали наставники для оценки начинающих исследователей. Научная новизна исследования заключается, во-первых, во введении в научный оборот нового корпуса источников; во-вторых, в применении оптики «моральной экономики» науки и истории академических добродетелей к материалу отечественной интеллектуальной истории, что позволяет перейти

¹ Медальные (конкурсные) сочинения – форма поощрения академических успехов студентов в российских дореволюционных университетах, предполагавшая написание научной работы на заданную факультетом тему. Институционализированные Уставом 1804 г., они были сохранены Уставом 1835 г., который ввел процедуру анонимного написания работ под девизом с последующей коллегиальной оценкой. Устав 1863 г. придал им высокий статус, разрешив засчитывать удостоенные медали сочинения в качестве кандидатской диссертации. Устав 1884 г. сохранил практику, но несколько снизил её значение в новой системе аттестации, отменив возможность засчитывать такие сочинения в качестве кандидатских работ [4, с. 169–170].

от истории идей и институтов к истории практик формирования «scholarly persona.¹ Проблема, на решение которой направлена статья, состоит в преодолении абстрактного представления о нормах академической культуры и в выявлении конкретных ценностных ориентиров, которые направляли становление философа как профессионала в дореволюционной России. Актуальность данной проблематики обусловлена ее связью с научными задачами современной философии науки и образования: пониманием механизмов трансляции и воспроизведения академических ценностей, а также исследованием педагогических измерений производства знания. Практическая значимость работы видится в том, что реконструированная модель академического ethos может служить инструментом для компаративного анализа и основой для рефлексии о современных педагогических практиках и критериях научной добросовестности.

Материалы

Эмпирическую основу данного исследования составляет корпус из шести отзывов, написанных профессорами Казанского университета на медальные сочинения студентов в 1913-1916

годах. Общий объем данных текстов – примерно 76 тысяч печатных знаков. Данные рецензии сохранились, поскольку они публиковались в качестве приложения к ежегодному отчету о деятельности университета.

Центральное место в исследовании занимают три отзыва, составленные Иваном Ивановичем Ягодинским – признанным специалистом по философии Лейбница. Особый интерес представляет его отрицательная рецензия, поскольку именно в ней наиболее отчетливо проявляются границы допустимого в академической философии того времени. Другой значимый блок источников образуют две рецензии эпистемолога и специалиста по античной философии Александра Дмитриевича Гуляева, написанные на работы одного и того же студента, Константина Ивановича Сотонина. Этот материал особенно показателен, поскольку позволяет проследить формирование научной преемственности: впоследствии Сотонин сам стал академическим философом и признавал определяющее влияние Гуляева на становление своих взглядов. Завершает корпус рецензия Владислава Францевича Залесского, профессора юридического факультета, специализировавшегося на философии права. Включение его рецензии в анализ позволяет выявить общие черты философского ethos, транслировавшиеся через разные факультеты университета.

Результаты

Анализ указанных рецензий позволяет реконструировать сложную систему эпистемических добродетелей и пороков, составлявших ядро академического ethos дореволюционной философии. Важно, что эти рецензии представляли собой официальные документы, что придавало выраженным в них оценкам характер общепризнанных стандартов академического сообщества.

Система эпистемических добродетелей в казанской академической среде выстраивалась вокруг нескольких ключевых принципов, причем их иерархия и взаимосвязь прослеживаются с определенной последовательностью во всех анализируемых документах. Центральное место занимала работа с первоисточниками, выступавшая не просто техническим требованием, но гарантом академической добросовестности. Так, Ягодинский в рецензии на работу Гурьянова 1913 года специально отмечает преимущественное использование первоисточников при наличии авторитетных второстепенных работ как особое достоинство [6, с. 21], тогда как в отрицательной рецензии на анонимное сочинение именно пренебрежение первоисточниками становится главным основанием для неприятия работы. Профессор с возмущением констатирует, что автор ограничился компиляцией из вторичного и поверхностного конспекта Тувере, что привело к катастрофическому упрощению материала: «9 огромных страниц французского текста Герхардта, содержащих множество самого разнообразная материала, у автора в его изложении занимают только 2,5 страницы» [7, с. 34]. Эта добродетель тесно связывалась с филологической точностью. Ягодинский, например, отдельно упрекает студента за пропущенную опечатку в издании Эрдманна, что свидетельствует о культтивации предельной внимательности к тексту как основе профессиональной честности исследователя [6, с. 22].

Второй важнейший комплекс добродетелей касался методологической рефлексии и системности мышления. Гуляев в рецензии на работу Сотонина 1914 года особо выделяет примененный метод «имманентной критики» [7, с. 4], под которым подразумевается скрупулезное сопоставление интерпретаций Наторпа с текстами Платона, что позволяет студенту выявить «со-

зательную модернизацию и кантизацию Платона немецким философом». Ягодинский в рецензии на работу В.М. Ермолаева¹ 1916 года, напротив, упрекает автора в «смещении точек зрения», то есть попытке оценивать метафизическую концепцию Лейбница с позиций психофизиологического монизма, подчеркивая таким образом важность сохранения контекстуальной адекватности и методологической дисциплины [9, с. 36]. Эти требования отражают стремление к концептуальной строгости, то есть работа должна представлять собой не просто сумму знаний, а целостное интеллектуальное произведение с внутренней логикой и последовательностью. Показательно, что Ягодинский в рецензии на Гурьянова критикует незавершенность заключительной главы, лишенной общей синтезирующей идеи, видя в этом нарушение принципа системности [6, с. 21].

Особый интерес представляет проблема допустимой степени критичности и самостоятельности мышления. Гуляев одобряет «злое остроумие» Сотонина в разборе Наторпа, видя в этом недостаток, а достоинство, посколь-

¹ Вадим Михайлович Ермолаев (1892–1955) был выдающимся выпускником историко-филологического факультета Императорского Казанского университета. В своей конкурсной работе он на 618 страницах обсуждает переписку Г. Лейбница с Р. Бойлем. Известно, что Лейбниц был не только метафизиком, но и одним из пионеров научной статистики. Именно в его трудах и особенно переписке содержатся предложения по систематическому сбору и анализу демографических данных для нужд государственного управления. Примечательно, что именно статистика в дальнейшем стала профессиональным призванием В.М. Ермолаева: он стал одним из первых руководителей Госплана ТАССР и заведующим кафедрой статистики в Казанском финансовом институте [8]. Помимо этого, он на протяжении всей жизни увлекался конструированием арифмометров (конструкция которых восходит к вычислительным машинам самого Лейбница). Все это указывает на глубокую и непрерывную связь между его образованием и последующей профессиональной деятельностью.

ку оно служит разоблачению интеллектуальной недобросовестности [7, с. 5]. Однако Залесский в рецензии на работу Овчинникова осуждает «непосильную для студента критику первоклассных мыслителей», выражившуюся в «поверхностных и наивных замечаниях», указывая тем самым на важность соразмерности критических амбиций исследовательской компетенции [9, с. 50]. Это противоречие раскрывает сложный баланс, который поддерживался в академическом этосе между поощрением самостоятельности мышления и требованием академической скромности, между смелостью в полемике и необходимостью обоснованности критических суждений.

Знакомство с рецензиями позволяет проследить, как граница между добродетелью и пороком часто определялась конкретным контекстом и уровнем подготовки исследователя. В частности, междисциплинарность, которую Гуляев одобряет в работе Сотонина 1915 года как «сверхдолжную заслугу» [10, с. 25] (она состояла в реконструкции «мирочувствования европейского пранаарода» на основе данных сравнительного языкознания), у Овчинникова превращается в порок, когда приводит к фактическим ошибкам в исторических примерах. Аналогично, критическая смелость, поощряемая в разборе Наторпа, осуждается как «наивность» при анализе «первоклассных мыслителей». Эта контекстуальная зависимость оценок свидетельствует о гибкости академического этоса, его способности дифференцировать требования в зависимости от исследовательской ситуации и уровня зрелости автора.

Эпистемические пороки в системе оценок казанских профессоров выстраивались как строгая антитеза добродетелям. Наиболее серьезным преступлением против академического этоса считалась поверхностность, выражавшаяся в неспособности опре-

делять суть исследуемой проблемы. Ягодинский в отрицательной рецензии дает уничижительную характеристику такой работе: «моросящий дождь из философских терминов» без связной мысли, где автор демонстрирует полное непонимание предмета, ограничиваясь механическим переложением источников [7, с. 34]. Эта «скомканность изложения», по его оценке, свидетельствует об отсутствии не только «прилежания, но даже просто корректности» [7, с. 34].

Столь же нетерпимым пороком признавалось стилистическое несовершенство, причем профессора проявляли единодущие в его критике. Ягодинский в рецензии на работу Гурьянова указывает на неотделанность стиля, проявляющуюся в отрывочности, повторах и трудных для понимания пассажах [6, с. 20]. Залесский в отзыве на сочинение Овчинникова идет дальше, диагностируя влияние «газетного жаргона» и критикуя «сухость» и тоже «отрывистость» изложения [9, с. 48]. Особенно показателен случай, когда Ягодинский с откровенным раздражением цитирует неудачные выражения анонимного автора: «настоящее есть беременная мать будущего» (вместо корректного «чревато будущим»), «более великие животные... рождаются способом трансформации», усматривая в подобном языке принципиальную неспособность к точному философскому мышлению [7, с. 35].

Академический этос казанской философии проявляется особенно рельефно в тех случаях, когда профессора, признавая существенные недостатки, тем не менее рекомендуют работы к высшей награде. Это раскрывает систему приоритетов, где содержательная исследовательская программа ценилась выше формального совершенства. Ягодинский поддерживает работу Гурьянова, несмотря на стилистические погрешности, потому что видит в ней продуманный план и

метод, позволившие автору самостоятельно разобраться в сложном философском памятнике и предложить новую интерпретации». Гуляев хвалит сочинение Сотонина 1914 года, характеризуя его как обширное и серьезное исследование, несмотря на стилистическую «необработанность». Залесский признает труд Овчинникова заслуживающим высшей награды, хотя и констатирует серьезные фактологические ошибки и стилистические недостатки, поскольку видит в работе систематический характер изложения и успешное выполнение историко-философской задачи.

Сравнительный анализ рецензий позволяет проследить эволюцию исследовательского идеала – от требований филологической точности и методической корректности к поощрению междисциплинарной смелости и самостоятельной постановки проблем. Траектория Сотонина особенно показательна: от «блестящего выполнения стандартных требований» в 1914 году к созданию исследования с «собственной методологией» в 1915-м. Если в первой работе рецензент Гуляев отмечает успешное применение метода «имманентной критики», то во второй говорит о «сверхдолжной заслуге» междисциплинарного синтеза. Эта динамика демонстрирует, как в рамках академического этоса культивировался переход от усвоения норм к их творческому развитию, что отражало интеграцию российской философии в общеевропейское научное пространство, где ценность исследования определялась не только безупречностью формы, но и способностью к генерации нового знания.

Выводы

Проведенный анализ выявляет сложную архитектонику академического этоса дореволюционной российской философии, понимаемого как нормативная система интеллектуаль-

ных добродетелей и пороков, конституирующих границы профессионального сообщества. В системе ценностей казанской философской школы четко прослеживается взаимодействие двух уровней эпистемических добродетелей. С одной стороны, фундаментальную основу составляли релайабилистские добродетели, ориентированные на производство доказуемых истин в условиях «нормальной науки». К ним относились требования филологической точности, проявлявшейся в скрупулезной работе с первоисточниками (Ягодинский специально отмечает использование первоисточников и игнорирование второстепенной литературы как особое достоинство), методической корректности (критика «смещения точек зрения» у Ермолаева) и стилистической ясности (единодушное осуждение «газетного жаргона» и «отрывистости» изложения). Эти добродетели обеспечивали воспроизведение базовых стандартов профессионального сообщества и функционировали как механизм контроля качества исследовательской продукции. С другой стороны, не менее значимую роль играли респонсилистские добродетели, связанные с генерацией нового понимания и выходящие за рамки дисциплинарных границ. Поощрение Гуляевым «злого остроумия» Сотонина в полемике с Наторпом, признание «сверхдолжной заслуги» в междисциплинарном синтезе, поддержка исследовательской смелости – все это свидетельствует о ценностной ориентации на развитие критической автономии и методологической рефлексии. Особенно показателен баланс, который профессора поддерживали между поощрением самостоятельности мышления и требованием академической скромности, между смелостью в полемике и необходимостью обоснованности критических суждений. Таким образом, единство этих двух уровней формировало ядро академи-

ческого этоса, в котором идеальный исследователь мыслился как носитель инструментария «нормальной науки», обладающий интеллектуальной ответственностью для его творческого применения и пересмотра.

Рассматривая данный этос в более широком социальном контексте, его можно атрибутировать к классической, аристотелевской модели, основанной на приоритете фундаментального знания и автономии академического сообщества. Требования скрупулезной филологической внимательности, методологической рефлексии и концептуальной строгости выступали не только как эпистемические императивы, но и как форма «пограничной работы», ограждавшей пространство университетской философии от диктата сиюминутной утилитарности. Иными словами, казанская философская школа последовательно стремилась сохранить себя в качестве непруденциального социального блага, чья ценность не сводима к непосредственной практической отдаче. Упреки в «поверхностности», «скомканности» и стилистическом непрофессионализме были направлены против всего, что ассоции-

ировалось с дилетантизмом и внешним вмешательством в автономный мир академического знания.

Таким образом, реконструированный этос представляет собой целостную нормативную систему, в которой эпистемические добродетели были органично связаны с социальными функциями академического сообщества. Через механизм педагогической оценки происходила не только трансляция конкретных знаний, но и формирование особого типа *scholarly persona*, для которой профессиональная компетентность, интеллектуальная честность и автономия суждения составляли нерасторжимое единство. Этот локальный казанский вариант российского академического этоса является важным свидетельством зрелости и саморефлексии отечественной университетской культуры, сумевшей сохранить классические академические ценности накануне исторических потрясений XX века. Сохранение этого этоса остается актуальной задачей и в современных условиях, когда наука и образование подвергаются давлению утилитарных требований.

Список литературы / References

1. Shapin S. *The Scientific Life: A Moral History of a Late Modern Vocation*. – Chicago: University Press, 2008. 488 p.
2. Engberts C. *Scholarly Virtues in Nineteenth-Century Sciences and Humanities: Loyalty and Independence Entangled*. Springer, 2022. 226 p.
3. Hagen S., Paul H. The Icarus flight of speculation: Philosophers' vices as perceived by nineteenth-century historians and physicists. *Metaphilosophy*. 2023; (54 (2-3)):280–294.
4. Антощенко А.В. О значении студенческих конкурсных сочинений в формировании профессиональных историков в дореволюционных российских университетах (случай Г.П. Федотова). *Мир историка: историографический сборник*. Выпуск 10. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2015. С. 168–189.
5. Antoshchenko A.V. On the significance of student competitive essays in the formation of professional historians in pre-revolutionary Russian universities (the case of G.P. Fedotov). *The World of the Historian: Historiographical Collection. Issue 10*. Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, 2015. P. 168–189. (In Russ.)
6. Paul H. What Is a Scholarly Persona? Ten Theses on Virtues, Skills, and Desires. *History and Theory*. 2014; (53):348–371.
7. Отзывы о сочинениях студентов Императорского Казанского Университета, представленных в 1913 году на задан-

ные факультетами темы для соискания наград медалями (Приложение к Годичному отчету о состоянии Императорского Казанского университета за 1912 год). Казань: типо-лит. ун-та, 1913. 37 с.

Reviews of Essays by Students of the Imperial Kazan University, Submitted in 1913 on Topics Set by the Faculties for the Award of Medals (Appendix to the Annual Report on the State of the Imperial Kazan University for 1912). Kazan: University Typo-Lithography, 1913. 37 p. (In Russ.)

7. Отзывы о сочинениях студентов Императорского Казанского Университета, представленных в 1914 году на заданные факультетами темы для соискания наград медалями (Приложение к Годичному отчету о состоянии Императорского Казанского университета за 1913 год). Казань: типо-лит. ун-та, 1914. 37 с.

Reviews of Essays by Students of the Imperial Kazan University, Submitted in 1914 on Topics Set by the Faculties for the Award of Medals (Appendix to the Annual Report on the State of the Imperial Kazan University for 1913). Kazan: University Typo-Lithography, 1914. 37 p. (In Russ.)

8. Давыдов Д.В. «Его руками создана статистика Татарии» (о статистике В. М. Ермолаеве). *Эхо веков*. 2009; (1):101–104.

Davydov D.V. “His hands created the statistics of Tatarstan” (about the

statistician V.M. Yermolaev). *Echo of the Ages*. 2009; (1):101–104. (In Russ.)

9. Отзывы о сочинениях студентов Императорского Казанского Университета, представленных в 1916 году на заданные факультетами темы для соискания наград медалями (Приложение к Годичному отчету о состоянии Императорского Казанского университета за 1915 год). Казань: типо-лит. ун-та, 1916. 67 с.

Reviews of Essays by Students of the Imperial Kazan University, Submitted in 1916 on Topics Set by the Faculties for the Award of Medals (Appendix to the Annual Report on the State of the Imperial Kazan University for 1915). Kazan: University Typo-Lithography, 1916. 67 p. (In Russ.)

10. Отзывы о сочинениях студентов Императорского Казанского Университета, представленных в 1915 году на заданные факультетами темы для соискания наград медалями (Приложение к Годичному отчету о состоянии Императорского Казанского университета за 1914 год). Казань: типо-лит. ун-та, 1915. 84 с.

Reviews of Essays by Students of the Imperial Kazan University, Submitted in 1915 on Topics Set by the Faculties for the Award of Medals (Appendix to the Annual Report on the State of the Imperial Kazan University for 1914). Kazan: University Typo-Lithography, 1915. 84 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Хорт Михаил Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. Author ID 57211906295; ORCID 0000-0003-4284-6533, e-mail: mgkhort@kpfu.ru

Information about author

Mikhail G. Khort, Candidate of philosophical sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. Author ID 57211906295; ORCID 0000-0003-4284-6533, e-mail: mgkhort@kpfu.ru

Поступила в редакцию 20.10.2025; принятая к публикации 17.11.2025.
Received 20.10.2025; Accepted 17.11.2025.

УДК 070.1

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.99-106>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Медиаструктура и тематическая повестка общественно-политических СМИ Республики Татарстан

Гарифуллин В.З.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1*

Аннотация. Современная медийная система Республики Татарстан претерпела значительные изменения, связанные с кардинальными изменениями в обществе, а также появлением новых типов и видов СМИ. В работе проводится обзор тематических предпочтений общественно-политических СМИ региона. В результате анализа выявлено, что наибольший объем в повестке дня медийных ресурсов Татарстана занимают темы политики, экономики, права, образования, культуры, религии, спорта, проблем жилищно-коммунального хозяйства и быта, а также криминальная тематика. Исследование показывает, что медийные ресурсы Татарстана вносят большой вклад в патриотическое воспитание населения, развитие национальных культур, являются важным фактором его самоутверждения как экономически и духовно сильного региона.

Ключевые слова: медиа, аудитория, тематика, Республика Татарстан, интернет, сайт

Для цитирования: Гарифуллин В.З. Медиаструктура и тематическая повестка общественно-политических СМИ Республики Татарстан. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (4(71)):99–106.

Media Structure and Thematic Agenda of Socio-Political Mass Media in the Republic of Tatarstan

Garifullin V.Z.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The modern media system of the Republic of Tatarstan has undergone significant changes related to fundamental changes in society, as well as the emergence of new types and types of media. The paper provides an overview of the thematic preferences of modern media resources in the region. As a result of the analysis, it was revealed that the topics of politics, economics, law, education, culture, religion, sports, housing and communal services and everyday life, as well as criminal topics occupy the largest volume on the agenda of the socio-political media of Tatarstan. The study shows that Tatarstan's media resources make a great contribution to the patriotic education of the population, the development of national cultures, and are an important factor in its self-affirmation as an economically and spiritually strong region.

Keywords: media, audience, subject, Republic of Tatarstan, Internet, website
For citation: Garifullin V.Z. Media Structure and Thematic Agenda of Socio-Po-
litical Mass Media in the Republic of Tatarstan. *The Kazan Social and Humanitar-
ian Bulletin.* 2025; (4(71)):99–106 (In Russ.)

Введение

Важным условием развития современного российского общества является богатство и разнообразие его информационного поля. Положительный опыт деятельности массмедиа на языках народов Российской Федерации нуждается в активном изучении со стороны научного сообщества, обобщении и распространении в качестве одного из ключевых механизмов построения цивилизованного демократического общества в России. «СМИ на национальных языках не только обеспечивают потребность в информации этнической аудитории, но и способствуют поддержке самосознания и культуры этнических групп; укрепляют, с одной стороны, этническую идентичность малых народов и, с другой стороны, общероссийскую гражданскую идентичность народов, проживающих в различных субъектах Российской Федерации» [1, с. 4].

В условиях глобализации и цифровизации современного медиапространства полностью меняются парадигмы деятельности национальных СМИ как в технологическом, так и в организационно-творческом аспектах. Все это требует оперативного научного осмысления, в том числе для выработки дальнейших оптимальных моделей развития национальной и региональной журналистики. В связи с этим изучение опыта работы региональных и этнических медиа в условиях новых вызовов оказалось в поле зрения многих исследователей теории медиа. Наиболее актуальные аспекты адаптации таких СМИ к новым общественно-политическим и технологическим условиям содержатся в работах Е.В. Вартановой [2], А.А. Гладковой [1],

К.В. Дементьевой [3], Е.С. Дорошук [4], Р.Л. Исхакова [5], Т.С. Черевко [6] и др.

Региональные медиа и СМИ на различных языках народов России нуждаются не только в научном анализе, но и в определении основ их стратегического развития в связи с массой вызовов, характерных для современности.

Методы

Методологическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных авторов, изучающих роль медиа в современном обществе [2, 3, 4]. Существуют разные концептуальные подходы к изучению взаимодействия медиа и общества. Эти концепции связаны с структурно-функциональным, критическим, синергетическим и конструктивистским подходами. Наиболее эффективным при изучении путей развития региональных медиа является, на наш взгляд, структурно-функциональный подход, рассматривающий СМИ как целостный объект, в рамках которого элементы выполняют определённые функции в обществе. Он предполагает комплексный анализ роли и места элементов медиасистемы в контексте их функций. В рамках этого подхода была проанализирована структура медиа в Республике Татарстан и мероприятия, направленные на взаимодействие с журналистским сообществом (на базе статистических данных Роскомнадзора и АО «Татмедиа»). Для того, чтобы выявить тематическую палитру СМИ Республики Татарстан, был проведен тематический контент-анализ десяти наиболее влиятельных татарстанских общественно-политических газет, журналов, интернет-ресурсов, теле- и радиоканалов за 2024-2025 гг.

Отбор СМИ производился на основе рейтинга системы мониторинга и анализа российских медиаресурсов «Медиалогия», учитывающего уровень индекса цитируемости 106 тысяч медиаисточников. Эмпирическую базу составили материалы таких изданий, как ИА Татар-информ, Business-gazeta.ru, Kazanfirst.ru, Realnoevremya.ru, Inkazan.ru, Evening-kazan.ru, ГТРК Татарстан, Татарстан-24, ТНВ-Татарстан, Челнинские известия (n=2600). При отборе материалов применялся метод шаговой выборки, позволяющий применить способ отбора материалов с равным интервалом (первый выпуск издания каждого месяца). Кодирование элементов медиатекста производилось по принципу соответствия их тематической направленности (социально-экономической, общественно-политической, культурной и др.).

Результаты и обсуждение

Результаты анализа медиаструктуры Республики Татарстан. В постсоветский период система СМИ Татарстана претерпела значительные изменения, связанные с появлением новых типов и видов изданий. В последнее десятилетие XX века под влиянием демократических перемен в обществе и условий рыночной экономики в республике появилось большое количество негосударственных СМИ, в том числе частные СМИ с неограниченным тематическим диапазоном и большим охватом аудитории. Произошло возрождение и насыщение регионального медиарынка новыми тематико-жанровыми и технологическими возможностями. К началу XXI века в Республике Татарстан сложилась устойчивая система средств массовой информации на двух государственных языках: русском и татарском.

По данным Роскомнадзора, на настоящий момент зарегистрировано около 650 наименований средств массовой информации, редакции которых

располагаются на территории Татарстана¹. Из них более 320 печатных изданий на русском, татарском, чувашском и удмуртском языках, более 60 радиоканалов и радиопрограмм, более 200 электронных периодических изданий и шесть информационных агентств. Общий подписной тираж на первое полугодие 2025 года в республике составил более 584,2 тыс. экземпляров. Кроме того, функционируют корпункты четырёх федеральных телеканалов и региональные представительства пяти информационных агентств и пяти федеральных изданий.

Все издания, учреждённые государственными и муниципальными органами, объединены акционерным обществом «Татмедиа» с целью рационального и эффективного использования имеющихся ресурсов. АО «Татмедиа» стал на сегодняшний день одним из крупнейших в стране региональных медиахолдингов. В него входит около 80 филиалов: 100 районных, городских и республиканских газет на русском, татарском, чувашском и удмуртском языках, 15 журналов, 28 телеканалов и радиоканалов, около 90 сайтов в сети Интернет, информационное агентство «Татар-информ», а также одно из ведущих предприятий книгопечатания в Поволжском регионе – полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс»². В условиях активной цифровизации медийного пространства наблюдается падение тиража печатных изданий, входящих в состав акционерного общества. Однако необходимо признать, что это объективный процесс и показатель общемировой тенденции развития массмедиа. Вместе с тем, наличие динамично развивающегося информационного пространства является одним из важных

¹ Перечень наименований зарегистрированных СМИ // Роскомнадзор. URL: <https://rkn.gov.ru/activity/mass-media/>

² Сайт Республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа». URL: <https://tatmedia.ru/>

условий успешного социально-экономического развития региона и духовно-культурного единства населения. Региональные СМИ играют важную роль в решении насущных задач общественно-политической, социально-экономической и духовно-культурной жизни республики, формировании имиджа Республики Татарстан в России и на мировой арене.

Результаты тематического контент-анализа медиатекстов Республики Татарстан и влияния на тематику медиаполя мероприятий для журналистского сообщества. Выявлено, что наибольший объем в повестке дня общественно-политических СМИ Татарстана занимают темы: социального и политического характера (12,5%), экономики (11,3%), культуры (11%), проблемы жилищно-коммунального хозяйства и быта (9,9%), образования (9,3%), досуга и развлечений (8,8%), спорта (7,9%), права и криминальной тематики (7,5%), семьи и воспитания детей (7%), религии (6,9%), тема специальной военной операции и патриотического воспитания (6%) и другие темы. Большое внимание к темам социального и экономического характера объясняется тем, что вошедшие в выборку медийные ресурсы имеют общее типологическое свойство, заключающееся в их общественно-политической направленности. Что касается остальных типов СМИ Татарстана, они имеют более специализированный характер, отвечая информационным потребностям отдельных сегментов аудитории и, соответственно, отражают узконаправленную тематику.

В последние годы в центре внимания проанализированных медиаресурсов оказалась тема участия в национальных проектах, которые позволяют развивать жизнь субъекта РФ по ключевым направлениям. Многие издания ввели специальную рубрику «Национальные проекты». По данным министерства экономики Республики

Татарстан, количество журналистских материалов данной направленности из года в год растет. В рамках республиканского конкурса журналистов «Хрустальное перо» ежегодно проводится состязание в номинации «Лучшая редакция СМИ по освещению национальных проектов в Республике Татарстан»¹. Конкурс призван повысить качество материалов по данной тематике.

2024 год в Татарстане был объявлен Годом научно-технологического развития. Цель инициативы – привлечение талантливой молодежи в сферу науки и технологий, повышение вовлеченности профессионального сообщества в научно-технологическое развитие, а также формирование четкого представления о реализуемых инициативах в области науки и технологий. В течение тематического года средства массовой информации публиковали материалы о лучших ученых и научных школах республики, об открытиях в сфере науки и об эффективном применении научных открытий в производстве, о перспективах развития важнейших научных направлений.

Особая роль средствам массовой информации принадлежит развитию межкультурного диалога, укреплению межнационального и межконфессионального взаимопонимания. Отдельную тематическую группу составили материалы, посвященные взаимообогащающему существованию разнообразных культур, мировоззрений, религий, традиций и языков. Эффективной площадкой для обмена опытом российских журналистов в этом направлении стал Всероссийский журналистский конкурс «Многоликая Россия»², который проходит в Ка-

¹ XXVIII Республиканский конкурс в сфере журналистики и массмедиа «Бәллүр қаләм» – «Хрустальное перо». URL: <https://tatmedia.tatarstan.ru/index.htm/news/2389730.htm>

² XVI Всероссийский журналистский конкурс «Многоликая Россия». URL: <https://tatmedia.tatarstan.ru/index.htm/news/2460413.htm>

зани и собирает наиболее значимых и талантливых журналистов. В рамках конкурса все больше и больше журналистов из разных регионов России представляют свои лучшие работы, освещдающие жизнь, культуру, традиции народов многонациональной страны.

Тема культуры и родного языка стала центральной для СМИ на татарском языке. Широко освещаются масштабные традиционные народные праздники, такие, как русский «Каравон», татарский «Сабантуй», чувашский «Уяв», марийский «Семык», удмуртский «Гырон-быдтон». Более того, некоторые из этих праздников легли в основу названий самих СМИ. Например, детский журнал «Сабантуй» имеет более чем столетнюю историю (прежнее название – «Яшь ленинчы» – «Юный ленинец»). На телевизионном канале «Татарстан – новый век» еженедельно выходит программа «Каравай», где освещаются особенности жизненно-го уклада, быта, традиций, фольклора разных народов, населяющих Республику Татарстан.

В 2024 году в рамках Года семьи, объявленного Указом Президента Российской Федерации, все медийные ре-сурсы республики активно занимались продвижением традиционных семейных ценностей, рассказывали о жизни и проблемах многодетных семей. СМИ принимали непосредственное участие в организации и проведении Всерос-сийского конкурса «Шэжэр – моя родословная»¹. Особое внимание заслу-живает газета «Ватаным Татарстан», на страницах которой еженедельно печатались истории семей, образован-ных в результате «смешанных» браков (по национальным признакам). Газета рассказывала, как внутри одной семьи бережно сохраняются и передаются будущим поколениям традиции, язык и быт разных народов. Работу в этом на-

правлении издание продолжает и в на-стоящее время.

В 2025 году повестка дня татарстан-ских медиаресурсов обогатилась ма-териалами, посвящёнными 80-летию Победы и Году защитника Отечества. К примеру, только за первый квартал юбилейного года редакциями холдинга «Татмедиа» опубликовано более 1000 материалов по этой тематике. Га-зеты, телеканалы и радиостанции за-пустили специальные рубрики о вкладе фронтовиков и тружеников тыла, ин-тервью с ветеранами и их родственни-ками, архивные публикации о военных подвигах, проекты с использованием современных технологий. Детский телеканал «Шаян ТВ» представил рубри-ку «Геройлар» (Герои), где юные веду-щие рассказывают о подвигах военных лет. Телекомпания «Татарстан – Новый век» подготовила и представила ли-тературно-музыкальную композицию «Песни надежды», которая была транс-лирована в дни празднования юбилея Великой Победы.

Сегодня одной из значимых для ме-диапространства Татарстана становит-ся тема СВО. В муниципальных и респу-бликаных СМИ регулярно выходят ре-портажи и видеосюжеты об участ-никах СВО, интервью с родственни-ками бойцов. Материалы публикуются в специализированных тематических рубриках: «СВО», «СВОих не бросаем», «Наши Герои», «Безнекелэр» (Наши), «Герои СВО» и т.д. Информационное агентство «Татар-информ» реализует специальный видеопроект совмест-но с участниками СВО из Татарстана. С начала года выпущено более 100 ви-деороликов. Они размещаются в соци-альных сетях информагентства и рай-онных СМИ. Общее число просмотров всех публикаций по теме СВО в соцсе-тях АО «Татмедиа» превысило 35 млн. Также силами агентства «Татмедиа» была организована большая выставка «Татарстан на СВО». По всей Казани были размещены стенды с портретами

¹ II Всероссийский конкурс-фестиваль «Моя родословная». URL: https://kzn.rpa-mu.ru/news/II_Vserossijskij_konkurs_Moya_rodoslovnaya

Героев России из республики, с историями их подвигов, повествованием о том, как Татарстан поддерживает своих бойцов на передовой.

В 2025 году телеканал «Татарстан – Новый век» запустил новый проект – «Алга». Каждую неделю в эфир выходит получасовая программа, посвящённая людям, которые защищают интересы России на переднем крае СВО, а также тем, кто ждет и поддерживает бойцов в тылу – собирает и доставляет гуманитарную помощь, помогает их семьям, занимается волонтёрской работой. В рамках передачи используются сюжеты и документальные фильмы, которые снимали во время командировок в зону СВО специальные корреспонденты из Татарстана. Отметим также, что с начала специальной военной операции в зону ведения боевых действий уехало несколько журналистов из Татарстана, вернуться живым удалось не всем...

Будущее развития масс-медиа региона видится в активном освоении цифровой среды. На качество и результативность деятельности традиционных изданий огромное влияние оказывает их умение грамотно организовать взаимодействие с сетевыми сервисами. Они сегодня являются главными источниками трафика. Аудитория татароязычных медиаресурсов достигает 1 миллиона человек, а в социальных сетях число пользователей информации на татарском языке еще больше.

В современных условиях, когда повышается уровень всеобщей медийной грамотности населения, усиливается роль тех сфер Интернет-пространства, которые осваиваются энтузиастами. В первую очередь, это блогосфера, позволяющая объединять представителей одной культуры, языка, традиций. Можно предполагать, что блогосфера дает возможность создания единого информационного пространства для представителей малых народов Рос-

сии. В блогосфере на татарском языке функционирует большое количество узкоспециализированных групп, посвящённых конкретным сферам. Наиболее активными в сфере татароязычной блогосферы становятся тематические блоги, посвященные проблемам национальной культуры, образования, литературы и языка.

В блогах проблемно-аналитического характера посетители обсуждают актуальные проблемы общества, высказывают свое отношение к важным событиям в стране и в мире. Однако в татароязычном сегменте блогосферы их количество составляет мизерную долю по сравнению с русскоязычными блогами, особенно беспокоит малая доля аналитических материалов на общественно-политическую тематику. Говоря обо всем этом, приходится признавать и тот неоспоримый факт, что признак этноязыковой идентичности сегодня постепенно растворяется в условиях распространения глобальной информационной сети, «исчезает аспект непосредственного участия и эмоционального воздействия, социокультурные механизмы преемственности шифруются с помощью кодов (языка) виртуальной сети и таким образом подвергаются трансформации» [7, с.122]. В результате влияния глобальных процессов, стирающих специфику менталитета отдельных социальных и этнических сообществ, многие сегменты блогосферы на татарском языке теряют свою уникальную национальную специфику. В этих условиях поддержка усилий по сохранению традиционных ценностей, развитию и продвижению в социальных сетях и блогосфере традиций, культуры, языков народов Российской Федерации, продвижение таких интернет-проектов в мировом информационном пространстве становится актуальной проблемой, решение которой связано с поддержкой на государственном уровне.

Заключение

В современных условиях в Республике Татарстан успешно функционирует целостная система современных медийных ресурсов, охватывающая все слои населения и удовлетворяющая информационные запросы различных аудиторий. Исходя из Стратегии развития медиаотрасли Республики Татарстан на период 2022–2027 гг., разработанной Республиканским агентством по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»¹, медийные ресурсы регионального уровня активно работают над формированием культуры медиапроизводства и медиапотребления. В динамично меняющемся информационном пространстве они стремятся

максимально эффективно охватить потенциальную аудиторию через все имеющиеся платформы и социальные сети, а также через обращение к актуальной и социально значимой тематике. Особая роль в медиасистеме республики принадлежит изданиям и медиаресурсам общественно-политической направленности. Они активно освещают актуальные проблемы социально-экономической и общественно-политической жизни республики, становятся важным фактором самоутверждения Татарстана как экономически и духовно сильного регионального и многокультурной Российской Федерации.

Список литературы / References

1. Гладкова А.А. Функционирование этнических СМИ в структуре медиасистемы полигэтнического региона России: автореф. дис. ... д-ра филол.н. М., 2025. 41 с.
Gladkova A.A. The functioning of ethnic media in the structure of the media system of the multiethnic region of Russia: Abstract ... by Dr. philol. sci. diss. M., 2025. 41 p. (In Russ.)
2. Вартанова Е.Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М.: МедиаМир, 2013. 277 с.
Vartanova E.L. Post-Soviet transformations of Russian media and journalism. Moscow: MediaMir, 2013. 277 p. (In Russ.)
3. Дементьева К.В. Системные, структурные, организационные и типологические особенности формирования региональных моделей СМИ: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2023. 401 с.
Dementeva K.V. System, structural, organizational and typological features of the formation of regional media models: Dissertation of the Doctor of Philology. Moscow, 2023. 401 p. (In Russ.)
4. Doroschuk E.S., Staroverova T.S. Regional Specifics of the Development of Media Brands of Online Media Offices (For Example, the Republic of Tatarstan). *Online Journal of Communication and Media Technologies*. 2019; (9(4)). URL: <https://doi.org/10.29333/ojcmi/6276>.
5. Исхаков Р.Л. Этническая журналистика. М. : ФЛИНТА: Наука, 2018. 192 с.
Iskhakov R.L. Ethnic journalism. M.: FLINTA, 2018. 192 p. (In Russ.)
6. Черевко Т.С., Гладкова А.А. Интернет-СМИ России на языках этнических групп. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2016; (5):56–72.
Cherevko T.S., Gladkova A.A. Online mass media of Russia in the languages of ethnic groups. *Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*. 2016; (5):56–72. (In Russ.)
7. Закирова А.Ж. Интернет-технологии в межэтнической коммуникации. *Власть*. 2014; (11):119–122.
Zakirova A. Zh. Internet technologies in interethnic communication. *Vlast'*. 2014; (11):119–122. (In Russ.)

¹ Об утверждении стратегии развития медиаотрасли Республики Татарстан на период 2022–2027 гг. URL: https://tatmedia.tatarstan.ru/nezavisimaya-antikorruptsionnaya-ekspertiza.htm?corrupt_id=301370

Информация об авторе

Гарифуллин Васил Загитович, доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра национальных и глобальных медиа. Author ID 56070280700; ORCID ID 0000-0001-9402-0018; E-mail: vasilgarifullin@mail.ru

Information about author

Garifullin Vasil Zagitovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Kazan (Volga) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communication, Department of National and Global Media. Author ID 56070280700; ORCID ID 0000-0001-9402-0018; E-mail: vasilgarifullin@mail.ru

Поступила в редакцию 16.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

Received 16.11.2025; Accepted 15.12.2025.

УДК 316.347

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.107-114>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Транснационализм в этносоциологических исследованиях миграции из стран Центральной Азии (на примере Республики Татарстан)

Руднева Я.Б.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1*

Аннотация. Центральной темой этносоциологических исследований в России на протяжении долгого времени остаётся изучение социальных явлений, обусловленных миграцией из стран СНГ – прежде всего из государств Центральной Азии. В статье дается обзор основных направлений, подходов и методов этносоциологического изучения диаспоральных сообществ Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана и Туркменистана, локализованных на территории Республики Татарстан. Систематизация научных публикаций, ориентированных на осмысление механизмов трансформации социокультурной идентичности центральноазиатских мигрантов, их внутренних ресурсов и стратегий адаптации в инокультурной среде, позволила взглянуть на миграционные процессы в Республике Татарстан с позиции транснационализма. Кроме того, аналитический обзор текущего состояния исследований в данной области способствовал определению исследовательских «лакун» и тем, требующих дальнейшего изучения.

Ключевые слова: миграция, центральноазиатские диаспоры, транснационализм

Для цитирования: Руднева Я.Б. Транснационализм в этносоциологических исследованиях миграции из стран Центральной Азии (на примере Республики Татарстан). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (4(71)):107–114.

Transnationalism in ethno-sociological studies of migration from Central Asian countries (case of the Republic of Tatarstan)

Rudneva Y.B.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The central topic of ethno-social research in Russia has been the study of social phenomena caused by migration from Central Asian CIS countries for a long time. The article discusses the main approaches and methods used to study the ethnic diasporas from Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan, and Turkmenistan that reside in the Republic of Tatarstan. The purpose of this article is to systematically review scientific publications on Central Asian

migration in the Republic of Tatarstan over the past twenty years, with a focus on transnationalism. This will help identify areas where there is a lack of scientific knowledge, topics that need further exploration, and set new research objectives.

Keywords: migration, Central Asian diasporas, transnationalism

For citation: Rudneva Y.B. Transnationalism in ethno-sociological studies of migration from Central Asian countries (case of the Republic of Tatarstan). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025; (4(71)):107–114 (In Russ.)

Введение

Поворот отечественной этносоциологии в первом и втором десятилетиях 2000-х гг. в сторону глубинного исследования этнических сообществ центральноазиатских стран, динамично прирастающих за счёт соотечественников, прибывающих на заработки из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана и Туркменистана, был обусловлен, с одной стороны, усилением интенсивности миграционных потоков и ростом локализованных на территории Российской Федерации соответствующих этнических диаспор, с другой – эскалацией социальной напряженности между прибывающими мигрантами и принимающим населением. Наиболее привлекательными для трудовых мигрантов стали экономически высокоразвитые территории Российской Федерации: столичные регионы и их ближайшая периферия, а также Ханты-Мансийский АО, Новосибирская область, Приморский край и др. [1, с. 42].

Для Республики Татарстан как региона с благоприятным инвестиционным климатом и высоким уровнем качества жизни также был характерен процесс численного наращивания центральноазиатских диаспор за счёт значительного притока трудовых мигрантов. В 2012 года поток трудовых мигрантов по сравнению с началом 2000-х годов увеличился в республике почти на 66%, однако, как отмечает Р.Р. Фахрутдинов, доля мигрантов из стран Центральной Азии, начиная с 2000-го года, была самой низкой (37,98%). Во втором десятилетии 2000-х годов поток мигрантов

из стран Центральной Азии заметно усилился, при этом доля Татарстана во втором десятилетии 2000-х не превышала 10% от общероссийских данных [2, с. 9-11].

Цель статьи заключается в том, чтобы не только систематизировать научные публикации в ретроспективе более чем двадцатилетнего опыта этносоциологических исследований центральноазиатской миграции в Республике Татарстан, но и обозначить темы, требующие дальнейшего изучения.

Методология и методы

Тенденции в изучении социальных изменений, вызванных активностью миграционных процессов в российских регионах, обозначились уже в первом десятилетии 2000-х гг. и сохраняют актуальность в настоящее время. Если укрупненно сгруппировать массив научных исследований с точки зрения определения объекта изучения, то можно обозначить два подхода. Представители первого подхода рассматривают в качестве объекта принимающее российское общество, сосредоточившись на анализе и оценке ярко выраженных социальных реакций в процессе межэтнического взаимодействия со стороны государственных и общественных институтов, а также принимающего населения в целом. В рамках второго подхода как объект исследования рассматриваются диаспоральные сообщества и/или их отдельные представители. Данный подход нацелен на изучение различных вариантов социального конструирования коллективных и индивидуальных

практик мигрантов, позволяющих им не только адаптироваться к постоянно меняющимся условиям, но и создавать собственную социальную реальность.

В данной статье систематизированы научные публикации, которые ориентированы, в первую очередь, на осмысление механизмов трансформации социокультурной идентичности центральноазиатских мигрантов, их внутренних ресурсов и стратегий адаптации в инокультурной среде и позволяют взглянуть на миграционные процессы, характерные для Республики Татарстан, с позиции транснационализма.

В научный оборот термин «транснационализм» был введен в 1990-е гг. исследовательским коллективом под руководством Н. Глик Шиллер. В концепции транснационализма мигранты рассматриваются как новая социальная общность – трансмигранты, которые формируют многоуровневые социальные и экономические связи в двух и более обществах, одновременно проявляя социальную субъектность как в принимающей стране, так в стране происхождения и/или исхода. Как отмечает С.Н. Абашев, в настоящее время традиционное деление мигрантов «по странам исхода или даже по национальности» проблематично соотносить с исторически сложившимся многообразием региональных и социальных групп среднеазиатского общества [3, с. 10]. Птерогенность этого общества и быстро изменяющаяся в условиях мировой глобализации структура самой миграции, по мнению учёного, обесценивают попытки российских исследователей создать «усредненный» портрет мигранта, поскольку в процессе массового трансграничного передвижения формируются уникальные практики конструирования социальной реальности в зависимости от региона пребывания, социального положения, индивидуального мировосприятия и других факто-

ров. Призывая исследователей взглянуть на миграцию «этнографическим» взглядом, С.Н. Абашев предлагает считать предметом исследования в рамках изучения среднеазиатской миграции повседневные практики, объектом – локальные сообщества, полем – транснациональное пространство [3].

Исходя из указанных теоретических посылов в обзор были включены научные работы, в которых исследуются не только коллективные и индивидуальные повседневные практики мигрантов из стран Центральной Азии, включенных в транснациональное пространство, но и специфика Республики Татарстан как принимающего региона, которая определяет уникальность и многообразие жизненных стратегий мигрантов.

Результаты и обсуждение

Пик активного этносоциологического изучения диаспоральных сообществ из государств Центральной Азии в Республике Татарстан совпал с активной фазой «наплыва» трудовых мигрантов и пришелся на второе десятилетие 2000-х гг. Однако первые исследовательские работы адаптационных стратегий и повседневных практик данной категории мигрантов появились гораздо раньше [4]. В этот период в исследовательский фокус попали особенности функционирования различных организационных форм поддержки этнических сообществ, обеспечивающих не только сохранение и поддержание национальной идентичности, но и более «мягкий» вариант адаптации вновь прибывавших мигрантов. Сравнение и анализ уровня вовлеченности центральноазиатских и российских национально-культурных автономий, действующих на территории Республики Татарстан, в процесс адаптации трудовых мигрантов позволил Э.А. Сагдиевой сделать вывод о том, что наиболее активно в этом направлении действуют узбекская

и таджикская национально-культурные автономии [5]. Дальнейшее развитие этой темы позволило расширить этнический перечень организационных форм поддержки диаспоральных сообществ, действующих на территории Республики Татарстан [6].

Эмпирическое обоснование флексибельности и динамичности этнокультурных идентичностей центральноазиатских мигрантов, обосновавшихся в Республике Татарстан, было дано Н.И. Оморовой. По мнению исследовательницы, нестабильность и многоуровневый характер подобных этнокультурных идентичностей может спровоцировать их возможную трансформацию по кризисному пути. Об этом свидетельствует преобладание в самоидентификации центральноазиатских мигрантов этнонационального и конфессионального признаков. Однако, как справедливо отмечает Н.И. Оморова, подобная диспропорция может быть обусловлена проживанием вне зоны «своей традиционной культуры» и имеет тенденцию к сокращению в пользу социальной, личной и профессиональной идентичностей [7, с. 163]. В логике транснационального подхода она акцентирует внимание на различиях в самоидентификации представителей узбекской, таджикской, киргизской, казахской и туркменской диаспор, устанавливая очевидную «неодинаковость» в восприятии ими собственной этнической уникальности. В то же время выбор центральноазиатскими мигрантами в пользу Республики Татарстан как постоянного или временного места проживания становится консолидирующим фактором благодаря общим историческими, языковыми корнями с татарским населением, схожести культур и наличию общего исторического прошлого.

Одна из первых попыток глубинного изучения стратегий адаптации на территории Республики Татарстан узбекских и таджикских мигрантов раз-

личных переселенческих волн принадлежит исследовательскому коллективу Г.Ф. Габдрахмановой и Э.А. Сагдиевой. В качестве теоретической рамки описания «типичных форм субъективного проживания миграции» и факторов усвоения/отторжения мигрантами новых норм и ценностей в процессе социальной адаптации исследовательницы опирались на феноменологизм М. Вебера, А. Шюца, Э. Гуссерля, А. Бергсона, в качестве научных методов использовали интервью и анализ нарративов представителей узбекской и таджикской диаспор. Заявленная исследовательская стратегия была нацелена на определение социокультурных условий, которые определяют эффективность приживаемости представителей указанных этнических групп, и сравнение жизненных и адаптационных стратегий мигрантов советской и ранней постсоветской волн с мигрантами, которые приезжают в республику временно в течение разного времени. Как итог был сделан вывод о том, что успешность приживаемости мигрантов напрямую зависит от уровня социализации в стране происхождения, миграционного опыта, внутрисемейных связей, глубины освоения культурных норм принимающего сообщества, этнической идентичности и внутриэтнических сетей [8].

В то же время значение данной работы можно рассматривать не только с точки зрения весомого научного вклада в обоснование дифференцированного – в зависимости от исторического контекста и связанных с ним социокультурных особенностей – подхода к изучению процесса формирования центральноазиатских диаспоральных сообществ в Республике Татарстан. Выделив три стратегии приживаемости мигрантов из Узбекистана и Таджикистана: «старожил», длительно проживающих в регионе со своими семьями и ощущающих себя полноправными российскими граж-

данами, «неприжившихся», наряду со «старожилами» проживающих длительное время, но не желающих перевозить семью из страны исхода и осваивать культуру принимающего сообщества и, наконец, промежуточную категорию, проживающую с семьями, занимающую относительно устойчивую социально-экономическую нишу, но сознательно сохраняющую культурную дистанцию с местным населением, Г.Ф. Габдрахманова и Э.А. Сагдиева на примере «неприжившихся» и «промежуточных» описали феномен одновременного пребывания мигрантов в нескольких социокультурных реальностях, когда мигрант, уезжая работать и жить в России, продолжает сохранять тесные связи с местом исхода/происхождения, находясь в «раздвоенном», по выражению С.Н. Абашева, состоянии [3, с. 11]. В свою очередь, одновременная принадлежность к разным культурам определяет более сложную и разнообразную конфигурацию социальной реальности, формируя транснациональные практики повседневности, которые могут быть характерны в равной степени как для «неприжившихся» и «промежуточных», так и для «старожил».

После вступления в 2015 г. Кыргызской Республики (КР) в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) предметно-проблемное поле этносоциологических исследований трудовой миграции в Республике Татарстан было расширено этим же авторским коллективом путём включения в научный дискурс вопросов, связанных со своеобразием адаптационных стратегий мигрантов, прибывающих из различных регионов Центральной Азии [9]. Сбор нарративов осуществлялся качественными методами среди мигрантов и экспертов со стороны Кыргызской Республики и Республики Татарстан.

Основываясь на теории рационального выбора Дж. Коулмана и теории социального капитала П. Бур-

дье, исследовательницы обосновали влияние различных форм капитала (политического, экономического, физического, человеческого, социального и культурного) на формирование адаптационных стратегий мигрантов из Кыргызстана и спрогнозировали возможные направления дальнейшей капитализации их ресурсов. В качестве особенностей кыргызской миграции, выделяющих её среди других центральноазиатских стран-реципиентов, были обозначены более осознанная ориентация на использование семейных связей, высокий уровень феминизации и светскости, хорошее знание русского языка и отсутствие установки на работу в моноэтничном трудовом коллективе. Необходимо отметить, что в данной работе процесс наращивания представителями кыргызской миграции всех заявленных форм капитала рассматривался с позиции преимуществ и возможных ограничений как в принимающем регионе, так и в стране исхода и/или происхождения, что свидетельствует об устойчивой исследовательской практике рассматривать центральноазиатские диаспоральные сообщества в Республике Татарстан с учётом транснационального пространства.

Логическим продолжением в изучении различных видов миграции из стран Центральной Азии стало исследование Г.Ф. Габдрахмановой и Э.А. Сагдиевой, характеризующее этнокультурную, религиозную и этноязыковую идентичности молодого поколения мигрантов, приехавшего в Республику Татарстан с целью получения высшего образования [10].

Межпоколенческие отличия в самоидентификации представителей центральноазиатских этнических диаспор продолжают сегодня рассматриваться и с точки зрения различного рода смещений в сторону религиозной или этнической идентичностей [11], и с позиции межкультурного взаимодействия

в общем конфессиональном пространстве, видоизменяющем религиозную идентичность мигрантов-мусульман и представителей принимающего мусульманского сообщества [12].

Более 15 лет изучением миграции в Республике Татарстан занимается исследовательский коллектив этнографов Казанского федерального университета под руководством Т.А. Титовой [13]. Такой внушительный временной промежуток позволил учёным собрать значительный объем эмпирических данных, зафиксировавший как социально-демографические характеристики (пол, возраст, занятость, семейное положение), так и этнокультурные особенности центральноазиатских мигрантов (религиозность, уровень внутригрупповой сплоченности, особенности социальных контактов), в совокупности определяющие многообразие адаптационных стратегий и практик их взаимодействия с принимающим населением. Стоит отметить, что на протяжении целого ряда лет лингвокультурные ориентации мигрантов из различных социально-демографических групп рассматривались исследователями с учетом билингвизма, характерного для Республики Татарстан. В одной из последних опубликованных работ интерпретация личного опыта информантов методом фрейм-анализа позволила указанному авторскому коллективу не только обосновать факторы, оказывающие влияние на различную степень (высокую/низкую) владения русским языком у выходцев из стран Средней Азии, но и обозначить трансграничный контур использования мигрантами русского языка (в данном случае – в стране исхода и/или происхождения) [13].

Таким образом, предметно-проблемное поле прикладных этносоциологических исследований, сфокусированных на изучении социальных и культурных факторов адаптации в Республике Татарстан мигрантов

из государств Центральной Азии представляет собой достаточно широкий спектр научных дискурсов, в рамках которых поднимаются проблемы, связанные не только с прямым влиянием диаспоральных сообществ этих стран на изменение структуры рынка труда и функционирование общественно значимых социальных институтов принимающего региона, но и с процессом социо-культурной адаптации мигрантов в новой среде (включая процесс формирования новых форм идентичности).

Заключение

В настоящее время исследователями накоплен значительный эмпирический материал, подтверждающий статус Республики Татарстан как региона, привлекающего центральноазиатских мигрантов не только социально-экономическими условиями проживания, но и культурной и языковой близостью в сочетании с высоким уровнем этнической толерантности. Указанные факторы, формирующие в регионе благоприятный климат для мигрантов с точки зрения успешного преодоления ключевых барьеров процесса адаптации (языковые трудности и культурные различия), определяют своеобразие и уникальность не только Республики Татарстан, но адаптационных стратегий самих мигрантов. Однако в исследовательском поле сегодня ощущается явный недостаток компаративных исследований, во-первых, сравнивающих ситуацию в различных российских регионах в разрезе «типичного - уникального» опыта «проживания» миграции выходцами из центральноазиатского региона, во-вторых, анализирующих последствия транснационального влияния миграции как для принимающего региона, так и для стран-реципиентов. Указанные направления, на наш взгляд, являются перспективными и с позиции более детального изучения различных форм

этнического предпринимательства, и в целом изменений структуры рынка труда в принимающих регионах, особенно с учетом нарастающей образовательной миграции. С точки зрения межкультурного трансфера востребованым является изучение стратегий адаптации мигрантов на всех уровнях российской системы образования.

Кроме того, определенный научный интерес представляют взаимосвязанные процессы воздействия мигрантов на изменение городского пространства и трансформации идентичности мигрантов, приезжающих из сельскохозяйственных районов центральноазиатских стран, в условиях современного города.

Список литературы / References

1. Дружинин А.Г. «Миграционная детерминанта» и пространственные особенности формирования диаспор ведущих этносов Центральной Азии в современной России. *Псковский регионологический журнал*. 2020; (2(42)):42–54.
Druzhinin A.G. «Migracionnaya determinanta» i prostranstvennye osobennosti formirovaniya diaspor vedushhih etnosov Central'noj Azii v sovremennoj Rossii. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*. 2020; (2(42)):42–54. (In Russ.)
2. Фахрутдинов Р.Р., Зайнуллин Л.И. Аккультурация мигрантов из Центральной Азии в Республике Татарстан. *Наследие и современность*. 2023; (6(1)): 7–14.
Fakhrutdinov R.R., Zainullin L.I. Acculturation of Central Asian migration in the Republic of Tatarstan. *Nasledie i sovremennost' = Heritage and Modern Times*. 2023; (6(1)):7–14. (In Russ.)
3. Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм. *Этнографическое обозрение*. 2012; (4):3–13.
Abashin S.N. Central Asian migration: practices, local communities, transnationalism. *Ethnographic Review*. 2012; (4):3–13. (In Russ.)
4. Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н. Становление и развитие этносоциологии в Республике Татарстан. *Социологические исследования*. 2012; (2):83–93.
Gabdrakhmanova G.F., Musina R.N. Formation and development of ethnosociology in the Republic of Tatarstan. *Sotsialogicheski issledovania*. 2012; (2):83–93. (In Russ.)
5. Сагдиева Э.А. Особенности адаптационных процессов в этнической мигрантской среде (на примере Республики Татарстан). *Вестник Чувашского университета*. 2010; (1):153–157.
Sagdieva E.A. Peculiarities of adaptation processes among ethnic migrants (a case study of the Republic of Tatarstan). *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2010; (1):153–157.
6. Нагорнова Е.С. Национальные автономии народов Средней Азии в Поволжье: история создания и проблемы развития. *Этническая культура*. 2022; (4(2)): 21–25.
Nagornova E.S. National Autonomies of the Peoples of Central Asia in the Volga Region: The History of Creation and Problems of Development. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*. 2022; (4(2)):21–25. (In Russ.)
7. Оморова Н.И. Глобализация и трансформация этнической идентичности диаспор. *Век глобализации*. 2014; (1(13)):160–165.
Omorova N.I. Globalization and the Transformation of ethnic identity. *Age of Globalization*. 2014; (1(13)):160–165. (In Russ.)
8. Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А. Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан. *Вестник Института социологии*. 2019; (10(1)): 58–77.
Gabdrakhmanova G.F., Sagdieva E.A. The socio-cultural conditions for the adaptation of «new» ethnic groups in the Republic of Tatarstan. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2019; (10(1)): 58–77. (In Russ.)

9. Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А. Опыт изучения кыргызской миграции в постсоветской России: стратегии, практики, формы капитала. *Этнографическое обозрение*. 2020; (3):54–70.
10. Gabdrakhmanova G.F., Sagdieva E.A. An Experience from Studying Kyrgyz Migration in Post-Soviet Russia: Strategies, Practices, Forms of Capital. *Ethnographic Review*. 2020; (3):54–70. (In Russ.)
10. Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Кораблева Н.И. Студенты из государств Центральной Азии в Татарстане: мотивация, адаптация, жизненные планы. *Социологические исследования*. 2017; (3(395)):58–63.
- Gabdrakhmanova G.F., Korabileva N.I., Sagdieva E.A. The students from Central Asia in the Republic of Tatarstan: motivation, adaptation, life plans. *Sotsialogicheski issledovaniya*. 2017; (3(395)):58–63. (In Russ.)
11. Матушанская Ю.Г., Салахова Д.Ф. Этнорелигиозная самоидентификация мигрантов в Республике Татарстан. *Вестник Владимира гостиного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки*. 2022; (4(36)):67–74.
- Matushanskaya Yu.G., Salakhova D.F. Ethno-religious self-identification of migrants in the Republic of Tatarstan.
- Vestnik Vladimirowskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovyh. Seriya: Social'nye i gumanitarnye nauki. 2022; (4(36)):67–74. (In Russ.)
12. Липатова Т.Н. Особенности реконструирования этнорелигиозной идентичности молодых мигрантов-мусульман в Республике Татарстан. Социология в постглобальном мире: Материалы всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года. Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2022:756–758.
- Lipatova T.N. Features of the reconstruction of the ethno-religious identity of young Muslim migrants in the Republic of Tatarstan. Sociology in the post-global world. Materials of the All-Russian scientific conference, St. Petersburg, November 17–19, 2022. St. Petersburg: OOO «Skifiya-print», 2022:756–758. (In Russ.)
13. Титова Т.А., Козлов В.Е., Фролова Е.В. Особенности адаптации молодых мигрантов из Центральной Азии в Республике Татарстан (по материалам социо-антропологического исследования). *Oriental Studies*. 2024; 17(2):401–412.
- Titova T.A., Kozlov V.E., Frolova E.V. Adaptation practices of young Central Asian migrants in Tatarstan: a socioanthropological survey. *Oriental Studies*. 2024; 17(2):401–412. (In Russ.)

Информация об авторе

Руднева Яна Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приолжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии. Author ID 85173762141; ORCID ID0000-0002-0068-4890, E-mail: iayusina@yandex.ru

Information about author

Rudneva Yana Borisovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology. Author ID 85173762141; ORCID ID0000-0002-0068-4890, E-mail: iayusina@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.11.2025; принята к публикации 02.12.2025.
Received 13.11.2025; Accepted 02.12.2025.